

Эрих Кестнер

Фабиан. История одного моралиста

Глава первая Кельнер-оракул И все-таки он идет туда Институт душевных сближений

Фабиан сидел в кафе под названием «Полено» и просматривал заголовки в вечерних газетах: «Над Бовэ взорвался английский воздушный корабль», «Стрихнин хранится рядом с чечевицей», «Девятилетняя девочка выпрыгнула из окна», «Снова безуспешные выборы премьер-министра», «Убийство в Лайнциском зоопарке», «Скандал в городском торговом ведомстве», «Искусственный голос в жилетном кармане», «Снижение добычи угля в Руре», «Подарки директору Германской государственной железной дороги Нойману», «Слоны на тротуаре», «Скандал вокруг Клары Боу», «Нервозность на кофейных рынках», «Предстоящая забастовка 140 000 рабочих-металлистов», «Драматическое преступление в Чикаго», «Переговоры в Москве по поводу демпинга древесины», «Бунт егерей Штаремберга». Все как всегда. Ничего особенного.

Он отпил кофе, и его даже передернуло. Кофе был сладкий. С тех пор как десять лет назад Фабиан три раза в неделю, давась, съедал в студенческой столовой у Ораниенбургских ворот лапшу с сахарином, сладкое ему опротивело. Торопливо закулив сигарету, он кликнул кельнера.

— Чем могу служить? — спросил тот.

— Ответьте мне на один вопрос.

— Слушаю вас.

— Идти мне туда или нет?

— Куда, простите?

— Ваше дело не спрашивать. Ваше дело отвечать. Идти мне туда или нет?

Кельнер в замешательстве почесал за ухом и, переминаясь с одной плоской стопы на другую, ответил:

— Пожалуй, лучше вам не ходить, осторожность — прежде всего!

Фабиан кивнул.

— Ладно. Я пойду. Счет!

— Но я же вам советовал обратное!

— Именно поэтому я и пойду. Счет, пожалуйста!

— А если бы я вам посоветовал идти, вы бы не пошли?

— Все равно пошел бы. Счет, пожалуйста!

— Не понимаю, — сердито проговорил кельнер, — зачем было меня спрашивать?

— Если бы я знал, — ответил Фабиан.

— Чашка кофе, хлеб с маслом, пятьдесят, тридцать, восемьдесят, девяносто пфеннигов, — деловито подсчитывал кельнер.

Фабиан положил на столик одну марку и вышел. Он понятия не имел, где находится. Если человек садится на Виттенбергплатц в автобус № 1, у Потсдамского моста пересаживается в трамвай, не успев заметить его номера, через двадцать минут вдруг выходит из вагона, потому что туда вошла женщина, как две капли воды похожая на Фридриха Великого, то он и вправду не может знать, куда его занесло.

Спотыкаясь о толстые доски, он пошел вслед за тремя торопливо шагавшими рабочими, вдоль заборов, огораживающих стройку, мимо унылых серых отелей, где сдают комнаты на

час, к вокзалу городской железной дороги Яновицбрюкке. В поезде он вытащил адрес, который записал ему шеф конторы Бертух: «Шлютерштрассе, 23, фрау Зоммер». Он доехал до станции Цоо. На Иоахимсталерштрассе какая-то нетвердо держащаяся на тощих ногах девица спросила, не составит ли он ей компанию. Он отказался от этого предложения, погрозил ей пальцем и пошел прочь.

Город походил на ярмарку. Фасады домов были так расцветены пестрыми огнями, что звездам в небе оставалось только стыдиться самих себя. Над крышами зарокотал самолет. И вдруг дождем посыпались алюминиевые монеты. Прохожие глянули на небо, засмеялись и бросились их собирать. Фабиану вспомнилась маленькая девочка из сказки, которая поднимает подол своей рубашонки, ловя денежки, падающие с неба. Он снял монету с твердых полей чьей-то шляпы. «Посетите экзотический бар на Ноллендорфплатц, 3, красивые женщины, обнаженные скульптуры, в том же доме пансион Кондор» — стояло на ней. Фабиан на миг представил себе, что это он летит в самолете и смотрит вниз на себя, молодого человека, стоящего в толпе на Иоахимсталерштрассе, в свете фонарей и витрин, в хаосе лихорадочно разгорающейся ночи.

До чего же мал этот молодой человек! А ведь это он, Фабиан. Он пересек Курфюрстендамм. На одном из фронтонов крутилась светящаяся фигурка — маленький турок с электрическими глазными яблоками. Вдруг сзади кто-то сильно стукнул Фабиана по башмаку. Он сердито обернулся. Трамвай. Вожатый разразился бранью.

— Внимательнее надо быть! — крикнул полицейский.

Фабиан надвинул шляпу на лоб и сказал:

— Постараюсь.

На Шлютерштрассе дверь открыл лилипут в зеленой ливрее; поднявшись вместе с гостем по красиво убранной лестнице, он помог ему снять пальто и ушел. Едва зеленый гномик скрылся, как из-за драпри, шурша платьем, появилась пышная дама, видимо, фрау Зоммер, и сказала:

— Не угодно ли пройти ко мне в кабинет? Фабиан последовал за ней.

— Ваш клуб мне рекомендовал некий господин Бертух.

Она полистала в тетради и кивнула.

— Бертух, Фридрих Георг, начальник конторы, сорок лет, среднего роста, брюнет, Карлштрассе девять, любит музыку, предпочитает стройных блондинок не старше двадцати пяти лет.

— Да, это он!

— Господин Бертух посещает нас с октября и был за это время уже пять раз.

— Это говорит в пользу вашего заведения.

— Вступительный взнос — двадцать марок, и каждый визит — десять.

— Вот тридцать марок. — Фабиан положил деньги на письменный стол.

Пышная дама сунула их в ящик и, вооружившись ручкой, спросила:

— Ваши данные?

— Фабиан, Якоб, тридцать два года, определенной профессии не имею, в настоящее время — специалист по рекламе, Шаперштрассе семнадцать, большое сердце, волосы каштановые. Что еще вам угодно узнать?

— Имеются ли у вас какие-либо пожелания относительно дам?

— Мне не хотелось бы себя связывать. Вкус мой склоняется к блондинкам, но опыт говорит против них. Предпочитаю крупных женщин. Но и против маленьких ничего не имею. Так что оставьте эту графу свободной.

Где-то играл граммофон. Пышная дама поднялась и серьезно сказала:

— Я должна, прежде чем мы войдем, ознакомить вас с основными нашими правилами. Сближение между членами клуба считается скорее желательным, чем нежелательным. Дамы пользуются теми же правами, что и мужчины. Сообщать о существовании, местонахождении и обычаях клуба рекомендуется лишь людям, вполне заслуживающим доверия. Несмотря на преследуемые клубом идеальные цели, плата взимается наличными. В помещении клуба ни

одна пара не вправе рассчитывать на уединение. Пара, желающая уединиться, должна покинуть здание клуба. Наш клуб служит установлению связей, но не связям как таковым. К членам клуба, случайно встретившимся здесь со своими знакомыми, мы обращаемся с просьбой, во избежание ненужных осложнений, немедленно забыть об этом. Вы меня поняли, господин Фабиан?

— Вполне.

— Тогда попрошу вас следовать за мной. Гостей было человек тридцать — сорок. В первой комнате играли в бридж. Рядом танцевали. Фрау Зоммер указала новому члену клуба свободный столик, сообщила, что в случае необходимости он может обратиться к ней, и удалилась. Фабиан сел, заказал кельнеру коньяк с содовой и огляделся. Похоже, он попал на чей-то день рождения.

— Люди выглядят простодушнее, чем они есть на самом деле, — заметила маленькая черноволосая девушка и под села к нему. Фабиан предложил ей закурить.

— Вы кажетесь симпатичным, — сказала она. — Вы родились в декабре.

— В феврале.

— Ага! Созвездие Рыб и несколько капель Водолея. Натура довольно холодная. Вы пришли только из любопытства?

— Теоретики ядерщики утверждают, что даже самые крохотные частички материи состоят из непрерывно вращающихся электрических масс энергии. Считаете ли вы эту точку зрения гипотезой или представлением, соответствующим истинному положению вещей?

— А вы, оказывается, обидчивый, — воскликнула эта особа. — Ну да ничего. Вы хотите здесь подыскать себе женщину?

Он пожал плечами.

— Это формальное предложение?

— Какой вздор! Я дважды была замужем, пока что с меня хватит. Брак — неподходящая для меня форма самовыражения. Но мужчинами я интересуюсь. И каждого, кто мне хоть немного нравится, воображаю своим мужем.

— В точном смысле слова, надеюсь?

Она засмеялась, словно икнула, и положила руку ему на колено.

— Разумеется. Недаром говорят, что моя фантазия излишне прямолинейна. Если в течение вечера у вас появится желание проводить меня домой, ну что ж, — квартира у меня маленькая, как и я сама, но зато постоянная.

Он снял со своего колена чужую, беспокойную руку и сказал:

— Все может быть. А пока я хочу осмотреться здесь.

Но это ему не удалось. Когда он встал и обернулся, то увидел перед собою рослую, как по заказу, женщину, которая сказала:

— Сейчас начнутся танцы.

Она была выше его и к тому же блондинка. Согласно здешним правилам маленькая черноволосая болтушка скрылась. Кельнер запустил граммофон. У столиков возникло оживление. Начались танцы.

Фабиан придирчиво рассматривал блондинку. У нее было бледное инфантильное лицо, с виду более скромное, чем можно было судить по ее поведению во время танцев. Он молчал и чувствовал, что еще несколько минут, и молчание достигнет той стадии, когда начать разговор, даже самый пустячный, будет уже невозможно. К счастью, он наступил ей на ногу. И она разговорилась. Показала ему двух дам, которые недавно из-за какого-то мужчины надавали друг другу оплеух и даже платья порвали. Сообщила, что фрау Зоммер состоит в связи с зеленым лилипутом, и добавила, что не решается даже вообразить себе подобную связь. Наконец, спросила, хочет ли он еще остаться здесь, она, мол, сейчас уходит. Он пошел с нею.

На Курфюрстендамм она подозвала такси, сказала шоферу свой адрес, села в машину и принудила Фабиана сесть рядом.

— У меня только две марки осталось, — пробормотал он.

— Не имеет значения, — ответила она и крикнула шоферу: — Выключите свет!

Стало темно. Машина рванулась с места. На первом же повороте блондинка навалилась на Фабиана и укусила его в нижнюю губу. Он стукнулся виском о металлическое крепление, схватился за голову и простонал:

— О-о-о! Неплохое начало!

— Не будь таким недотрогой! — потребовала она, продолжая оказывать ему знаки внимания.

Ее нападение было слишком внезапно. Голова у него трещала. Он вконец растерялся.

— Собственно говоря, до того, как вы стали меня душить, я собирался написать одно письмо, — прохрипел он.

Она двинула его в ключицу, засмеялась — при этом ни один мускул на ее лице не дрогнул (в ее смехе прозвучала вся гамма от йо до я и обратно) — и продолжала его душить. Все его попытки освободиться она, увы, истолковывала неверно. Каждый поворот дороги усугублял его мучения. Он заклинал судьбу сократить число поворотов. И судьба над ним сжалилась.

Машина наконец остановилась, блондинка попудрила нос, расплатилась и уже у самой двери дома заметила:

— Во-первых, у тебя все лицо в красных пятнах, а во-вторых, ты выпьешь со мной чашку чая.

Он стер со щек губную помаду и сказал:

— Ваше предложение делает мне честь, но завтра утром я должен вовремя быть на работе.

— Не зли меня. Ты останешься здесь. Горничная тебя разбудит.

— Но я все равно не встану, нет-нет, я должен спать дома. В семь утра я жду срочную телеграмму. Ее принесет хозяйка и будет трясти меня, покуда я не проснусь.

— Как ты можешь знать, что тебе принесут телеграмму?

— Я знаю даже, что будет в этой телеграмме.

— Что же именно?

— «Пора вставать! Твой верный друг Фабиан». Фабиан — это я.

Он, прищурившись, взглянул вверх на деревья и порадовался желтому сиянию фонарей. На улице царил тишина. Кошка бесшумно шмыгнула во тьму. Если б он мог сейчас пройти вдоль серых домов!

— История с телеграммой просто выдумка, да?

— Нет, как ни странно, — отвечал он.

— Зачем же ты пришел в клуб, если тебя не интересует дальнейшее? — сердито спросила она и отперла дверь.

— Мне дали адрес, а я очень любопытен.

— Ну, так але-гоп! — сказала она. — Любопытство не знает преград.

Дверь за ними захлопнулась.

Глава вторая **Бывают очень назойливые дамы** **Адвокат ничего не имеет против** **Нищенство портит характер**

В лифте имелось зеркало.

Фабиан вытащил носовой платок и стер с лица пятна помады. Галстук сбился на сторону. Висок горел. И бледная блондинка смотрела на него сверху вниз.

— Вы знаете, что такое мегера? — спросил он. Она обняла его.

— Знаю, но, думается, я красивее.

На дверной табличке значилось: «Молль». Дверь открыла горничная.

- Принесите нам чаю.
- Чай в вашей комнате.
- Хорошо. Можете идти спать!

Девушка скрылась в коридоре. Фабиан последовал за блондинкой. Она провела его прямо в спальню, налила ему чаю, достала коньяк, сигареты и, сделав широкий жест, сказала:

- Прошу!
- Бог мой, ну и темпы у вас!
- Где? — спросила она.
- Он пропустил ее вопрос мимо ушей.
- Молль — это вы?

— Я даже Ирена Молль, так что людям, окончившим гимназию, есть над чем посмеяться. Садись же, я сейчас вернусь.

Он удержал ее и поцеловал.

— Зачем так торопиться, — сказала она и вышла из комнаты.

Он выпил глоток чаю и рюмку коньяку. Потом окинул взглядом комнату. Кровать низкая и широкая. Лампа отбрасывает рассеянный свет. Стены — сплошь зеркальные. Он выпил еще коньяку и подошел к окну. Окно не было зарешечено.

Чего хочет от него эта женщина? Фабиану было тридцать два года; он и прошлую ночь не бездействовал, и этот вечер уже начал его возбуждать. Он выпил третью рюмку коньяку и потерял руки. Его уже давно занимала вся пестрая палитра чувств, из любви к искусству, так сказать. Но чтобы эти чувства постигнуть, надо их испытать. Только испытывая их, можно о них судить. И, как хирург, вскрыть собственную душу.

— Итак, сейчас я расправлюсь с этим маленьким мальчиком, — сказала блондинка. Теперь на ней была пижама из черных кружев. Он попытался. Но она с криком «урра!» бросилась ему на шею, да так, что он потерял равновесие и вместе с дамой очутился на полу.

— Ну разве она не ужасна? — спросил вдруг чей-то незнакомый голос.

Фабиан в изумлении поднял глаза. В дверях стоял сухопарый, длинноносый человек в пижаме и зевал.

— Что вам здесь нужно? — спросил Фабиан.

— Прошу простить меня, но я не знал, что вы с моей женой уже ползаете по комнате.

— С вашей женой?

Вошедший кивнул и, отчаянно зевая, голосом, полным укоризны, сказал:

— Ирена, ну зачем ты ставишь молодого человека в ложное положение? Если ты хотела показать мне свое новоприобретение, могла бы, по крайней мере, представить мне его, как принято. Но на ковре!.. Молодому человеку это наверняка неприятно. А я так сладко спал, когда ты меня разбудила... Моя фамилия Молль, — отрекомендовался он наконец, — я адвокат и, кроме того, — он душераздирающе зевнул, — и, кроме того, супруг той особы, которая обнимает вас.

Фабиан высвободился из объятий блондинки, встал и пригладил волосы.

— Ваша супруга, видимо, содержит мужской гарем? Моя фамилия Фабиан.

Молль подошел и протянул ему руку.

— Весьма рад познакомиться с симпатичным молодым человеком в обстоятельствах столь же привычных, сколь и непривычных. Все зависит от точки зрения. Но вы не беспокойтесь: я к этому привык. Садитесь, прошу вас.

Фабиан сел в кресло. Ирена Молль примостилась на подлокотнике, погладила Фабиана и сказала мужу:

— Если он тебе не нравится, я расторгну контракт.

— Но он же мне нравится, — отвечал адвокат.

— Вы говорите обо мне так, словно я кусок обсыпного торта или детская игрушка, — заметил Фабиан.

— Ты и есть игрушка, мой мальчик! — воскликнула фрау Молль и прижала его голову к своей роскошной груди за черной решеткой кружев.

— О, черт! — воскликнул он. — Будьте добры оставить меня в покое!

— Милая Ирена, не сердись своего гостя, — сказал Молль, — сейчас мы с ним пройдем ко мне в кабинет, и там я ему все объясню. Ты забываешь, что ему эта ситуация представляется несколько необычной. Потом я снова пришлю его к тебе. Доброй ночи. — Адвокат пожал руку жене.

Она вскочила на свою низкую кровать и сказала, печально и одиноко стоя среди подушек:

— Доброй ночи, Молль, спи спокойно. Только не заговори его до смерти. Мне он еще нужен.

— Да, да, — отвечал Молль и увел гостя за собою. В кабинете они уселись. Адвокат закурил сигару, зябко поежился и, прикрыв колени верблюжьим одеялом, полистал в какой-то папке.

— Меня это, правда, нимало не касается, — начал Фабиан, — но то, что вы позволяете вашей жене, переходит все границы. И часто она вас подымает с постели для оценки любовников?

— Очень часто, сударь. Поначалу я добивался гарантированного права на освидетельствование. После первого года нашего брака мы составили контракт, параграф четвертый коего гласит: «Одна из договаривающихся сторон, фрау Ирена Молль, обязуется любого человека, с коим она намерена вступить в интимные отношения, прежде всего представить своему супругу, доктору Феликсу Моллю. Если последний возражает против данной кандидатуры, фрау Ирена Молль должна немедленно отказаться от своих намерений. Любое нарушение сего параграфа влечет за собою сокращение месячного содержания наполовину». Контракт весьма примечательный. Может быть, Зачитать вам *in extenso*¹ — Молль вынул из кармана ключ от письменного стола.

— Не беспокойтесь, — остановил его фабиан. — мне только хотелось бы узнать, как вам вообще пришло в голову составить подобный контракт.

— Моей. жене снились дурные сны.

— Что?

— Ей снились сны. черт знает что за сны. мне было совершенно очевидно, что чем дольше мы состоим в браке, тем больше возрастают ее сексуальные потребности, отсюда и сны, о содержании которых вы, к счастью, даже представления не имеете. я устранился, и она навела в свою спальню китайцев, боксеров и танцовщиц. что мне оставалось? вот мы и заключили договор.

— А вам не кажется, что более действенным и менее безвкусным было бы другое? — нетерпеливо спросил фабиан.

— Что, например? — адвокат выпрямился.

— Например, человек двадцать пять за вечер.

— Мы и так пробовали. но мне это было слишком больно.

— Вполне вас понимаю.

— Нет, — воскликнул адвокат, — вы не можете меня понять, ирена очень сильная женщина.

Молль понурил голову. фабиан вытащил из вазы на письменном столе белую гвоздику, вддел ее в петлицу, встал, прошелся по комнате и поправил две-три покосившиеся картины на стенах. не исключено, что этому типу доставляло удовольствие даже сносить побои от жены.

— Я хочу уйти, — сказал фабиан. — дайте мне ключ!

— Вы это серьезно? — испугался молль. — но ведь ирена ждет вас. ради всего святого, останьтесь. она будет вне себя, когда узнает, что вы ушли. решит, что я вас спровадил. останьтесь, прошу вас! она так вам радовалась. доставьте ей это маленькое удовольствие!

¹ Целиком, полностью (лат.).

Адвокат вскочил и вцепился в пиджак гостя.

— Оставайтесь! вы не пожалеете! и еще вернетесь сюда! вы будете нашим другом. и я буду знать, что ирена в хороших руках. сделайте это ради меня!

— Может, вы еще гарантируете мне ежемесячную оплату?

— Об этом мы поговорим, сударь. я не так уж беден.

— Дайте мне ключ. и незамедлительно! я для такой роли не гожусь!

Доктор молль вздохнул, пошарил на столе, протянул фабиану связку ключей и сказал:

— Очень, очень жаль, вы с самого начала были мне симпатичны. пусть этот ключ побудет у вас несколько дней. может, вы еще передумаете. во всяком случае, я был бы очень рад видеть вас снова.

— Доброй ночи, — пробормотал фабиан. тихонько пройдя через переднюю, он взял свое пальто и шляпу, открыл дверь, потом осторожно прикрыл ее за собой и галопом ринулся вниз по лестнице. на улице он облегченно вздохнул и покачал головой. мимо проходили люди, не догадываясь о том, что творится за стенами этого дома. волшебный дар — видеть сквозь стены и занавешенные окна — сущая ерунда в сравнении со способностью стойко перенести увиденное.

«Я очень любопытен», — говорил он блондинке, а сам сбежал, вместо того чтобы удовлетворить свое любопытство при помощи четы молль. тридцати марок как не бывало. в кармане оставалось всего две. значит, и поужинать не удастся. насвистывая что-то, он отправился бродить по темным незнакомым аллеям и ненароком очутился у станции хеерштрассе. доехал до цоо, спустился в метро, сделал пересадку на виттенбергплатц и на шпихернштрассе снова выбрался из преисподней на свет божий.

Он зашел в свое излюбленное кафе. доктора лабуде там уже не было. тот, как ему передали, прождал его до одиннадцати. фабиан сел, заказал кофе и закурил.

Хозяин, некий господин ковальский, поинтересовался, как его драгоценное здоровье.

Кстати, сегодня вечером произошел один забавный случай. первым обратил на это внимание кельнер нитенфюр. — ковальский засмеялся, блеснули его искусственные зубы. — вон там, за круглым столиком, сидела молодая пара. они оживленно беседовали. женщина все гладила руку мужчины, смеялась, прикурила ему сигарету, вообще была сама любезность, что не так уж часто встречается.

— Не вижу тут ничего смешного.

— Погодите, дорогой господин фабиан. погодите немножко! женщина — а она была очень красивая, надо отдать ей должное, — одновременно флиртовала с господином, сидевшим за соседним столиком. да еще как! вот это-то и дал мне незаметно понять нитенфюр. зрелище — сногшибательное! наконец этот тип передал ей записку. она прочитала, кивнула, тоже что-то нацарапала на ней и перебросила на соседний столик. и все это ни на минуту не переставая болтать со своим дружкой, к вящему его удовольствию. много я видал предприимчивых дамочек, но эта мастерица одновременной игры всех за пояс заткнула.

— Но почему он это терпел?

— Минуточку, дорогой господин фабиан. в этом вся соль! мы, конечно, тоже удивлялись, почему он ей это позволяет. но он, довольный, сидел с ней рядышком, простодушно улыбался, а в момент, когда она кивнула господину за соседним столиком, даже положил руку ей на плечо. тот тоже ей кивнул, сделал какой-то знак, мы только рты раскрыли. потом они подозвали нитенфюра, чтобы расплатиться. — господин ковальский расхохотался, запрокинув свою громадную голову.

— Ну, так в чем же дело?

— Мужчина, с которым она сидела, был слепой! хозяин отвесил поклон и ушел, громко смеясь.

Фабиан изумленно смотрел ему вслед. прогресс человечества был налицо.

У дверей стоял шум. нитенфюр и помощник кельнера пытались выдворить какого-то оборванца.

— Убирайтесь вон! целый день эти нищие, просто наказание! — шипел нитенфюр.

А помощник кельнера что было сил тряс бледного, ни слова не произносившего человека. фабиан бросился к двери.

— Немедленно оставьте этого господина! — крикнул он кельнерам.

Те нехотя повиновались.

— А, вот и вы! — сказал фабиан и подал нищему руку. — мне чрезвычайно неприятно, что вас обидели. извините, и пойдете к моему столику. — он повел мужчину, который не понимал, что с ним происходит, в свой уголок, предложил ему сесть и спросил: — что бы вы хотели? может, выпьете для начала кружку пива?

— Вы очень любезны, — сказал нищий, — но я доставляю вам столько хлопот...

— Вот меню, выберите себе что-нибудь, пожалуйста.

— Не стоит. они отгонят меня от стола и вышвырнут вон.

— Не посмеют. возьмите себя в руки. неужели только потому, что у вас пиджак залатан и в животе урчит, вы сидите на краешке стула? вы сами виноваты, что вас никуда не пускают.

— Если ты уже два года без работы, то иначе смотришь на вещи, — сказал нищий. — я сплю в ночлежке. мне платят десять марок пособия. я испортил себе желудок, объевшись черной икрой.

— Кто вы по профессии?

— Банковский служащий, насколько я помню. я и в тюрьме побывал. боже, стоит только оглянуться... единственное, чего я пока не испробовал, это самоубийства. но еще успеется. — он сидел на краешке стула, дрожащими руками прикрывая вырез жилета, чтобы не видна была грязная рубашка.

Фабиан не знал, что ответить. он мысленно перебрал множество фраз. ни одна из них не годилась. он поднялся и сказал:

— Минуточку, кельнер, видно, хочет, чтобы за ним выслали делегацию. — он направился к буфету, потребовал от обер-кельнера объяснений, схватил его за руку и потащил через залу.

Нищего за столиком не было.

— Завтра заплачу! — крикнул фабиан, выскочил из кафе и огляделся. человек исчез бесследно.

— Кого вы ищете? — спросил кто-то.

Это был мюнцер, редактор мюнцер. он застегнул пальто, закурил сигару и сказал:

— Какая глупость! я мог за милую душу выиграть эту партию. шмальнауэр играл как бегемот. однако мне пора на ночное дежурство. немецкий народ хочет с утра пораньше знать, сколько чердаков сгорело, куда он спал.

— Но вы же политический редактор, — удивился фабиан.

— Пожары бывают в любой области, — сказал мюнцер. — и как раз ночью. так уж заведено. знаете что, пойдете со мной! хоть посмотрите на наш цирк!

Мюнцер сел в свою маленькую машину. фабиан — рядом с ним.

— Давно вы обзавелись машиной? — спросил он.

— Я купил ее у нашего торгового редактора. ему она стала не по карману, — отвечал мюнцер. — он здорово злится, всякий раз когда видит, как я залезаю в его бывшую «шикарную» машину. это даже забавно. а вы знаете, что едете со мной на свой страх и риск? если сломаете себе шею, будете отвечать сами.

И они поехали.

Глава третья

Четырнадцать убитых в калькутте

Самое правильное — поступать неправильно

Улитки ползают по кругу

Коридор был пуст. в торговой редакции горел свет, там не было ни души, дверь стояла настежь.

— Жаль, что мальмю уже здесь, — с сожалением сказал мюнцер, — опять не увидел своей машины. минуточку, давайте послушаем, что творится в мире.

Он рывком открыл дверь. стучали пишущие машинки, из телефонных кабин, теснившихся вдоль одной из стен, доносились приглушенные голоса стенографисток.

— Есть что-нибудь важное? — крикнул мюнцер в этот шум.

— Речь рейхсканцлера, — ответила одна из женщин.

— Так я и знал, — сказал редактор, — этот тип испакостит мне своей болтовней всю первую полосу. полный текст имеется?

— Вторая кабина принимает уже вторую треть.

— Немедленно в машину, а потом ко мне, — приказал мюнцер, закрыл дверь и повел фабиана в помещение политической редакции. снимая пальто, мюнцер указал на письменный стул.

— Полюбуйтесь на этот хлам! бумажная лавина! он порылся в ворохе только что поступивших

Сообщений, точно портной, ножницами обкромсал одни, другие выбросил в корзину, сказав при этом:

— Марш в корзинку!

Затем позвонил, заказал рассыльному в форменной куртке бутылку мозельского, два стакана и сунул ему деньги. в дверях рассыльный столкнулся со взволнованным и запыхавшимся молодым человеком.

— Только что звонил шеф, — едва дыша, проговорил он. — мне пришлось убрать пять строк из передовицы. ввиду последних сообщений они уже устарели. я сейчас прямо из наборного цеха, снял эти пять строк.

— Ну, вы и шельма, — сказал мюнцер. — разрешите вас познакомить. доктор заблудший, у него впереди большое будущее. «зablудший» — это псевдоним. господин фабиан.

Оба пожали друг другу руки.

— Но в колонке-то, — растерянно пробормотал заблудший, — теперь пять свободных строк.

— И что же надо делать в таком из ряда вон выходящем случае? — спросил мюнцер.

— Заполнить пустоту, — отвечал тот. мюнцер кивнул.

— А запаса в наборе не осталось? — он порылся в оттисках. — увы нет. худо дело. — он быстро просмотрел сообщения, только что отложенные в сторону, и покачал головой.

— Может, еще поступит что-нибудь подходящее, — предположил молодой человек.

— Вам бы столпником быть, — сказал мюнцер. — или подследственным заключенным, а не то просто человеком, у которого времени хоть отбавляй. если вам нужна заметка, а ее нет, значит, надо ее состряпать. вот, смотрите! — он сел, быстро, не задумываясь написал на листке бумаги несколько строк и отдал его молодому человеку. — ну, а теперь бегом вниз, заполнитель пустот! если этого мало, возьмите на шпоны.

Заблудший прочел написанное мюнцером, прошептал едва слышно:

— Господи помилуй! — и опустил в шезлонг прямо на ворох шелестящих иностранных газет, как будто ему вдруг стало дурно.

Фабиан заглянул в листок, дрожавший в руке заблудшего, и прочитал: «в калькутте имели место уличные столкновения между магометанами и буддистами. несмотря на немедленное вмешательство полиции, четырнадцать человек убито и двадцать два ранено. спокойствие полностью восстановлено». шаркая домашними туфлями, вошел старик и положил перед мюнцером несколько машинописных страниц.

— Речь канцлера, продолжение, — буркнул он. — окончание дадут минут через десять.

И потащился вон из комнаты. мюнцер подклеил шесть листков, из которых пока состояла речь, один к другому, и они стали похожи на потрепанный транспарант. потом начал

править.

— Пошевеливайся, йенни, — сказал он, искоса взглянув на заблудшего.

— Но ведь в калькутте не было никаких беспорядков, — нехотя возразил тот. опустив голову, он растерянно пробормотал: — четырнадцать убитых.

— Не было беспорядков? — возмутился мюнцер. — попробуйте мне это доказать! б калькутте всегда беспорядки. может, прикажете нам сообщить, что в тихом океане опять появился морской змей? и зарубите себе на носу: сообщения, которые нельзя опровергнуть сразу или можно разве что через несколько недель, — соответствуют действительности. а теперь бегите в цех, да поскорее, иначе я велю заматрицировать вас и выпущу как приложение.

Молодой человек ушел.

— И этот юнец хочет стать журналистом, — простонал мюнцер, вздохнул и принялся синим карандашом черкать в речи канцлера. — любительские репортажи, с этим он бы еще справился. но таковых, увы, не бывает.

— Вы, значит, не задумываясь, убили четырнадцать индусов, а два десятка остальных поместили в городскую больницу калькутты? — спросил фабиан.

Мюнцер раздраковивал рейхсканцлера.

— А что мне оставалось? — отвечал он. — впрочем, к чему сокрушаться об этих людях? ведь они живы, все тридцать шесть, и вполне здоровы. поверьте, дорогой мой, то, что мы присочиняем, много лучше того, о чем мы умалчиваем. — с этими словами он вычеркнул полстраницы из речи канцлера. — такого рода сообщения несравненно больше воздействуют на общественное мнение, нежели статьи, а всего действеннее — когда нет ни того, ни другого. впрочем, самое милое дело — отсутствие общественного мнения.

— В таком случае надо прикрыть вашу газету, — заметил фабиан.

— А на что прикажете нам жить? — спросил мюнцер. — и, кроме того, чем мы будем заниматься?

Рассыльный принес вино и стаканы. мюнцер наполнил их.

— Да здравствуют четырнадцать убитых индусов! — провозгласил он, осушая свой стакан. потом вновь принялся за канцлера. — наш достославный глава государства опять такого вздора намолол! — сказал он. — ни дать ни взять школьное сочинение на тему: «вода, в которой плавает, но не тонет будущее германии». в шестом классе он заработал бы тройку. — мюнцер повернулся к фабиану и спросил: — а как мы озаглавим эту смехотворную статью?

— Мне больше хотелось бы узнать, что вы там приписали в конце, — сердито сказал фабиан.

Мюнцер отпил еще вина, подержал его во рту, потом проглотил и ответил:

— Ни словечка! ни единой буквы! у нас есть указание — не наносить правительству ударов в спину. выступая против него, мы вредим себе, а полное молчание идет на пользу правительству.

— Я хочу сделать вам одно предложение, — сказал фабиан, — напишите статью в его защиту.

— О нет! — воскликнул мюнцер. — мы порядочные люди. привет, мальмю!

Появившийся в дверях стройный, элегантный господин кивнул спорившим.

— Вы на него не обижайтесь, — сказал мальмю, редактор торгового отдела, фабиану. — он уже двадцать лет как журналист и сам верит в свою ложь. его совесть погребена под десятью перинами, а на них возлежит господин мюнцер и спит неправедным сном.

Опять вошел старик рассыльный с машинописными страницами. мюнцер подклеил их к транспаранту с речью канцлера и продолжал править.

— Вы осуждаете равнодушие вашего коллеги, — сказал фабиан господину мальмю, — а что вы еще делаете?

Редактор торгового отдела улыбнулся, правда, одними губами.

— Я тоже лгу, — отвечал он, — но я это сознаю. сознаю, что система наша порочна. хозяйство тоже, это и слепому видно. но я преданно служу этой порочной системе. ибо в рамках порочной системы, в распоряжение которой я отдал свой скромный талант, неправильные мерки, естественно, считаются правильными, а правильные, конечно, неправильными. я сторонник железной последовательности, и, кроме того, я...

— ...Циник, — бросил мюнцер, не подымая головы. мальмю пожал плечами.

— Я хотел сказать, трус. это гораздо точнее. мой характер недотягивает до моего разума. я искренне об этом сожалею, но уже ничего не могу с собой поделать.

Вошел доктор заблудший и заговорил с мюнцером о том, какие сообщения выбросить из номера и какие вместо них вставить в хронику на основании последней почты. это в самом деле оказались два пожара на чердаках. в жене было брошено несколько туманных слов по поводу немецкого меньшинства в польше. министр сельского хозяйства посулил крупным ост-эльбским землевладельцам повышение тарифных ставок. следствие по делу директоров городского торгового ведомства приняло совсем неожиданный оборот.

— А как мы озаглавим речь рейхсканцлера? — спросил мюнцер. — думайте, господа! десять пфеннигов за удачный заголовок. ее уже пора сдавать в набор! если матрицы запоздают, у нас опять выйдет скандал с печатником.

Молодой человек думал так напряженно, что у него даже вспотел лоб.

— «Канцлер требует доверия», — предложил он.

— Посредственно, — заметил мюнцер, — возьмите-ка стакан и выпейте глоток вина!

Молодой человек незамедлительно последовал его совету.

— «Германия, или леность сердца», — сказал мальмю.

— Не говорите глупостей! — закричал политический редактор. синим карандашом он вывел крупные буквы заголовка и сказал: — десять пфеннигов мои.

— Что вы там написали? — спросил фабиан. мюнцер нажал на кнопку звонка и патетически

Произнес:

— «Оптимизм — наш долг, — говорит канцлер».

Рассыльный забрал бумаги. редактор торгового отдела, ни слова не говоря, сунул руку в карман и бросил на стол десятипфенниговую монетку. его коллега удивленно поднял глаза.

— Этим я начинаю акцию, которая нам срочно необходима, — заявил мальмю.

— Какую такую акцию?

— Предлагаю вернуть вам деньги за ваше обучение, — сказал мальмю; заблудший сдержанно рассмеялся и ринулся к зазвонившему телефону.

— Абонент хочет кое-что узнать, — немного спустя сказал он и прикрыл рукой микрофон. — они там сидят за своим столиком и спорят, как надо говорить: столяр или столяр.

Мюнцер отобрал у него трубку.

— Минуточку, — сказал он. — мы сейчас дадим вам точный ответ. — затем кивнул заблудшему и прошептал — живо в литературный отдел!

Молодой человек бросился вон из комнаты, тут же вернулся и пожал плечами.

— Я только что узнал: говорить следует столяр. пожалуйста. спокойной ночи. — мюнцер положил трубку на рычаг, покачал головой и сунул в карман монетку мальмю.

Потом они сидели в финном погребке, по соседству. мюнцер попросил одного из наборщиков, по пути домой, занести ему гранки, чтобы еще раз проверить, все ли в порядке. он рассердился из-за нескольких опечаток и порадовался заголовку на первой полосе. к их столику подошел штром, театральный критик.

Пили они исправно. юный заблудший был уже здорово пьян. штром, критик, сравнивал именитых режиссеров с оформителями витрин, современный театр представлялся ему симптомом падения капитализма, а когда кто-нибудь замечал, что сейчас, мол, нет драматургов, штром уверял, что кое-какие все же есть.

— Вы уже на взводе, — сказал мюнцер, едва ворочая языком, и штром залился беспричинным смехом.

Фабиан между тем выслушивал (нельзя сказать, чтобы по доброй воле) разъяснения мальмю касательно краткосрочных займов.

— Во-первых, государство и экономика еще шире откроют доступ иностранному капиталу, — уверял редактор, — во-вторых, достаточно одной трещины, и вся эта лавочка рухнет. если в один прекрасный день из обращения будут изъяты большие суммы, все мы пойдем ко дну — и банки, и города, и концерны, и государство.

— Но в газете вы ничего об этом не пишете, — вставил заблудший.

— Я содействую последовательному проведению любой нелепости. все, что принимает гигантские масштабы, импонирует. даже глупость. — мальмю разглядывал молодого человека. — выйдите-ка отсюда, у вас костюм не в порядке.

Заблудший уронил голову на стол.

— Переходите в спортивную редакцию, — воскликнул мальмю. — этот жанр не будет предъявлять особых требований к вашей нежной душе.

Заблудший встал, пошатываясь, прошел через залу к задней двери и скрылся.

Мюнцер, сидевший на диване, вдруг заплакал.

— Я свинья, — пробормотал он.

— Типично русская атмосфера, — констатировал штром. — алкоголь, самобичевание, слезы взрослых мужчин.

Он растроганно погладил лысину политика.

— Я свинья, — бормотал тот. и упорно стоял на своем.

Мальмю улыбнулся фабиану.

— Государство поддерживает не приносящих ему дохода аграриев. государство поддерживает предприятия тяжелой индустрии. их продукцию оно поставляет за границу по убыточным ценам, в пределах же своей страны продает выше ее стоимости на мировом рынке. сырье обходится дорого, фабрикант сокращает заработную плату рабочим. государство ускоряет снижение покупательной способности трудящихся налогами, которые оно не решает взвалить на имущий класс. капитал и без того миллиардами утекает за границу. разве это не есть последовательность? разве в этом безумии нет своей методы? тут любому авантюристу карты в руки!

— Я свинья, — бормотал мюнцер, лоя слезы выпяченной нижней губой.

— Вы переоцениваете себя, уважаемый, — сказал редактор отдела торговли.

Мюнцер, продолжая плакать, скорчил обиженную физиономию. он был явно оскорблен, что ему мешают быть тем, кем он считал себя, правда, только под мухой.

Мальмю азартно продолжал разъяснять ситуацию.

— Техника ускоряет рост производства и резко сокращает численность рабочих. покупательной способности масс грозит скоротечная чахотка. в америке сжигают хлеб и кофе, иначе они чрезмерно упадут в цене. во франции виноградари жалуются, что урожай слишком обилен. вы только представьте себе! люди в отчаянии от того, что земля хорошо родит! излишки хлеба, а другим жрать нечего! если молния не поразит этот мир, грош цена всем историческим прогнозам.

Мальмю, пошатываясь, встал и постучал по стакану. все на него взглянули.

— Господа, — воскликнул он, — я хочу произнести речь! кто против, прошу встать!

Мюнцер с усилием поднялся.

— Прошу встать и покинуть зал, — крикнул мальмю.

Мюнцер сел. штром рассмеялся. мальмю начал свою речь:

— Если бы то, чем страдает сейчас наш почтеннейший земной шар, относилось к отдельному человеку, мы бы сказали: у него паралич. всем вам, без сомнения, известно, что этот тяжкий недуг, равно как и его последствия, нуждается в радикальнейшем лечении, которое либо спасает, либо убивает больного. а что делают с нашим глобусом? отпаивают его настоем ромашки. все знают, этот напиток полезен, хотя и ничему не помогает. но зато не

больно. люди думают: поживем — увидим, а размягчение мозгов между тем зашло уже так далеко, что дальше некуда.

— Да бросьте вы эти отвратительные медицинские сравнения, — взмолился штром, — я их не перевариваю.

— Хорошо, оставим медицинские сравнения, — сказал мальмю. — мы не погибнем ни из-за сверхобычной подлости некоторых наших современников, ни из-за того, что многие из них в общем-то идентичны тем, кто управляет нашим шариком. а погибнем мы от всеобщего душевного комфорта. мы хотим, чтобы все изменилось, но не хотим меняться сами. «какое мне дело до всех этих людей?» — думает каждый, сидя в качалке. а между тем деньги оттуда, где их много, путем различных махинаций, перекачиваются туда, где их мало. спекуляции и процентным начислениям не видно конца, а улучшению не видно начала.

— Я свинья, — пробормотал мюнцер, поднял стакан, поднес его ко рту, но ничего не выпил. так и остался сидеть.

— В кровь проникла отрава! — вскричал мальмю. — а мы полагаем, что достаточно приложить пластырь к воспаленному месту на поверхности земли. разве так можно очистить кровь? нет, нельзя. в один прекрасный день пациенту, сплошь заклеенному пластырем, приходит конец!

Театральный критик отер пот со лба и умоляюще взглянул на оратора.

— Оставим медицинские сравнения! — сказал мальмю. — мы гибнем от лени наших сердец. я экономист, и я объясняю вам: попытки разрешить современный кризис чисто экономическим путем, без предварительного обновления духа — шарлатанство!

— Дух и тело создает по себе, — произнес мюнцер. он осушил свой стакан и громко всхлипнул. ему вдруг уяснились гигантские размеры надвигающегося бедствия. и мальмю, чтобы перекричать коллегу, пришлось еще повысить голос.

— Вы, конечно, скажете, что существуют два массовых движения. эти люди, независимо от того, наступают ли они справа или слева, хотят вылечить болезнь крови, отрубив больному голову топором. разумеется, болезнь крови перестанет существовать, но ведь и больной тоже, а это значит, что лечение было слишком радикальным.

Господин штром, пресытившись картинами болезни, обратился в бегство. из-за углового столика тяжело поднялся какой-то толстяк, попытался повернуть голову к оратору, но шея у него была слишком жирной, и он, глядя в обратную сторону, произнес:

— Вы, часом, не медик? — и опять плюхнулся на стул. тут им вдруг овладела неистовая ярость, он заревел: — деньги нам нужны! деньги! и еще раз деньги!

Мюнцер кивнул, прошептал:

— Монтекукколи тоже был свинья. — и снова заплакал.

Толстяк в углу не мог успокоиться.

— Да это же курам на смех, — ворчал он. — духовное обновление, лень сердца, просто курам на смех. деньги на бочку, и мы выздоровеем. а тогда уж можно и посмеяться вволю.

Женщина, сидевшая напротив него, такая же толстая, спросила:

— А кто же тебе их даст, артур?

— Тебя не спрашивают! — заорал он, снова выйдя из себя. потом вдруг успокоился, поймал проходившего мимо кельнера за фалду и сказал — а теперь принесите студень, к нему уксус и растительное масло.

Мальмю, указывая на толстяка, спросил:

— Ну, разве я не прав? кому охота рисковать головой из-за таких идиотов? но дело не в этом. вранье будет продолжаться. самое правильное — поступать неправильно.

Мюнцер лег на диван, устроился поудобнее и захрапел, хотя еще и не думал спать.

— А все-таки ваша машина моя, — пробурчал он, косясь на мальмю.

Вскоре вернулись штром и заблудший. они шли рука об руку и выглядели так, словно у обоих была желтуха.

— Я не переносу алкоголя, — извиняющимся тоном пояснил заблудший. они сели.

— Жалкое послевоенное поколение, — заметил штром.

Этот театральный критик любил, само собой разумеющиеся и бесспорные истины умудрялся высказывать так, что в его устах они звучали неправдоподобно и всех подстегивали к спору. если бы он, со своим дешевым пафосом, стал утверждать, что дважды два — четыре, фабиан тотчас же усомнился бы в незыблемости таблицы умножения. отвернувшись от штрома, он принялся разглядывать мальмю. тот сидел на стуле очень прямо, глядя в пространство, но когда почувствовал, что за ним наблюдают, встряхнулся, посмотрел на фабиана и сказал:

— Надо, пожалуй, крепче держать себя в руках, от водки котелок плохо варит.

Мюнцер теперь храпел по-настоящему — он спал. фабиан поднялся и подал журналистам руку, редактору отдела торговли — последнему.

— Возможно, вы и правы, — заметил мальмю с печальной улыбкой.

— А я, кажется, хватил лишнего, — сказал фабиан, уже ночью стоя перед своей дверью. он любил ту раннюю стадию опьянения, которая заставляет человека верить, что он чувствует вращение земли.

Деревья и дома еще спокойно стоят на своем месте, фонари еще не обзавелись двойниками, а земля вращается, и наконец-то он это чувствует! но сегодня ему даже это не нравилось. сегодня он как бы шел рядом со своим опьянением, делая вид, что между ними нет ничего общего. до чего же все-таки смешной этот шар, вертится он или нет! ему вспомнился рисунок домье под названием «прогресс». домье изобразил на листе бумаги улиток, ползущих одна за другой. таков темп человеческого развития. но улитки ползли по кругу! и это было хуже всего!

Глава четвертая

Сигарета величиной с кельнский собор

Любопытство фрау хольфельд

Жилец в мебелишках читает декарта

На следующее утро фабиан пришел в контору усталый. да и голова у него трещала с похмелья. его коллега фишер, как всегда, начал свой рабочий день с завтрака.

— Как это вам удастся всегда быть голодным? — спросил фабиан. — зарабатываете меньше меня. женаты. у вас счет в банке. а едите вы так много, что мне достаточно глянуть на ваш завтрак — и я уже сыт.

Фишер дожевывал кусок.

— Это у нас семейное, — сказал он. — мы, фишеры, славимся своим аппетитом.

— Вашей семье надо памятник поставить, — прочувствованно сказал фабиан.

Фишер беспокойно ерзал на стуле.

— Покуда я не забыл, кунце нарисовал серию объявлений, к которым мы должны дать рифмованные двустихия. это по вашей части.

— Ваше доверие делает мне честь, — отвечал фабиан. — но я еще не покончил с заголовками к фотомонтажам. поэтому спокойненько займитесь этим сами, иначе на что же впредь будете завтракать вы и ваше почтенное семейство? — он посмотрел в окно, на табачную фабрику, и зевнул. небо было серое, как асфальт на велотреке. фишер расхаживал взад и вперед, всем своим видом выражая недовольство, и подыскивал рифмы.

Фабиан раскатал плакат, кнопками приколол его к стене, отошел в самый дальний угол комнаты и уставился на фотографию кельнского собора, рядом с которым художник поместил ничуть не уступающую ему по величине сигарету. фабиан бормотал про себя: «ничто не превзойдет... нет башен выше... выше сорта нет». он выполнял свой долг, хотя и не знал зачем.

Фишер не находил себе места и рифм тоже не находил. он завел разговор.

— Бертух говорит, будто бы опять предстоит сокращение.

— Вполне возможно, — откликнулся фабиан.

— А что вы станете делать, — спросил фишер, — если вас выставят за дверь?

— Вы думаете, я всю свою жизнь, со дня конфирмации, посвятил хорошей пропаганде плохих сигарет? если я вылечу отсюда, то найду себе какое-нибудь другое занятие. а уж лучше или хуже, мне это теперь довольно безразлично.

— Расскажите немного о себе, — попросил фишер.

— Во время инфляции я ведал биржевыми бумагами одного акционерного общества. дважды в день мне приходилось высчитывать реальную стоимость этих бумаг, чтобы люди знали, каков их капитал.

— А потом?

— Потом за некоторое количество валюты я купил зеленую лавку.

— Почему именно зеленую?

— Потому что мы голодали! на вывеске стояло: «доктор фабиан. всегда свежая зелень». рано утром, когда было еще совсем темно, я с шаткой ручной тележкой отправлялся на крытый рынок.

Фишер встал.

— Как! вы к тому же и доктор?

— Я получил эту степень в год, когда служил письмоводителем в дирекции ярмарки.

— И как же называлась ваша диссертация?

— Она называлась: «заикался ли генрих фон клейст?» сначала я хотел путем стилистических изысканий доказать, что у ганса сакса было плоскостопие. но изыскания слишком затянулись. однако хватит! займитесь-ка лучше поэтическим творчеством.

Он замолчал и принялся ходить взад и вперед по комнате. фишер искоса, с любопытством на него поглядывал. но возобновить разговор не решался. он со вздохом повернул свой вертящийся стул и углубился в свои записи. ему хотелось срифмовать «творить» и «курить», он расправил лежавшую перед ним бумагу и, отдавшись вдохновению, сощурил глаза.

Но тут раздался телефонный звонок. фишер поднял трубку.

— Да, слушаю вас, одну минуту, доктор фабиан сейчас подойдет. — и обращаясь к фабиану: — ваш друг лабуде.

Фабиан взял трубку.

— Привет, лабуде! как дела?

— С каких пор твои окурки величают тебя доктором?

— Я проболтался.

— Значит, поделом тебе. можешь ты сегодня ко мне зайти?

— Могу.

— Жду тебя в моей второй квартире. до свидания.

— До свидания, лабуде. — фабиан повесил трубку.

Фишер схватил его за рукав.

— Этот господин лабуде ваш друг. почему вы не называете его по имени?

— А у него нет имени. родители в свое время забыли дать ему имя, — отвечал фабиан.

— Вообще нет имени?

— Представьте себе, нет! он все хочет задним числом обзавестись таковым, но полиция ему не позволяет.

— Зачем вы меня дурачите! — обиженно воскликнул фишер.

Фабиан дружески похлопал его по плечу и сказал:

— Все-то вы замечаете! — затем он вновь посвятил себя кельнскому собору, написал несколько заголовков и понес их директору брейткопфу.

— Хорошо бы вам придумать какой-нибудь небольшой конкурс, — сказал директор. — ваш проспект для розничного торговца нам очень понравился.

Фабиан слегка поклонился.

— Нам нужно нечто новое, — продолжал директор, — конкурс или что-то в этом роде. но это не должно ничего стоить, понимаете? наблюдательный совет недавно потребовал

сократить наполовину расходы по рекламе. что это может значить для вас, вы себе представляете? да? итак, мой юный друг, за работу! и поскорее приносите мне что-нибудь новенькое. но повторяю, как можно дешевле! всего хорошего!

Фабиан вышел.

Когда он под вечер вошел в свою комнату — восемьдесят марок в месяц, включая утренний кофе, плата за свет отдельно — то увидел на столе письмо от матери. принять ванну он не мог. вместо горячей воды шла холодная. он умылся, сменил белье, надел серый костюм, взял письмо и сел к окну. уличный шум барабанил по стеклу, как струи дождя. в третьем этаже кто-то упражнялся на рояле. по соседству чванный старик, советник финансового ведомства, кричал на свою жену. фабиан вскрыл конверт.

«Мой милый, дорогой мальчик!

Для начала хочу тебя успокоить: доктор сказал, что ничего страшного нет. просто не в порядке железы, у старых людей это часто случается. во всяком случае, обо мне не беспокойся. сперва я очень нервничала. но наш старый леман уж справится со своим делом. вчера я немножко погуляла в дворцовом парке. у лебедей вывелись птенцы. в парковом кафе дерут семьдесят пфеннигов за чашку кофе. какая наглость!

Слава богу, стирка уже позади! фрау хазе отказалась в последний момент. похоже, что у нее кровоизлияние. но мне даже полезно иногда постирать. завтра утром я отнесу на почту коробку. упакую и завяжу покрепче, чем в последний раз. в дороге всякое может случиться. киска сидит у меня на коленях, она только что съела кусок шейки, а теперь трется об меня и мешает писать. если ты опять, как на прошлой неделе, положишь в письмо деньги, я тебе уши надеру. у нас все есть, а деньги тебе самому нужны.

Неужели тебе и вправду доставляет удовольствие рекламировать сигареты? те рекламные листки, которые ты прислал, мне очень понравились. а фрау томас в ужас пришла, что ты занимаешься такой ерундой. но я сказала, что твоей вины тут нет. нынче, кто не хочет голодать, а кто же этого хочет, не может дожидаться, покуда на него с неба свалится хорошая работа. и потом я еще сказала, что это только временно.

Отец понемножку работает. кажется, у него что-то с позвоночником. его совсем скрючило. тетя марта принесла вчера из сада дюжину яиц. куры исправно несутся. она хорошая сестра. беда, что у нее вечные неприятности с мужем.

Милый мой мальчик, если бы тебе удалось опять выбраться домой! ты был здесь на пасху. как время-то бежит. один ребенок все равно что ни одного. я вижу тебя всего несколько дней в году. как бы мне хотелось сесть сейчас в поезд и приехать к тебе. до чего же хорошо было прежде! чуть ли не каждый вечер перед сном я рассматриваю фотографии и видовые открытки. помнишь ли ты еще, как мы брали рюкзаки и отправлялись в путь? а как-то раз вернулись домой с одним-единственным пфеннигом в кармане. стоит мне об этом вспомнить, меня смех разбирает.

Ну, до свидания, милый мой сынок. до рождества мы уж вряд ли увидимся. ты по-прежнему поздно ложишься спать? привет лабуде. хоть бы он за тобой присмотрел. как там твои девушки? береги себя. отец тебе кланяется. целую крепко.

Твоя мама».

Фабиан спрятал письмо и выглянул в окно. почему он сидит здесь, в чужой, богом забытой комнате у вдовы хольфельд, которой прежде не было нужды пускать жильцов? почему он не дома, у матери? что ищет он в этом городе, в этом обезумевшем каменном мешке? возможности писать дурацкие витиеватые стишки, чтобы человечество курило еще больше сигарет, чем раньше? дожидаться гибели европы можно и в родных стенах. а все

оттого, что он вообразил, будто земной шар крутится только покуда он, фабиан, на него смотрит. смехотворная потребность соучастия! у других людей есть профессия, они продвигаются вперед, женятся, делают детей своим женам и верят, что все это имеет смысл. а он вынужден, причем по собственной воле, стоять под дверью, смотреть и время от времени впадать в отчаяние. у европы сейчас большая перемена. учителя ушли. расписания уроков как не бывало. старому континенту не перейти в следующий класс. следующего класса не существует!

В дверь постучали. его хозяйка, фрау хольфельд, вошла в комнату и сказала:

— Пардон, я думала, вас еще нет дома. — она подошла ближе. — вы слышали вчера ночью, какой скандал учинил господин трегер? он опять привел наверх каких-то девиц. посмотрели бы вы на его диван! если это повторится, я вышвырну его вон. что могла подумать новая жиличка!

— Если она еще верит в аистов, тут уж ничего не попишешь!

— Но, господин фабиан, моя квартира не притон.

— Видите ли, сударыня, общеизвестно, что в определенном возрасте у людей пробуждаются желания, приходящие в противоречие с моральными устоями некоторых квартирных хозяек.

Фрау хольфельд вышла из терпения.

— Но ведь он привел по меньшей мере двух девиц!

— Сударыня, господин трегер развратник. вам следовало бы довести до его сведения, что он имеет право приглашать к себе на ночь максимум одну даму. коль скоро он с этим не посчитается, мы предложим полиции нравов его кастрировать.

— Приходится идти в ногу со временем, — не без гордости произнесла фрау хольфельд и придвинулась еще ближе. — нравы в корне изменились. надо приспособливаться. я многое понимаю. я ведь в конце концов не так еще стара.

Она стояла к нему вплотную. он не видел ее, но, вероятно, ее грудь, никем не оцененная грудь, вздымалась от волнения. час от часу не легче. неужто она и вправду никого не может найти себе? не исключено, что по ночам, стоя босиком под дверью городского коммивояжера трегера, она сквозь замочную скважину принимала парад его оргий. и медленно сходила с ума. иногда она так смотрела на фабиана, словно хотела стянуть с него брюки. прежде дамы этого сорта впадали в благочестие. он поднялся и сказал:

— Жаль, что у вас нет детей.

— Ухожу, ухожу. — обескураженная фрау хольфельд вышла из комнаты.

Он взглянул на часы. лабуде еще был в библиотеке. фабиан подошел к столу. на нем стопками лежали книги и брошюры. над столом на стене красовалась вышитая надпись: «хотя бы четверть часика». въехав сюда, он снял это речение со спинки дивана и повесил над стопками книг. случалось, он еще прочитывал несколько страниц в одной из них. и это почти никогда ему не вредило.

Он и сейчас взял одну, декарта. «размышления над основами философии» называлась брошюрка. шесть лет прошло с тех пор, как он последний раз держал ее в руках. вопросами в ней затронутыми мог поинтересоваться дриеш на устном экзамене. шесть лет порою очень долгий срок. на другой стороне улицы тогда была вывеска «хаим пинес. покупка и продажа мехов».

Неужели это все, что он помнил о том времени? дожидаясь вызова экзаменатора, фабиан в цилиндре другого кандидата прогуливался по коридору и до смерти напугал швейцара. кандидат фогт тогда провалился и уехал в америку.

Фабиан сел и раскрыл книгу. о чем поведает ему декарт? «уже давно я заметил, как много ложного принимал я в юности за истинное и как сомнительно то, что я воздвиг на этом фундаменте. и посему я считал, что должен раз в жизни порушить все до основания и все начать сначала, если я хочу создать нечто прочное и непреходящее. но эта задача представлялась мне столь огромной, что я ждал, покуда достигну зрелого возраста, подобающего научным изысканиям. посему я так долго и пребывал в нерешительности, что

ныне чувствовал бы себя безмерно виноватым, если бы время, отпущенное мне на то, чтобы действовать, проводил в сомнениях. теперь все это обернулось для меня благоприятно. дух мой свободен от всех забот, я обеспечил себе спокойствие и досуг. так я возвращаюсь опять к одиночеству и хочу свободно, всерьез, крушить все свои былые убеждения».

Фабиан выглянул на улицу, увидел автобусы, что, будто слоны на роликах, катились по кайзер-аллее, и на секунду закрыл глаза. потом перелистал несколько страниц и пробежал глазами предисловие. сорок пять лет было декарту, когда он возвестил свою революцию. он участвовал в тридцатилетней войне. маленький человек с великой головой. «свободен от всех забот». революция в одиночестве. голландия. грядка тюльпанов перед домом. фабиан засмеялся, отложил философа в сторону и надел пальто. в коридоре он встретил господина трегера, коммивояжера с незаурядной потребностью в дамах. они раскланялись.

Вторая квартира лабуде находилась в центре. лишь немногие знали об этом. сюда он перебирался, когда фешенебельные кварталы города, благородная родня, дамы из хорошего общества и телефон начинали действовать ему на нервы. тут можно было предаться своим научным и социальным увлечениям.

— Где ты пропадал на прошлой неделе? — спросил фабиан.

— Об этом позже.

— А как твоя невеста?

— Спасибо, хорошо, — отвечал лабуде и выпил стоявшую перед ним рюмку коньяку. — я был в гамбурге. леда шлет тебе привет.

— Что слышно о тайном советнике? он прочитал твою работу?

— Нет. у него нет времени, вечные защиты диссертаций, экзамены, лекции, семинары, да еще заседания в сенате. пока он ее прочтет, у меня вырастет борода до колен. — лабуде налил себе еще коньяку и выпил.

— Не волнуйся. эти типы удивятся, как ты на основе сочинений лессинга сумел воссоздать острый ум и ход мыслей этого человека, которого они до тебя, никогда его не понимая, изображали как разум, работающий на холостом ходу.

— Боюсь, их удивление будет чрезмерно. психологически оценивать каноническую логику покойного писателя, обнаруживать его логические ошибки и самостоятельно трактовать их как исполненные смысла события, демонстрировать личность гениального человека, колеблющегося между двумя эпохами, на примере давно выставленного на продажу классика — это все их только разозлит. мы подождем. оставим старого сакса в покое. пять лет я анатомировал, разбираю на части и вновь собирал этого господина. тоже мне, занятие для взрослого человека! рыться в восемнадцатом столетии, как в мусорном ящике! возьми себе стакан.

Фабиан достал из шкафа рюмку и налил в нее коньяку.

Лабуде смотрел прямо перед собой.

— Сегодня утром в государственной библиотеке я присутствовал при аресте одного профессора, сиолога. за прошлый год он украл в библиотеке и продал несколько редких изданий и рисунков. профессор стал белым как мел, когда его схватили, и опустился на ступеньку. ему дали холодной воды. а потом увезли.

— Человек ошибся в выборе профессии. зачем, спрашивается, ему понадобился китайский язык, если он в конце концов стал воровать? плохо дело. уже и филологи принялись разбойничать.

— Пей скорее, и пойдем! — воскликнул лабуде. они прошли мимо крытого рынка, прошли сквозь тысячи омерзительных запахов к остановке автобуса.

— Поедем к хаупту! — сказал лабуде.

Глава пятая

Серьезный разговор в танцевальном зале Фрейлейн паула тайком бреется Фрау молль швыряет бокалы

В залах хаупта сегодня, как и каждый вечер, был «праздник на берегу моря». ровно в десять с галереи гуськом спустилось две дюжины проституток. все в пестрых купальных костюмах, гольфах и туфлях на высоких каблуках.

Те, что соглашались принять не менее «пляжный» вид, получали свободный доступ в ресторан и рюмку водки бесплатно. ввиду сократившихся доходов заведения приходилось прибегать к таким льготам. девицы сначала танцевали друг с другом, чтобы мужчинам было на что посмотреть.

Сопровождавшаяся музыкой круговая панорама роскошных женских форм возбуждала теснящихся у барьера коммивояжеров, бухгалтеров и мелких торговцев. распорядитель предложил поскорее расхватывать дам, что и не замедлило произойти. предпочтение отдавалось самым пышным и самым нахальным девицам. ниши были заняты в мгновение ока. девицы, обслуживающие заведение, подмазали губы в знак того, что оргия началась.

Лабуде и фабиан сидели у самой эстрады. они любили этот ресторан, наверное, потому, что не были его завсегдатаями. диск телефона на их столике непрерывно светился. аппарат жужжал. кто-то хотел с ними говорить. лабуде снял трубку с рычага и сунул ее под стол. они вновь обрели покой. остальные шумы — музыка, смех, пение — их не трогали.

Фабиан рассказывал о ночной редакции, о сигаретной фабрике, о прозорливом семействе фишер и о кельнском соборе. лабуде взглянул на своего друга и произнес:

— Пора уж тебе выйти в люди.

— Но я же ничего не умею.

— Ты многое умеешь.

— Это одно и то же, — сказал фабиан. — я многое умею, но ничего не хочу. к чему выходить в люди? чего ради? предположим, я действительно выполняю какую-то определенную функцию. но где, спрашивается, та система, в которой я могу ее выполнять? таковой не существует, а значит, все бессмысленно.

— Почему? можно, например, зарабатывать деньги.

— Я не капиталист.

— Именно поэтому. — лабуде коротко рассмеялся.

— Говоря, что я не капиталист, я хочу сказать, что у меня нет финансовой жилки. зачем мне зарабатывать деньги? что мне с ними делать? чтобы быть сытым, не стоит выходить в люди. работаю ли я писемоводителем, пишу ли стишки к плакатам или торгую краснокочанной капустой, мне безразлично, да и всем безразлично. разве это занятие для взрослого человека? краснокочанная капуста оптом или в розницу, не все ли равно? я не капиталист, повторяю тебе! я не хочу процентов, не хочу прибавочной стоимости.

Лабуде покачал головой.

— Это просто инертность. кто зарабатывает деньги и не любит их, может их обменять на власть.

— А что мне делать с властью? — спросил фабиан. — я знаю, ты ищешь власти. но мне она на что, ведь я не хочу властвовать. жажда власти и жажда наживы — родные сестры, но я с ними в родстве не состою.

— Власть можно использовать не только в своих интересах.

— А кто так делает? один использует ее для себя, другой для своей семьи, тот для правящего класса, этот для белокурых дам, пятый для тех, кто ростом вымахал за два метра, шестой для того, чтоб апробировать на людях свою математическую формулу. плевать я хотел на деньги и на власть! — фабиан хватил кулаком по барьеру, но он оказался мягким, обитым плюшем. удар кулака пропал втуне.

— Если бы было на свете садоводство, о каком я мечтаю, — сказал лабуде, — я бы связал тебя по рукам и ногам, приволок туда и заставил бы посадить цель жизни. — всерьез опечаленный, он положил руку на плечо друга.

— Я постараюсь. ладно?

— А кому этим поможешь?

— А кому надо помогать? — спросил фабиан. — ты жаждешь власти. ты хочешь, ты мечтаешь собрать мелкую буржуазию и возглавить ее. ты хочешь контролировать капитал и дать пролетариату права гражданства. и еще ты хочешь помочь в создании культурного государства, чертовски смахивающего на рай. а я тебе скажу: и в твоём раю люди будут еще бить другу другу морду! не говоря уж о том, что этому раю вообще не бывать! я знаю цель, но, увы, ее и целью не назовешь. я хотел бы помочь людям сделаться порядочными и разумными. а пока я занят тем, что стараюсь привлечь их внимание к разуму и порядочности.

Лабуде поднял стакан и воскликнул:

— Желаю успеха!

Он выпил, поставил стакан и сказал:

— Сначала надо создать разумную систему, а люди уж к ней приспособятся.

Фабиан пил, ни слова не говоря. лабуде возбужденно продолжал:

— Ты с этим согласен? не правда ли? разумеется, согласен. но ты предпочитаешь воображать себе недостижимую идеальную цель вместо того, чтобы стремиться к менее идеальной, но к той, которую можно воплотить в жизнь. тебе так удобнее. ты начисто лишен честолюбия, в этом вся беда.

— В этом счастье. ты только представь себе: пять миллионов наших безработных не ограничиваются требованиями пособия. представь себе, что произошло бы, будь они честолюбивы!

Тут на барьер облокотились две дамы — два ангела в купальниках. одна дама была пышнотелая и белокурая, ее бюст лежал на плюшевом барьере, как на подносе. другая — тощая, при взгляде на ее лицо почему-то казалось, что у нее кривые ноги.

— Угостите сигаретой, — сказала блондинка. фабиан раскрыл пачку. лабуде поднес им огня.

Женщины закурили, выжидающе глядя на молодых людей, и тощая после некоторой паузы ржавым голосом констатировала:

— Ну да, так оно и есть!

— Может, и на водку раскошелитесь? — сказала полная.

Вчетвером они направились к стойке. путь к ней пролегал среди виноградных листьев из картона и тоже картонных огромных гроздьев. они сели в углу. на стене был намалеван замок под каубом. фабиан думал о блюхере, лабуде заказывал ликер. дамы шептались между собой. вероятно, делили кавалеров, так как вскоре полная блондинка одной рукой обняла фабиана, а другую положила ему на ногу, — она и вообще вела себя как дома. тощая залпом осушила свою рюмку, схватила лабуде за нос и захихикала дурацким смехом.

— Наверху есть ниши, — сказала она, разгладила на ляжках голубое трико и подмигнула.

— Почему у вас такие шершавые руки? — спросил лабуде.

Она погрозила ему пальцем.

— Ты совсем не то думаешь, — воскликнула она, поперхнувшись от чрезмерного лукавства.

— Паула раньше работала на консервной фабрике, — пояснила блондинка и, взяв руку фабиана, принялась водить ею по своей груди, покуда соски не набухли и не затвердели. — потом в отель? — спросила она.

— Я всюду бритая, — проговорила тощая, явно намереваясь наглядно доказать свое утверждение.

Лабуде с трудом удержал ее от этого.

— После этого лучше спится, — сказала блондинка фабиану и вытянула свои крепкие ноги.

За стойкой лоттхен наполняла бокалы. дамы пили так, словно целую неделю капли в рот не брали. музыка сюда доносилась приглушенно. возле бара какой-то парень гигантского роста хлестал вишневую наливку. пробор у него доходил чуть ли не до спины. позади замка под каубом горела электрическая лампочка, солнечным светом заливая рейн.

— Наверху есть ниши, — повторила тощая, и вся компания отправилась наверх. лабуде заказал мясное ассорти. когда перед девицами поставили блюдо с мясом и колбасой, они забыли обо всем на свете и принялись за еду. внизу, в зале, проводился конкурс на лучшую фигуру. женщины в облегающих купальниках двигались по кругу, растопыривая руки, и обольстительно улыбались. мужчины стояли, как на ярмарке скота.

— Первый приз — большая бонбоньерка, — не переставая жевать, объяснила паула. — только та, кому она достанется, должна отдать ее назад хозяину заведения.

— Я предпочитаю поест, кроме того, они всегда говорят, что у меня слишком толстые ноги, — сказала блондинка. — а между прочим, толстые ноги — совсем не так уж плохо. я жила с одним русским князем, который и теперь еще шлет мне открытки.

— Ерунда! — буркнула паула. — у каждого свой вкус. я знала одного инженера, так он любил чахоточных. а у виктории друг — горбатый, она говорит, что ей этот горб жизненно необходим. и ничего уж тут не попишешь. самое главное — знать, что тебе по душе.

— Что верно, то верно, — подхватила толстуха, цепляя на вилку последний кусок ветчины. внизу в зале как раз объявили победительницу. оркестр грянул туш. распорядитель передал «лучшей фигуре» большую бонбоньерку. сияя счастьем, она поблагодарила его, поклонилась орущим, аплодирующим гостям и удалилась со своим призом, вероятно, понесла его назад хозяину.

— А почему, собственно, вы ушли с этой вашей консервной фабрики? — спросил лабуде. вопрос его прозвучал упреком.

Паула отодвинула пустые тарелки и, погладив себя по животу, сказала:

— Во-первых, это была вовсе не моя фабрика, а во-вторых, меня уволили. к счастью, мне было кое-что известно о директоре. он соблазнил четырнадцатилетнюю девочку. соблазнил, — пожалуй, сильно сказано. но сам он в это поверил. потом я каждые две недели названивала ему по телефону, мне, мол, нужно пятьдесят марок, не то я все разболтаю. а на следующий день ходила и получала в кассе свои денежки.

— Но ведь это вымогательство! — вскричал лабуде.

— Адвокат, которого директор на меня натравил, сказал то же самое. мне пришлось подписать какую-то бумаженцию, дали мне в зубы сотню марок, и только я и видела свою пожизненную ренту. вот теперь я здесь, перебиваюсь, чем бог пошлет.

— Это ужасно, — сказал лабуде фабиану, — а ведь если подумать, сколько директоров злоупотребляют своим служебным положением!

Толстуха закричала:

— Ах, господи, что ты там. мелешь! будь я мужчиной, да еще директором фабрики, я бы всегда пользовалась своим служебным положением. — она запустила пальцы в волосы фабиана, чмокнула его, схватила его руку и приложила к своему туго набитому животу. лабуде. и паула пошли танцевать. у паулы в самом деле были кривые ноги.

В соседней нише пьяным голосом запела какая-то женщина:

Любовь — стихия, наваждение.
В ней скрыто столько наслаждения!²

— Ну и штучка! — сказала толстуха. — она не нашего поля ягода, является всегда в дорогой шубе, но под шубой у ней что-то совсем прозрачное. должно быть, богатая дама,

2 Здесь и далее стихи в переводе И. Грицковой.

может, даже и замужня. наведет себе в нишу молоденьких парней, платит за них и такое творит, что стены краснеют.

Фабиан встал и через невысокую перегородку заглянул в соседнюю нишу.

Там, в зеленом шелковом купальнике, сидела высокая пышная женщина и, распевая песни, пыталась раздеть отчаянно сопротивлявшегося солдата рейхсвера.

— Эй, парень! — кричала она. — не будь таким рохлей! покажи свое удостоверение!

Но brave вояка оттолкнул ее. фабиану вспомнилась знаменитая супруга египетского министра, которая также бесстыдно докучала бедному иосифу, талантливому правнуку авраама. дама в зеленом купальнике поднялась, схватила бокал с шампанским и, шатаясь, пошла к барьеру.

Но это была не фрау потифар, а фрау молль. та самая ирена молль, чей ключ еще лежал в кармане его пальто.

Раскачиваясь, стояла она у самых перил, потом вдруг высоко подняла узкий бокал и швырнула его вниз, в зал. бокал разлетелся вдребезги. музыканты отложили инструменты. танцующие в испуге подняли головы. все взгляды устремились к нише наверху.

Фрау молль вытянула руку и закричала:

— Тоже мне, мужчины называются! не успеешь до них дотронуться, они уже расклеились! вот что, многоуважаемые дамы, я предлагаю посадить всю эту банду за решетку! многоуважаемые дамы, нам нужны мужские бордели! кто за, прошу поднять руку! — она с чувством ударила себя в грудь, отчего у нее началась икота. в зале послышался смех. распорядитель уже бежал наверх. ирена молль заплакала. тушь на ее ресницах расплылась, потекла и разлиновала все лицо.

— Давайте петь, — вопила она, икая и всхлипывая. — споем песенку про рояль! — она раскинула руки и запела:

Хочешь верь или не верь —
Человек, что дикий зверь,
До страстей охоч.
И на мне, как на рояле,
Ты откажешься едва ли
Поиграть всю ночь.

Распорядитель заткнул ей рот, она, неверно истолковав его движение, повисла у него на шее. но вдруг заметила глядевшего на нее фабиана, вырвалась, воскликнула:

— А я тебя знаю! — и хотела было броситься к нему. но солдат, уже успевший очухаться, и распорядитель схватили ее и усадили на стул. в зале вновь заиграла музыка, танцы продолжались.

Лабуде, который во время этой сцены расплатился по счету и дал пауле и толстухе немного денег, теперь подхватил фабиана и потащил прочь.

В гардеробе он спросил:

— Она и вправду тебя знает?

— Да, — отвечал фабиан. — ее фамилия молль. ее муж платит любые деньги тому, кто с ней спит. ключи от квартиры этой занятой семейки до сих пор у меня в кармане. вот они.

Лабуде выхватил у него ключи и, крикнув: «я сейчас!» — в пальто и шляпе бросился назад.

Глава шестая

Дуэль у бранденбургского музея

Неужели опять будет война?

Врач знает толк в диагностике

Когда они вышли на улицу, лабуде сердито спросил:

— Было у тебя что-нибудь с этой психопаткой?

— Нет, я только вошел к ней в спальню, она разделась, но тут вдруг появился какой-то человек и сообщил, что состоит с нею в браке, но меня-де это смущать не должно. Потом он огласил весьма странный контракт, который они заключили между собой, а потом я ушел.

— Почему ты взял с собою ключи?

— Потому что входная дверь была заперта.

— Отвратительная особа, — сказал Лабуде. — Она сидела в доску пьяная, навалившись на стол, и я быстро засунул ключи ей в сумочку.

— Она тебе не понравилась? — спросил Фабиан. — Однако формы у нее довольно впечатляющие, и это лицо нахальной конфирмантки кажется таким удивительно неожиданным...

— Если бы она была уродиной, ты бы уже давно отдал ключи швейцару. — Лабуде потянул своего друга дальше. Они не спеша свернули в соседнюю улицу, подошли к памятнику, изображавшему господина Шульце-Делитца, миновали Бранденбургский музей. Каменный Роланд мрачно стоял в обвитой плющом нише, а на Шпрее жалобно гудел пароход. Они остановились и с моста смотрели на темную воду и на длинный ряд складов — стены без единого окна. Небо над Фридрихштадтом полыхало.

— Милый Стефан, — тихо проговорил Фабиан, — ты очень трогательно обо мне печешься. Но я не более несчастен, чем все наше время. Ты хочешь сделать меня счастливее его? Но это тебе не удастся, даже если ты раздобудешь мне место директора, или миллион долларов, или порядочную женщину, которую я мог бы полюбить, или и то, и другое, и третье.

Маленькая черная лодка с красным фонарем на корме скользила вниз по течению. Фабиан положил руку на плечо друга.

— Когда я раньше говорил, что провожу время, с любопытством наблюдая, есть ли у этого мира предрасположение к порядочности, это была только полуправда. Я слоняюсь без дела еще по одной причине. Помнишь, во время войны, когда мы знали: не сегодня завтра нас призовут, — мы писали сочинения и диктанты, делая вид, что учимся, но, по существу, всем было безразлично, учимся мы или только притворяемся. Нам ведь предстояло идти на войну. Разве не сидели мы под стеклянным колпаком, откуда медленно, но верно выкачивают воздух? Мы метались, но метались не из озорства, а потому что нам не хватало воздуха. Помнишь? Мы ничего не хотели упустить, нас снедала жгучая жажда жизни, ибо каждый миг мы воспринимали как последний обед приговоренного к смерти.

Опершись на перила моста, Лабуде смотрел вниз, на Шпрее. Фабиан, взволнованный, ходил взад и вперед, как у себя в комнате.

— Помнишь? — продолжал он. — Полгода спустя мы уже были мобилизованы. Мне дали восьмидневный отпуск, и я поехал в Грааль. Я поехал именно туда, потому что однажды уже побывал там в детстве. Стояла осень, и я меланхолично бродил по зыбкой земле ольшаников. Балтийское море словно взбесилось, курортников можно было по пальцам пересчитать. Мало-мальски сносных женщин там было не больше десятка, с шестью из них я переспал. Ближайшее будущее уже решило переработать меня на кровяную колбасу. Что же мне оставалось пока делать? Читать? Вырабатывать характер? Зашибать деньги? Я сидел в огромном зале ожидания, имя которому Европа. Через восемь дней придет поезд. Это я знал. Но куда он поедет и что станет со мной, не знала ни одна живая душа. А теперь мы опять сидим в зале ожидания, и опять имя ему Европа. И опять мы не знаем, что будет дальше. Мы живем только сегодняшним днем, кризису не видно конца.

— К чертовой матери! — закричал Лабуде. — Если все будут рассуждать, как ты, жизнь никогда не наладится. Думаешь, я не чувствую сиюминутности нашей эпохи? Думаешь, недовольство — твоя привилегия? Но я, несмотря ни на что, пытаюсь действовать разумно.

— Разумные никогда не придут к власти, — сказал Фабиан. — А справедливые тем паче.

— Ах, вот как? — Лабуде подошел вплотную к своему другу и обеими руками схватил его за воротник пальто. — Но почему бы все-таки не попытаться?

В это мгновение оба услышали выстрел, чей-то крик и еще три выстрела с другой стороны. Лабуде бросился в темноту и вдоль моста побежал к музею. Опять выстрел.

— Хорошенькие шуточки, — пробормотал Фабиан уже на бегу, он хотел, несмотря на боль в сердце, догнать Лабуде.

У ног бранденбургского Роланда, скорчившись, сидел человек и, размахивая револьвером, кричал:

— Ну, погоди у меня, свинья паршивая! — Потом он снова выстрелил по невидимому противнику. Вдребезги разлетелся фонарь. Осколки со звоном посыпались на мостовую. Лабуде выхватил оружие из рук стрелявшего, а Фабиан спросил:

— Почему, собственно, вы стреляете сидя?

— Потому что я ранен в ногу, — буркнул тот. Это был коренастый молодой человек в кепке. — Вот скотина! — прорычал он. — Но я знаю, как тебя зовут. — И погрозил в темноту.

— Икра пробита навывлет, — констатировал Лабуде; он опустился на колени и, вытащив из пальто носовой платок, попытался сделать временную перевязку.

— Все началось там, в пивной, — жалобно проговорил раненый, — он намалевал на скатерти свастику. Я не смолчал. Он тоже не смолчал. Я съездил его по уху. Хозяин вышвырнул нас вон. Этот парень пошел за мной и стал издеваться над Интернационалом. Я обернулся, и тут он выстрелил.

— Ну и что, вы остались при своих убеждениях? — спросил Фабиан, глядя сверху вниз на раненого, который сжал зубы, пока Лабуде возился с его раной.

— Пули там уже нет, — заключил Лабуде. — Неужели ни одна машина не пройдет? Тут как в деревне!

— Даже полицейского не видно, — с сожалением заметил Фабиан.

— Только его мне не доставало! — Раненый попытался подняться. — Чтобы арестовали еще одного пролетария лишь за то, что он позволил какому-то наци перебить себе кости.

Лабуде удержал его, посадил опять на землю и велел своему другу во что бы то ни стало найти такси. Фабиан бросился через улицу, за угол, вдоль ночной набережной.

В ближайшем переулке стояли такси. Фабиан велел шоферу ехать к Бранденбургскому музею, возле Роланда ждут пассажиры. Машина тронулась. Фабиан пешком пошел за нею, стараясь дышать глубоко и размеренно. Сердце бешено колотилось. Громко стучало под пиджаком. Билось в горле. Пульсировало в висках. Он остановился и вытер лоб. Будь проклята эта война! Будь она проклята! Отделаться от нее только болезнью сердца — еще не так плохо, но Фабиан был по горло сыт даже воспоминаниями. По провинциям рассеяно множество уединенных домов, где все еще лежат искалеченные солдаты. Мужчины без рук и ног. Мужчины с устрашающе изуродованными лицами, без носа, без рта. Больничные сестры, которых ничем уже не испугаешь, вводят этим несчастным пищу через стеклянные трубочки, которые они вставляют в зарубцевавшееся отверстие, там, где некогда был рот. Рот, который смеялся, говорил, кричал.

Фабиан свернул за угол. Вон и музей. Машина остановилась. Он закрыл глаза и вспомнил страшные фотографии, виденные когда-то; они и поныне всплывали в его снах, нагоняя на него ужас. Эти жалкие подобию бога! По сей день лежат они в изолированных от мира домах, не могут даже есть сами и все-таки вынуждены жить дальше. Ведь убивать их — грех. А сжечь им лица огнеметами — грехом не считалось. Семьи ничего не знают о мужьях, отцах, братьях. Им сказали, что они пропали без вести. С тех пор минуло уже пятнадцать лет. Жены вновь повыходили замуж. А покойник, которого кормят через стеклянную трубочку где-то в провинции Бранденбург, живет в своей семье лишь как фотография над диваном или букетик цветов в дуле ружья на стене, под которым сидит его довольный приемник. Неужели опять будет война? Неужели мы опять до этого докатимся? Вдруг кто-то крикнул:

— Э-эй!

Фабиан открыл глаза и огляделся: кто же это кричит? Человек лежал на земле, опершись на локоть, другую руку он прижимал к ягодице.

— Что с вами?

— Я тот, другой, — отвечал человек. — Я тоже ранен.

Фабиан широко расставил ноги и захохотал. С другой стороны, отлетая от каменной стены музея, ему вторило эхо.

— Извините, — проговорил Фабиан, — мой смех не очень-то вежлив.

Раненый согнул ногу в колене, скорчил гримасу и, оглядев свои залитые кровью руки, злобно сказал:

— Это ваше дело. Настанет день, когда вам будет не до смеха.

— Что ты там застрял? — в сердцах крикнул Лабуде, переходя улицу.

— Ах, Стефан, — отвечал Фабиан, — у меня тут второй дуэлянт с пулей в мягком месте.;

Они подозревали шофера, перенесли национал-социалиста в машину и усадили рядом с коммунистом. Потом влезли сами и велели ехать к ближайшей больнице.

Машина тронулась.

— Очень больно? — спросил Лабуде.

— Терпимо, — ответили оба одновременно, мрачно глядя друг на друга.

— Ты предал свой народ! — буркнул национал-социалист. Он был крупнее рабочего, несколько лучше одет и смахивал на коммивояжера.

— Ты предал рабочих! — отвечал коммунист.

— Ты недочеловек! — крикнул первый.

— Ты обезьяна! — крикнул второй. Коммивояжер сунул руку в карман. Лабуде вцепился ему в запястье.

— Отдайте револьвер! — приказал он.

Тот сопротивлялся. Тогда Фабиан вытащил у него оружие и спрятал к себе в карман.

— Господа, — сказал он, — то, что с Германией так дальше продолжаться не может, никому из нас не внушает сомнений. И то, что кое-кто пытается теперь с помощью неприкрытой диктатуры увековечить нынешнее, абсолютно неприемлемое положение вещей, — грех, за который скоро придет расплата. Тем не менее не стоит снабжать друг друга лишними дырками. Если бы вы стреляли лучше и сейчас вас везли бы не в больницу, а в морг, вы бы тоже ничего особенного не достигли. Ваша партия, — он имел в виду фашиста, — знает только, против чего она борется, да и то не очень точно. А ваша партия, — он обратился к рабочему, — ваша партия...

— Мы боремся против эксплуататоров пролетариата, — объяснил рабочий, — а вы просто буржуа.

— Верно, — согласился Фабиан, — я мелкий буржуа, сейчас это самое бранное слово.

Коммивояжер из-за сильных болей сидел только на невредимой ягодице, наклонившись в одну сторону, и старался не стукнуться головой о противника.

— Пролетариат — это союз, основанный на общности интересов, — сказал Фабиан, — величайший союз. И борьба за свои права — ваш долг. Я вам друг, потому что враг у нас общий, и потому, что я стою за справедливость. Я вам друг, хоть вам на это и наплевать. Но если даже вы и придете к власти, идеалы человечества все равно будут сиротливо сидеть в подполье. Люди вовсе не становятся добрыми и умными только оттого, что они нищие.

— Наши вожди... — начал рабочий.

— Давайте не будем об этом говорить, — перебил его Лабуде.

Машина остановилась. Фабиан позвонил у подъезда больницы. Швейцар открыл дверь. Подошедшие санитары вынесли раненых из машины. Дежурный врач обменялся с друзьями рукопожатием.

— Вы привезли мне двух политиков? — спросил он, ухмыльнувшись. — Сегодня ночью в общей сложности доставлено девять человек, один с тяжелым ранением в живот. Сплошь рабочие и мелкие служащие. Вы, наверно, уже заметили, все это люди из

предместий, хорошо знающие друг друга. Эти политические перестрелки как две капли воды похожи на потасовки в дансинге. Как там, так и здесь речь идет о гримасах нашей немецкой действительности. Похоже на то, что они хотят, перестреляв друг друга, снизить количество безработных. Весьма оригинальный вид самообороны.

— Нетрудно понять, что народ волнуется, — заметил Фабиан.

— О, разумеется! — согласился врач. — Наш континент болен голодным тифом. Больной уже начинает бредить и размахивать кулаками. Всего наилучшего.

Дверь закрылась.

Лабуде расплатился с шофером. Они молча шли рядом. Вдруг Лабуде остановился и сказал:

— Я сейчас еще не могу идти домой. Давай-ка махнем в кабаре анонимов.

— Что это Такое?

— Я и сам пока не знаю. Один ловкий малый собрал компанию полусумасшедших и заставляет их петь и танцевать. Он платит им несколько марок, а они за это позволяют публике осыпать себя насмешками и оскорблениями. Скорее всего, они просто этого не замечают. Говорят, в заведении нет отбою от посетителей. Оно и понятно. Туда, надо думать, ходят люди, которых радует, что на свете есть еще более сумасшедшие, чем они.

Фабиан согласился. Он еще раз оглянулся на больницу. Над ней сияла Большая Медведица.

— Мы живем в удивительное время, — сказал он, — и с каждым днем оно становится все удивительнее.

Глава седьмая **Сумасшедшие на эстраде** **Последний путь пауля мюллера** **Фабрикант ванн**

Перед кабаре стояло множество машин. рыжебородый человек в шляпе, украшенной страусовыми перьями, с огромной алебардой, стоя у дверей, выкрикивал:

— Спешите посетить сумасшедший дом!

Лабуде и фабиан вошли, сдали свои пальто и после долгих поисков обнаружили в переполненном, прокуренном зале свободные места за угловым столиком.

На шатких подмостках прыгала бессмысленно улыбающаяся девица. очевидно, она изображала танцовщицу. на ней было ядовито-зеленое самодельное платье, в руках она держала венок из искусственных цветов и через равные промежутки времени подбрасывала в воздух и себя и венок. слева от эстрады за расстроенным роялем сидел беззубый старик и играл «венгерскую рапсодию».

Был ли танец хоть как-то связан с музыкой, оставалось неясным. посетители, одетые все без исключения очень элегантно, пили вино, громко смеялись и разговаривали.

— Фрейлейн, вас срочно просят к телефону! — крикнул какой-то лысый господин, по меньшей мере генеральный директор. остальные еще пуще расхохотались. танцовщица, не дав себя вывести из состояния экстаза, продолжала улыбаться и прыгать. музыка вдруг оборвалась. рапсодия подошла к концу. девушка бросила на пианиста сердитый взгляд, но скакать не перестала — танец еще не кончился.

— Мамаша, твой ребенок кричит! — взвизгнула дама с моноклем.

— И ваш тоже, — заметили за отдаленным столиком.

Дама обернулась.

— У меня нет детей.

— Смех, да и только! — крикнули сзади.

— Тихо! — рывкнул кто-то. словопрения смолкли.

Девушка все еще танцевала, хотя у нее, наверное, уже давно болели ноги. наконец, она сама сочла, что хватит, приземлилась в неловком реверансе, улыбнулся еще глупее, чем

прежде, и широко раскинула руки. толстый господин в смокинге поднялся с места.

— Хорошо, очень хорошо! завтра можете приходить выбивать ковры.

Публика зашумела, зааплодировала. девушка кланялась еще и еще.

Тут из-за кулис вышел какой-то человек, увел отчаянно сопротивлявшуюся танцовщицу с эстрады и приблизился к рампе.

— Bravo, калигула! — крикнула дама за столиком в первом ряду.

Калигула, пухлый молодой еврей в роговых очках, обратился к господину, сидевшему рядом с ней.

— Это ваша жена? господин кивнул.

— Тогда скажите вашей жене, чтобы она заткнулась, — потребовал калигула.

Кругом раздались аплодисменты. господин за столиком в первом ряду покраснел. его жена чувствовала себя польщенной.

— Тихо, вы, паскуды! — крикнул калигула, поднимая руки. воцарилась тишина. — признайтесь, понравился вам танцевальный номер?

— Конечно, понравился! — закричали все.

— Следующий номер будет еще лучше. я пришлю сюда одного парня по имени пауль мюллер. он родом из толкевитца. это в саксонии. пауль мюллер говорит на саксонском диалекте и воображает себя поэтом. он прочтет вам балладу. приготовьтесь к самому страшному. пауль мюллер из толкевитца, судя по всему, сумасшедший. я не жалею денег, чтобы заполучить в свое кабаре лучшие силы. ибо не могу допустить, чтобы психи находились только в зрительном зале.

— Это уж слишком! — воскликнул один из посетителей. лицо его было изуродовано шрамами. он вскочил и в возмущении одернул пиджак.

— Сесть! — приказал калигула и скривил рот. — знаете, кто вы такой? вы идиот!

Экс-корпорант задохся от злости.

— Впрочем, — продолжал хозяин кабаре, — впрочем, слово «идиот» я употребил не в обидном смысле, а в качестве характеристики.

Публика смеялась и аплодировала. возмущенного господина со шрамами приятели усадили на стул и успокоили. калигула взял в руки колокольчик, позвонил на манер ночного сторожа, крикнул:

— Пауль мюллер, твой выход! — и скрылся. из-за кулис появился огромного роста оборванец с мертвенным лицом.

— Привет, мюллер! — заревели в зале.

— Ну и вымахал! — заметил кто-то.

Пауль мюллер поклонился, сохраняя вызывающе серьезную мину, пригладил волосы и руками закрыл глаза. как видно, сосредотачивался. потом вдруг оторвал руки от лица, вытянул их, растопырил пальцы, открыл глаза, произнес:

— «Последний путь пауля мюллера», — и сделал несколько шагов вперед.

— Смотри, не свались! — предостерегла его дама, та, которой калигула приказывал заткнуться.

Пауль мюллер из упрямства сделал еще шаг, окинул презрительным взглядом публику и снова начал:

— «Последний путь пауля мюллера».

В этот момент кто-то из публики швырнул на сцену кусочек сахара. пауль мюллер нагнулся, спрятал сахар в карман и загробным голосом продолжал:

Некий грозный граф фон шток
Запер дочку на замок.
Потому что ей сверх мер
Полюбился офицер.

На сцену опять бросили сахар. вероятно, в зале сидели завсегдатаи, хорошо знавшие привычки артиста. другие гости последовали их примеру, мало-помалу началась сахарная бомбардировка, мюллеру оставалось только нагибаться.

Как-то, прихватив мантию, прокралась она в авто. мчит сквозь ночь. во тьму глядит. смерть на бампере сидит.

Дальнейшее исполнение баллады сопровождалось приседаниями. вдобавок, мюллер пытался открытым ртом ловить летящий в него сахар. лицо его становилось все более грозным. голос звучал все мрачнее. из его чтения следовало, что в ту страшную ночь не только графиня фон шток ехала в авто к своему офицеру, но и ее возлюбленный мчался в своей машине к замку, где надеялся увидеть графиню, которая уже спешила ему навстречу. так как оба влюбленных ехали по одной и той же дороге, так как дело, очевидно, происходило в одну и ту же дождливую ночь и так как стихотворение называлось «последний путь», то волей-неволей приходилось опасаться, что их машины в конце концов столкнутся. пауль мюллер рассеял последние сомнения.

— Заткни пасть, а то у тебя опилки из башки посыпятся! — крикнули из зала. но автомобильная катастрофа была уже неотвратима.

Офицер в своей машине,
Все на свете позабыв,
Ехал напрямик к графине.
Ночь. туман. ужасный взрыв.
И раздался в тот же миг
Слева крик и справа крик.

Публика вопила и хлопала в ладоши. все были по горло сыты паулем мюллером, а исход трагедии уже не вызывал любопытства.

Он продолжал декламировать. но видно было только, что он открывает рот, слышно же не было ничего, последний путь проходил под гвалт оставшихся в живых. и тощего сочинителя баллад охватила слепая ярость. он спрыгнул с эстрады и так потрянул за плечи какую-то даму, что у нее изо рта вывалилась сигарета и упала на синюю шелковую юбку. дама завизжала и вскочила с места. ее спутник тоже вскочил и разразился бранью. казалось, будто залаяла собака. пауль мюллер пихнул кавалера, и тот повалился на стул.

Но тут появился калигула. взбешенный, скрежеща зубами, он, точно укротитель, схватил уроженца толкевитца за галстук и потащил в артистическую.

— Тьфу, черт! — сказал лабуде. — внизу садисты, наверху сумасшедшие.

— Этот вид спорта вполне интернационален, — заметил фабиан, — в париже им тоже занимаются. там зрители кричат: «tue-le!»³ — И тогда из-за кулис вытягивается огромная деревянная рука и сгребает беднягу с эстрады. только его и видели.

— Этот тип называет себя калигулой. он во многом знает толк! даже в римской истории. — лабуде встал и вышел. с него было довольно.

Фабиан тоже поднялся. вдруг кто-то грубо хлопнул его по плечу. он обернулся. перед ним, улыбаясь во весь рот, стоял человек со шрамами.

— Как живешь, старик? — радостно воскликнул он.

— Спасибо, хорошо.

— Ну, до чего же я рад снова видеть тебя, дружище!

Экс-корпорант фамильярно ткнул фабиана в грудь и угодил как раз в пуговицу на рубашке.

— Пошли отсюда, — сказал фабиан, — колотушками обменяемся на улице! — и между стульев протискался в вестибюль.

— Стефан, — обратился он к лабуде, уже надевшему пальто, — нам надо поторапливаться. ко мне сейчас пристал какой-то тип, упорно называя меня на «ты».

Они взялись за шляпы. но было уже поздно.

Человек со шрамами приближался. он толкал впереди себя веснушчатую женщину, словно она не могла идти сама, и говорил ей:

— Видишь ли, мета, этот господин был у нас в классе первым учеником. — а фабиану: — это моя жена, старик. в известной степени, моя лучшая половина. мы живем в ремшайде. я плюнул на ассессорство и вошел в дело своего тестя. мы изготавливаем ванны. если тебе понадобится ванна, ты сможешь купить ее по оптовой цене. ха-ха! да, мне неплохо живется. слава богу, счастливый брак, квартира в двухквартирном доме, большой сад, наличные денежки имеются, и ребенок у нас есть, беда только, что росточком не вышел.

— Он у нас вот такой, — словно извиняясь, сказала мета и руками показала, какого роста их ребенок.

— Еще вырастет, — утешил лабуде. женщина с благодарностью на него взглянула и взяла мужа под руку.

— Ну, старина, а теперь ты расскажи, что поделывал все это время, — снова начал экс-корпорант.

— Ничего особенного, — ответил фабиан, — в настоящее время я сооружаю межпланетную ракету. припала охота на луну взглянуть.

— Отлично! — воскликнул человек, женившийся на фабрике ванн. — германия впереди всех! а как поживает твой братец?

— Вы буквально засыпали меня радостными новостями, — сказал фабиан. — я уже давно мечтаю о братце. позвольте один нескромный вопрос: где, собственно, вы учились в гимназии?

— В марбурге, ясное дело. фабиан с сожалением пожал плечами.

— Это, должно быть, очаровательный город, но, увы, я никогда там не был.

— Тогда тысячу раз прошу извинить меня, — затараторил тот, — маленькое недоразумение, поразительное сходство. не сочтите за обиду! — он щелкнул каблуками, приказал: — мета, за мной! — и удалился.

Мета смущенно глянула на фабиана, кивнула лабуде и последовала за супругом.

— Вот придурок! — негодовал фабиан. — заговаривает с незнакомыми людьми да еще фамильярничает! я подозреваю, что в кабаре этого калигулы хамство входит в программу.

— Не думаю, — отвечал лабуде. — ванны, по-моему, настоящие и отвратительно низкорослый ребенок — тоже.

Они пошли домой. лабуде уныло смотрел себе под ноги.

— Просто срам, — сказал он немного погодя, — у этого бывшего ассессора есть квартира, сад, профессия, жена с веснушками и невесть что еще. а наш брат прозябает, как последний бездомный бродяга, не имея ни постоянной профессии, ни постоянного дохода, ни постоянной цели, ни даже постоянной подружки.

— У тебя же есть леда.

— И меня особенно бесит, — продолжал лабуде, — что у того типа есть свой, собственными силами сделанный ребенок.

— Не стоит завидовать, — сказал фабиан, — этот юридически подкованный фабрикант — исключение. кто из тех, кому сегодня тридцать, может позволить себе жениться? один сидит без работы, другой завтра ее потеряет. у третьего ее сроду не было. наше государство в настоящий момент не приспособлено к большому приросту населения. если человеку туго приходится, он предпочитает в одиночку сносить все невзгоды, а не делиться ими с женой и ребенком. а тот, кто все-таки рискует втянуть других в подобную авантюру, поступает по меньшей мере неосмотрительно. я не знаю, от кого пошло выражение, будто поделенное горе — половина горя, но если болван, который его придумал, жив, я желал бы ему получать двести марок в месяц на семью в восемь ртов. ему бы пришлось делить свое горе на восемь частей, покуда не рехнется. фабиан искоса взглянул на друга.

— Собственно, почему тебя это так удручает? ведь твой отец дает тебе деньги. и если у тебя есть *venia legendi*⁴, То ты можешь прибавить к ним еще несколько грошей. женись на леде, и тогда ничто не мешает тебе испытать радость отцовства.

— Есть еще куча всяких трудностей, помимо экономических, — сказал лабуде, остановился и подозвал такси. — не сердись на меня, но я хочу сейчас побыть один. можешь ты завтра зайти за мной к моим родителям? мне надо тебе многое рассказать. — он сунул что-то в руку фабиану и сел в ожидавшее его такси.

— Это касается леды? — спросил фабиан через открытое окно.

Лабуде кивнул и опустил голову. машина тронулась. фабиан смотрел ей вслед.

— Я приду! — крикнул он, но машина была уже так далеко, что красный задний подфарник казался светлячком. наконец фабиан опомнился и посмотрел, что у него в руке. это была пятидесятимарковая кредитка.

Глава восьмая

Студенты занимаются политикой

Лабуде-старший любит жизнь

Пощечина на берегу альстера

Родители лабуде жили в груневальде в большом греческом храме. собственно говоря, это был не храм, а вилла. и не очень-то они в ней жили. мать часто бывала в отъезде, обычно на юге, в загородном доме под лугано. во-первых, озеро в лугано нравилось ей гораздо больше, чем озеро в груневальде. а во-вторых, отец лабуде считал, что хрупкое здоровье жены требует пребывания на юге. он нежно любил жену, особенно когда она отсутствовала, и чем большее расстояние пролегало между ними, тем нежнее.

Он был известный адвокат. так как у его клиентов было много денег и много процессов, то и у него было много процессов и много денег. тревожения любимой профессии его не удовлетворяли. он ночи напролет играл в карты. покой, который навевал его дом, был ему в высшей степени противопоказан. и укоризненные глаза жены приводили его в отчаяние. не желая встречаться друг с другом, они, по мере возможности, избегали своей виллы. стефан, их сын, если хотел увидеться с родителями, вынужден был ходить на приемы, которые они устраивали зимой. эти вечера с каждым годом все больше его отталкивали, в конце концов он перестал их посещать и теперь встречался с родителями разве что по воле случая.

Больше всего об отце он узнал от одной юной актрисы на бале-маскараде, она очень подробно описывала ему человека, который ее содержал в ту пору. легкомысленные женщины при случае пытаются завести любовника, которому можно поведать об интимных привычках и нравах бывшего обладателя. в ходе беседы выяснилось, что речь идет о советнике юстиции лабуде, и стефан сбежал с бала.

Фабиан без особой охоты явился на груневальдскую виллу. ухлопать такую уйму денег на устройство дома — какая нелепость! — думал он. он вообще не представлял себе, как среди всей этой роскоши можно чувствовать себя дома, и считал, помимо всех остальных причин, вполне понятным, что родители лабуде так отделились друг от друга в этом доме-музее.

— Ужасно, — сказал он своему другу, сидевшему за письменным столом. — всякий раз, приходя сюда, я жду, что сейчас ваш слуга заставит меня надеть войлочные туфли и поведет в экскурсию по дворцу. если бы ты сообщил мне, что верхом вот на этом стуле великий курфюрст скакал на битву под фербеллином, я был бы вынужден в это поверить. кстати, спасибо за деньги.

Лабуде махнул рукой.

— Ты же знаешь, что у меня их больше чем нужно. оставим это. я позвал тебя сюда, потому что хотел рассказать, что со мной случилось в гамбурге.

Фабиан поднялся и пересел на диван. теперь он сидел за спиной лабуде, и во время разговора тот мог не смотреть на него. оба видели в окно зеленые деревья и красные крыши вилл. окно стояло настежь, в него изредка залетала птица, прогуливалась по подоконнику, склонив головку, оглядывала комнату и опять вылетала в сад. слышно было, как кто-то граблями ровняет дорожки.

Лабуде неподвижно смотрел на крону ближайшего дерева.

— Я получил письмо от рассова, что он в самой большой аудитории гамбургского университета перед студентами различных политических убеждений выступит с докладом на тему «традиция и социализм». он предложил мне быть содокладчиком или, в рамках дискуссии, поделиться моими политическими планами. я поехал туда. рассов сначала рассказал студентам о своем путешествии по россии, о впечатлениях и разговорах с русскими учеными и художниками. его неоднократно прерывали представители социалистического студенчества. потом взял слово коммунист. ему не давали говорить правые. очередь дошла до меня. я в общих чертах набросал политическую ситуацию в европе и призвал буржуазную молодежь радикализироваться и предотвратить крушение, со всех сторон, активно или пассивно, грозящее нашему континенту. этой молодежи, сказал я, предстоит в недалеком будущем занять ведущее положение в политике, промышленности, землевладении и торговле, время старшего поколения миновало, и теперь наша задача преобразовать европу путем международных соглашений, путем добровольного сокращения частных прибылей, сведения капитализма и техники до разумных пределов, расширения социальных реформ, повышения культуры воспитания и образования. я сказал, что этот новый фронт, это конструктивное взаимодействие классов возможны, если молодежь или, по крайней мере, ее элита отрешится от чрезмерного эгоизма и если у нее достанет ума предпочесть неотвратимой катастрофе возвращение к, так сказать, «органическому состоянию». коль скоро нельзя обойтись без господствующего класса, продолжал я, не лучше ли остановить свой выбор на «классе молодежи». у представителей крайних группировок мой доклад, как обычно, вызвал буйное веселье. однако предложение рассова создать буржуазно-радикальную инициативную группу было встречено одобрением. и группа была создана. мы написали проект воззвания, которое должно быть разослано во все европейские университеты. теперь рассов, я и еще несколько человек хотим посетить ряд немецких учебных заведений, прочитать там доклады и организовать аналогичные группы. мы надеемся образовать своего рода блок с социалистическим студенчеством. если нам удастся создать такие группы во всех университетах, те, в свою очередь, смогут оказать воздействие на прочие интеллектуальные союзы. дело уже на мази. я тебе вчера ничего об этом не рассказывал, так как слишком хорошо знаю твой скептицизм.

— Я рад, — сказал фабиан, — я очень рад, что ты можешь приступить к осуществлению своего плана. ты уже связался с группой независимых демократов? в копенгагене есть «клуб европа», возьми это себе на заметку. и не сердись на меня за мои сомнения в нынешней молодежи и за неверие в то, что разум и власть когда-нибудь сочетаются законным браком. увы, здесь речь может идти только об антиномии. я придерживаюсь убеждения, что у человечества, такого, какое оно есть, существуют лишь две возможности. или, не довольствуясь своим жребием, перебить друг друга, дабы улучшить положение, или, наоборот, — правда, это чисто теоретическая ситуация, — прийти в согласие с собою и с миром. и тогда уж наложить на себя руки с тоски. эффект один и тот же. много ли проку даже от самой совершенной системы, если человек — свинья? а что думает по этому поводу леда?

— Леда воздерживается от каких-либо мнений. тем более, что она на дискуссии не присутствовала.

— А почему?

— Она не знала, что я был в гамбурге. фабиан в изумлении поднялся, но потом опять сел, не сказав ни слова.

Лабуде схватился руками за уголышки письменного стола.

— Я хотел сделать леде сюрприз. хотел тайком понаблюдать за нею. я в ней разуверился. ведь когда бываешь вместе только два дня и одну ночь в месяц, то под эту связь как бы подложена взрывчатка, а если такое положение длится годами, происходит взрыв. достоинства и недостатки партнеров тут, в общем-то, ни при чем, взрыв все равно неизбежен. несколько месяцев назад я намекнул тебе, что леда изменилась. стала притворяться. что-то из себя разыгрывать. поцелуй на вокзале, нежные слова, страсть в постели — все это был только театр.

Лабуде поднял голову. говорил он совсем тихо.

— Естественно, что люди отдаляются друг от друга, и ты уже не знаешь, что заботит ее, не знаешь ее новых знакомых. не замечаешь, как она меняется и почему. письма делу не помогают. а потом приезжаешь к ней, целуешь ее, идешь с ней в театр, спрашиваешь, что слышно нового, проводишь с ней ночь, и снова — расставание. через месяц повторяется та же ерунда. душевная близость, физическая близость, все по календарю, с часами в руках. это невозможно, она в гамбурге, я в берлине, любовь разбивается о географию.

Фабиан взял сигарету и чиркнул спичкой так осторожно, будто боялся причинить боль коробку.

— В последние месяцы перед каждой такой встречей меня охватывал страх. всякий раз, когда леда с закрытыми глазами лежала рядом, дрожа от страсти, судорожно меня обнимала, мне хотелось сорвать ее лицо, как маску. она лгала. но кого она хотела обмануть? только меня, или себя тоже? так как она? избегала любых объяснений, хотя я неоднократно в письмах просил ее объяснить со мной, я должен был сделать то, что сделал. в ночь, когда мы создали инициативную группу, я, наскоро простившись с рассовым и со всеми остальными, отправился к дому леды. в окнах было темно. надо думать, она уже спала. но мне было не до логики. я ждал.

Голос лабуде дрогнул. он схватил с письменного стола несколько карандашей и нервно принялся катать их между ладонями. деревянный перестук сопровождал продолжение рассказа.

— Улица, на которой она живет, широкая и застроена только с одной стороны, с другой — цветочные клумбы, а дальше луга, дороги, кустарник, альстер. напротив дома есть скамейка. на ней-то я и сидел, курил одну сигарету за другой и ждал. по улице часто кто-нибудь проходил, я всякий раз думал, что это леда. так я сидел с двенадцати ночи до трех, измышляя злобные разговоры, бурные сцены. а время шло. вскоре после трех к дому подъехало такси. высокий стройный мужчина вылез и расплатился с шофером. следом за ним вышла женщина, торопливо отперла дверь, вошла в дом, придержала ее, пока не вошел мужчина, и... дверь за ними захлопнулась.

Машина уехала обратно в город.

Лабуде встал. бросил карандаши на письменный стол, быстро прошелся взад и вперед по комнате и, тесно прижавшись к стене, замер в углу у окна. уставившись на узор обоев, он пальцем водил по нему.

— Это была леда. в ее окнах зажегся свет. я видел, как за гардинами двигались две тени. в гостиной свет погас. осветилась спальня. балконная дверь стояла полуоткрытой. иногда до меня доносился смех леды. ты ведь помнишь, как звонко она смеется! минутами наступала полная тишина — и наверху, в доме, и внизу, на улице, — так что я слышал лишь биение собственного сердца.

В этот момент распахнулась дверь. вошел советник юстиции лабуде, без пальто и шляпы.

— Добрый день, стефан, — сказал он, подошел к сыну и подал ему руку. — давненько мы не виделись, а? я уезжал на несколько дней. надо было дать себе передышку. нервы, нервы. только что вернулся. как поживаешь? выглядишь ты неважно. заботы замучили? что

слышно о твоей работе? ничего? ну и канительщики. есть что-нибудь от матери? пусть отдохнет еще две-три недели. недаром этот уголок зовется раем. ей там хорошо. добрый день, господин фабиан. у вас, видно, серьезный разговор? решаете, существует ли загробная жизнь? скажу вам откровенно — нет. жизнь лучше успеть прожить еще до смерти. так что дел по горло, днем и ночью.

— Фритц, ну сколько можно ждать! — послышался на лестнице женский голос.

Советник юстиции пожал плечами.

— Вот вам, пожалуйста! маленькая певичка, большой талант, без ангажемента. знает наизусть все оперы. для длительного общения, пожалуй, холодновата. ну, до свидания. чем спасти человечество, вы бы лучше развлекались. как уже сказано, жизнь надо успеть прожить до смерти. готов дать более подробные справки. не будь таким серьезным, мой мальчик.:—он подал руку обоим и захлопнул за собой дверь.

Лабуде заткнул уши руками, подошел к письменному столу, задумался и после некоторой паузы продолжил свой рассказ:

— Около пяти пошел дождь. в шесть он прекратился. небо посветлело; занимался день. в спальне все еще горел свет. в предрассветных сумерках это выглядело довольно странно. в семь мужчина вышел из дома. выйдя, он свистнул и поднял глаза. леда, в своем японском халатике, стояла на балконе и махала ему. он помахал в ответ. она на секунду распахнула халат: пусть еще раз взглянет на ее тело. он послал ей воздушный поцелуй. мне стало совсем тошно. насвистывая, мужчина пошел по улице. я опустил голову. балконная дверь наверху закрылась. '

Фабиан, не зная, как ему вести себя, сидел недвижимо. вдруг лабуде стукнул кулаком по столу.

— Сволочь! — крикнул он.

Фабиан вскочил с дивана, но лабуде покачал головой и сказал вполне спокойно:

— Ничего, ничего. слушай дальше. в полдень я позвонил. она обрадовалась, что я опять буду у нее. почему я не написал? собираюсь ли я прийти, как всегда, в пять? с недавних пор научные работники кончают раньше. я бродил по портовым улицам, до назначенного часа было еще далеко. потом я поехал туда. она приготовила чай с пирогом и очень нежно поздоровалась со мной. я выпил чашку чая, болтая о пустяках. потом леда сняла с себя платье, белье, накинула кимоно и улеглась на кушетку. я спросил, как бы она отнеслась к нашему разрыву? она спросила, что со мной? у нас ведь решено, что мы поженимся, когда я получу доцентуру. может быть, я ее разлюбил? я сказал, что не в этом теперь дело. ввиду все возрастающего отчуждения, в котором виновата она, наш разрыв представляется мне неизбежным.

Она потянулась так, что кимоно раскрылось, и капризным детским голоском пожурила меня за холодность. сказала, что в нашем отчуждении я повинен больше, чем она, о чем недвусмысленно свидетельствует эта двусмысленная ситуация. затем добавила, что очень трудно в душе перекинуть мост между гамбургом и берлином. да и в сексуальном смысле у нас не все ладно получается. когда она хочет меня, я в берлине, а когда я здесь, любовь похожа на обед, который надо есть, голоден ты или нет. вот если бы мы поженились, все было бы иначе. впрочем, я не должен сердиться. несколько недель назад ей пришлось перенести операцию. она хочет производить на свет наших детей только в качестве моей жены. не сообщила же она мне об этой маленькой неприятности, чтобы не пугать меня. но теперь она уже здорова. почему я не сяду к ней поближе? в ней проснулось желание.

— А от кого был этот ликвидированный ребенок? — спросил я.

Она села на кушетку, и лицо ее исказилось болезненной гримасой.

— И кто был тот человек, с которым ты спала сегодня ночью? — продолжал я.

— Ты бредишь, — сказала она. — ты ревнив, право же, это глупо.

Тогда я дал ей пощечину и ушел. она бросилась за мной, сбежала вниз по лестнице. в дверях остановилась, голая, в распахнутом кимоно, — около шести вечера, — и крикнула, чтобы я остался. но я ринулся прочь и поехал на вокзал.

Фабиан сзади подошел к лабуде и положил руки на плечи друга.

— Почему ты мне вчера не рассказал об этом?

— С этим все покончено, — сказал лабуде. — так меня обмануть!

— А что ей было делать? сказать правду?

— Я не хочу об этом больше думать. мне кажется, что я перенес тяжелую болезнь.

— Ты все еще болен, — сказал фабиан, — ты по-прежнему любишь ее.

— Это верно, — согласился лабуде. — но мне удавалось справиться и не с такими, как я.

— А если она тебе напишет?

— Между нами все кончено. пять лет я прожил, теша себя иллюзиями, этого довольно. худшего я тебе еще не сказал. она не любит меня, да и не любила. только теперь, когда подведена черта, счет вдруг сошелся. только теперь, когда она, лежа рядом со мной, хладнокровно меня обманывала, я понял наше прошлое. за пять минут я понял все. и списал в архив! — лабуде подтолкнул друга к дверям. — а теперь идем. мы приглашены к рут рейтер. идем, мне многое надо наверстать.

— Кто такая рут рейтер?

— Я сегодня с ней познакомился. у нее ателье, она скульптор, если можно ей верить.

— Я всегда мечтал стать натурщиком, — сказал фабиан и надел пальто.

Глава девятая

Странные девушки

Кандидат в покойники остается в живых

Кафе называется «кузина»

Наконец-то мужчины! — воскликнула рейтер. располагайтесь поудобнее. кульп только что стонала: дальше так продолжаться не может. у нее уже два дня не было ни одного мужчины, с последним же вышел просто конфуз. она художник-модельер, а этот тип не дал бы ей заказа без ответной услуги с ее стороны. к тому же он мало на что способен.

— Это самый скверный народ, — заметил лабуде, — все время пытаются проверить, не возвратилось ли вдруг утраченное. — он окинул взглядом девушку по фамилии кульп. она разлеглась в шезлонге, высоко задрав ноги, и кивала ему.

Лабуде подсел к ней. фабиан медлил в нерешительности. ателье было очень большое. посредине, под лампой, перед рядом скульптур стоял грубо сколоченный стол, а на столе сидела голая темноволосая женщина. рейтер примостилась на табуретке, взяла блокнот для эскизов и начала рисовать.

— Обнаженная натура при вечернем освещении, — провозгласила она, не оглядываясь, — фрейлейн зелов. перемени позицию, золотко. стоя! ноги расставь пошире, верхнюю часть туловища поверни вправо под прямым углом. так, руки скрести на затылке. стоп!

Голая женщина по фамилии зелов выпрямилась и встала йа столе, широко расставив ноги. она была превосходно сложена. ее грустные глаза равнодушно смотрели прямо перед собой.

— Дайте чего-нибудь выпить, меня знобит, — вдруг сказала она.

— И правда, фрейлейн зелов вся покрылась гусиной кожей, — подтвердил фабиан. он подошел поближе и стал перед ней как тонкий ценитель искусства перед бронзовой статуэткой.

— Трогать воспрещается! — голос скульпторши прозвучал крайне недружелюбно.

Фрейлейн кульп, уже разлегшаяся в объятиях лабуде, как в теплой ванне, крикнула фабиану:

— Руки прочь! Рут ревнива. У нее с обнаженной натурой прочно налаженная связь.

— Заткни глотку! — буркнула Рут. — Лабуде, если у вас с Кулып возникло какое-нибудь неотложное дело, не стесняйтесь. У меня только это помещение, но оно всякое видало.

Лабуде объяснил, что его мучат сомнения морального порядка.

— Чего только на свете не бывает, — печально заметила Кульп.

Рейтер подняла глаза от блокнота и мельком взглянула на Фабиана.

— Если вы тоже хотите принять участие в Кульп, то действуйте. Вам нужно только взять монетку. У Лабуде орел, у вас решка. Кульп подбросит ее вверх, это ее распалит. Чьей стороной вверх упадет монетка, за тем право первенства.

— Какая глубокая истина! — воскликнула Кульп. — Но мелкая монетка! Ты сбиваешь мне цену.

Фабиан вежливо заметил, что он не охотник до азартных игр.

Обнаженная женщина топнула ногой.

— Я хочу выпить!

— Баттенберг, рядом с твоим креслом стоит столик, а на столике джин. Давай-ка его сюда.

— С удовольствием, — отвечал чей-то голос. За статуями послышалось звяканье стекла. Потом в круг света под лампой вошла новая девушка и протянула обнаженной натуре полный стакан.

Фабиан оторопел.

— Сколько же здесь лиц женского пола, в конце концов? — спросил он.

— Я единственная, — отвечала фрейлейн Баттенберг и засмеялась.

Фабиан взглянул на ее лицо и решил, что она не вписывается в окружающую обстановку. Девушка вновь удалилась за статуи. Он последовал за ней.

Она села в кресло. Он встал возле гипсовой Дианы, положил руку на бедро хорошо тренированной богини и через окно мастерской стал смотреть на арки фронтонов в стиле модерн. Слышно было, как Рут командует:

— Последняя позиция, моя радость, корпус наклонить вперед, колени согнуть, зад выставить, руки на колени, хорошо, стоп!

Из передней половины мастерской доносились взвизгивания и тяжелые вздохи фрейлейн Кульп.

— А как вы, собственно, попали в этот свинушник? — спросил Фабиан.

— Мы с Рут Рейтер родом из одного города. Учились в одной школе. На днях случайно встретились на улице. А так как в Берлине я не очень давно, она пригласила меня, так сказать, в целях информации. Я здесь в последний раз — уже достаточно информирована.

— Очень рад слышать, — сказал он. — Я не такой уж страж добродетели, и все же огорчаюсь, когда вижу, до чего женщина может опуститься.

Она серьезно посмотрела на него.

— Я тоже не ангел, сударь. Наше время не любит ангелов. Но что прикажете нам делать? Если мы любим мужчину, мы ему отдаемся, отрешившись от всего, что было раньше. «Вот я», — говорим мы, приветливо улыбаясь. «Да, — отвечает он, — это ты», — и чешет за ухом. О господи, думает он, только этого мне не хватало. Мы с легким сердцем дарим ему все, что имеем. А он проклинает нас. Наши подарки ему в тягость. Сначала он проклинает втихомолку, а потом уже во весь голос. И мы одиноки, как никогда прежде. Мне двадцать пять лет, но меня оставили уже двое мужчин. Оставили как зонтик, который нарочно где-то забывают. Вас смущает моя откровенность?

— Это участь многих женщин. У нас, молодых мужчин, забот полон рот и времени на любовь не хватает, разве что на удовольствия. Понятия семьи почти уже не существует. Хотя нам все же остались две возможности проявить свое чувство ответственности. Либо мужчина берет на себя ответственность за будущее женщины, но на следующей неделе, потеряв работу, понимает, что поступил безответственно. Либо, из того же чувства ответственности, решает не портить жизнь другому человеку, но, сделав, таким образом, женщину несчастной, убеждается, что и это решение было безответственным. Это антиномия, которой раньше не

знали.

Фабиан присел на подоконник. В доме напротив светилось окно. Он увидел бедно обставленную комнату. За столом, закрыв лицо руками, сидела женщина. Перед ней стоял мужчина, он жестикулировал, видимо, бранился, потом сорвал с гвоздя шляпу и выбежал из комнаты. Женщина отняла руки от лица и уставилась на дверь. Затем опустила голову на стол, очень медленно и очень спокойно, словно подставляя ее под удар топора. Фабиан отвернулся и посмотрел на девушку, сидевшую в кресле рядом с ним. Она тоже видела сцену в доме напротив и печально взглянула на него.

— Еще один несостоявшийся ангел, — заметил Фабиан.

— Второй мужчина, которого я любила и тем самым обременяла, — тихо произнесла она, — вышел в один прекрасный вечер из квартиры, чтобы бросить письмо в почтовый ящик. Он спустился по лестнице и больше не вернулся. — Она покачала головой, словно все еще не могла постигнуть, что же произошло? — Я три месяца ждала, что он вот-вот вернется. Смешно, правда? Потом он прислал видовую открытку из Сантьяго с нежными приветами.

«Потаскуха!» — сказала мне моя мать. Когда же я напомнила ей, что первый мужчина у нее был в восемнадцать лет, а первого ребенка она произвела на свет в девятнадцать, она в негодовании крикнула: «Это было совсем другое дело!» Конечно, это было совсем другое дело!

— А почему вы приехали в Берлин?

— Раньше женщина дарила себя, и ее берегли словно драгоценный подарок. Сегодня ей платят, и в один прекрасный день выбрасывают, как купленную и использованную вещь. Так оно дешевле, думает мужчина.

— Раньше такой подарок значил больше, чем просто купленная вещь, — сказал Фабиан. — Сегодня он и марки не стоит. Эта дешевизна вызывает у покупателя недоверие. Наверняка, товар с гнильцой, думает он. И в большинстве случаев оказывается прав. Ибо позднее женщина предъявляет ему счет. И ему вдруг приходится возмещать моральную стоимость подарка. В душевной валюте выплачивать пожизненную ренту.

— Вот, оно самое, — сказала девушка, — так думают все мужчины. Но почему вы назвали это ателье свинушником? Ведь тут как раз только женщины^ какие вам нужны. Или не совсем такие? Я знаю, чего вам недостает для счастья. Мы должны приходиться и уходить, когда вы этого пожелаете. Но если вы нас гоните, мы должны плакать. И радоваться, если вы нас поманите. Вы смотрите на женщину, как на товар, но этот товар непременно должен быть влюбленным. У вас все права и никаких обязанностей, у нас все обязанности и никаких прав, вот как выглядит ваш рай. Но это уже слишком! Да-да, это уже слишком!

Фрейлейн Баттенберг высморкалась. И продолжала:

— Если мы не в силах вас удержать, то и любить вас нам незачем. Если же вам угодно наступить — извольте платить как следует. — Она умолкла. По лицу ее сбегали маленькие слезинки.

— Потому-то вы и приехали в Берлин?

Она беззвучно плакала. Он подошел и положил руку ей на плечо.

— Вы и в делах ничего не смыслите, — сказал он и меж двух гипсовых фигур заглянул в другую часть ателье. Обнаженная натура сидела на столе и пила джин. Скульпторша, склонившись над нею, целовала ее грудь и слегка выпуклый живот. Зелов между тем опустошила стакан и равнодушно погладила подругу по спине. Одна целовала, другая пила, — казалось, ни одна толком не знала, что делает другая. А на заднем плане, лежа в шезлонге, шептались Кульп и Лабуде.

В дверь позвонили. Рейтер выпрямилась и тяжелыми шагами пошла открывать. Зелов натягивала чулки. Вошел запыхавшийся мужчина громадного роста. Одна нога у него была деревянная, и он опирался на палку.

— Кульп здесь? — спросил мужчина.

Рейтер кивнула. Он вытащил из кармана несколько банкнот, вручил их скульпторше и сказал:

— А вас всех прошу уйти на часок. Зелов ты, пожалуй, тоже можешь мне оставить. — Он опустил на стул и натужно захохотал. — Нет-нет, Рут, это я пошутил.

Кульп вылезла из шезлонга, оправила платье и подала руку вновь пришедшему.

— Привет, Вильгельми, еще не подход? Вильгельми стер пот со лба и покачал головой.

— Но долго я все равно не протяну. Не то деньги кончатся раньше, чем я. — Он и ей дал несколько банкнот. — Зелов! — крикнул он. — Смотри не выдуй весь джин! И давай одевайся побыстрей!

— Идите в «Кузину», я приду потом, — сказала Кульп и тряхнула Лабуде за плечи. — Мой дорогой, убирайся отсюда. Тут пришел один, ему врачи наболтали, что он в этом месяце умрет. Он ждет смерти, как мы регул. Я только помогу ему скоротать четверть часика и опять к вам приду.

Лабуде встал. Рейтер взяла свое пальто. Из-за статуи появился Фабиан с фрейлейн Баттенберг. Зелов уже оделась. Все ушли. Остались только кандидат в покойники и Кульп.

— Надеюсь, он не изобьет ее, как в последний раз, — сказала скульпторша уже на лестнице. — Его бесит, что другим суждено прожить дольше, чем ему.

— Она же ничего не имеет против, она любит тумачи, — заметила Зелов. — И к тому же с ее рисования — ни жить, ни умереть.

— Хорошенькая у нас профессия! — злобно рассмеялась Рейтер.

Кафе «Кузина» в основном посещалось женщинами. Они танцевали друг с другом. Сидели рука об руку на маленьких зеленых диванчиках. Заглядывали друг другу в глаза. Пили водку. На некоторых были смокинги и блузы с глухой застежкой — для пущего сходства с мужчинами. Владелицу все называли «Кузиной», как и ее заведение, она курила черные сигары и устраивала знакомства. Переходя от столика к столику, эта дама приветствовала гостей, отпускала соленые шуточки и пила как сапожник.

Лабуде, казалось, стыдился Фабиана, да и самого себя тоже. Он танцевал с «обнаженной натурой», потом сел с нею у стойки, повернувшись спиной к другу. Рут Рейтер ревновала, но держала себя в руках. Лишь изредка смотрела в сторону бара, была очень бледна и много пила. Затем пересела за другой столик и заговорила с немолодой, устрашающе размалеванной дамой. Смеясь, дама так кудахтала, что казалось, сейчас? снесет яйцо.

— Я все не могу забыть наш разговор, — сказал Фабиан фрейлейн Баттенберг. — Вы и вправду считаете, что у всех этих женщин отклонение от нормы врожденное? Вон та блондинка долгие годы была подругой одного актера, покуда он не выставил ее. Тогда она поступила на службу в какую-то контору и спала с одним из ее представителей. Родила ребенка и проиграла процесс. Представитель фирмы оспаривал отцовство. Ребенка отправили в деревню. Блондинка нашла новое место. Но она, может быть, навсегда, а может быть, только на время решила, что мужчин с нее хватит; у многих из сидящих здесь похожая судьба. Одна не может найти мужчину, у второй их слишком много, третья панически боится последствий. Все эти женщины просто злы на мужчин. Зелов, которая сидит с моим другом, тоже из этого сорта. Она предалась лесбосу, обиженная противоположным полом.

— Вы не проводите меня домой? — спросила фрейлейн Баттенберг.

— Вам здесь не нравится? Она покачала головой.

Внезапно дверь отворилась и в залу, пошатываясь, вошла Кульп, остановилась перед столиком, за которым сидела Скульпторша, и открыла рот. Она не кричала, не говорила ничего и вдруг рухнула на пол. Женщины с любопытством столпились вокруг нее. Кузина принесла виски.

— Опять Вильгельми ее избил, — пояснила Рейтер.

— Ура мужчинам! — взвизгнула девушка и залилась истерическим смехом.

— Там в задних комнатах доктор, позовите его! — крикнула Кузина.

Все бросились за доктором. Пианист, столь же остроумный сколь и пьяный, заиграл траурный марш Шопена.

— Это доктор? — спросила фрейлейн Баттенберг.

Через боковую дверь вошла высокая сухопарая дама в вечернем платье, с лицом похожим на напудренный череп.

— Да, он окончил медицинский факультет, — сказал Фабиан. — И даже состоял в студенческой корпорации. Видите шрамы под пудрой? Теперь он морфинист, и у него есть разрешение полиции носить женское платье. Живет он тем, что выписывает рецепты на морфий. В один прекрасный день его схватят, тогда он отравится.

Кульп унесли в заднюю комнату. Доктор в вечернем платье тоже прошел туда. Пианист заиграл танго. Скульпторша пригласила «обнаженную натуру» танцевать, тесно прижала ее к себе и принялась горячо ее в чем-то убеждать. Зелов, в дым пьяная, слушала в пол-уха, то и дело закрывая глаза. Вдруг она вырвалась, шатаясь пересекла залу,хватила кулаком по крышке рояля, так что инструмент жалобно застонал, и крикнула:

— Нет!

Воцарилась мертвая тишина. Скульпторша одиноко стояла на танцевальной площадке, судорожно сжав руки.

— Нет! — еще раз прокричала Зелов. — Хватит с меня. Сыта по горло. Хочу мужчину! Мужчину хочу! Пропади ты пропадом, похотливая коза! — Она сдернула Лабуде с высокого табурета, Влепила ему поцелуй, нахлобучила себе на голову шляпу и потянула его к двери, так что он едва успел захватить свое пальто. — да здравствует маленькая разница! — крикнула она. и оба скрылись за дверью.

— Нам действительно лучше уйти. — фабиан поднялся, положил на столик деньги и помог фрейлейн баттенберг одеться.

Они ушли. рут рейтер все стояла на том же месте. никто не смел к ней приблизиться.

Глава десятая

Топография безнравственности

Любовь пребудет вечно!

Да здравствует маленькая разница!

Неужели этот человек ваш друг? — спросила она на улице.

— Но вы же его совсем не знаете!

Он рассердился на нее за вопрос и рассердился на себя за ответ. они молча шли рядом. немного погодя он сказал:

— Лабуде не повезло — поехал в гамбург и там воочию увидел, как будущая супруга обманывает его. он во всем любит организованность. свое будущее, я говорю о семейной жизни, он рассчитал с точностью до одной тысячной. и вдруг за одну ночь выясняется, что все его расчеты пошли прахом. он хочет поскорее все забыть и на первых порах пытается сделать это в горизонтальном положении.

Они остановились у магазина, ярко освещенного, несмотря на позднее время. платья, блузки, лакированные пояса лежали в витрине, затерянной среди темных домов, точно на маленьком, залитом солнцем острове.

— Вы не скажете, который час? — вдруг спросил кто-то.

Фрейлейн баттенберг испуганно вцепилась в руку своего спутника.

— Десять минут первого, — ответил Фабиан.

— Большое спасибо. Мне надо поторапливаться. — Молодой человек, заговоривший с ними, наклонился и стал обстоятельно завязывать шнурок на ботинке. Затем выпрямился и, смущенно улыбаясь, спросил: — Не найдется ли у вас случайно пятнадцати пфеннигов, которыми вы могли бы пожертвовать?

— Случайно найдется, — сказал Фабиан и дал ему две марки.

— О, это замечательно! Очень, очень вам благодарен! На сей раз я могу обойтись без ночлежки Армии спасения. — Молодой человек пожал плечами, как бы извиняясь, приподнял шляпу и стремительно зашагал прочь.

— Воспитанный юноша, — заметила фрейлейн Баттенберг.

— Да, он узнал, который час, прежде чем попросить милостыню.

Они продолжали свой путь. Фабиан понятия не имел, где живет девушка, и покорно шел за ней, хотя знал город лучше, чем она.

— Хуже всего в этой истории, — сказал Фабиан, — что Лабуде, увы, только через пять лет заметил, что Леда, та самая женщина из Гамбурга, никогда его не любила. Она его обманывала не потому, что он слишком редко бывал у нее, а потому, что она его не любила. Лабуде даже нравился ей, но на самом деле был не в ее вкусе. Случается и обратное. Кто-то полностью соответствует твоему вкусу, но как такового ты его не переносишь.

— А разве не может быть человека, во всем отвечающего твоему вкусу?

— На столь счастливое совпадение рассчитывать не приходится, — возразил Фабиан. — А что, помимо ваших воинственных замыслов, привело вас в Берлин, в этот Содом и Гоморру?

— Я стажерка, — пояснила она, — в своей диссертации я затрагиваю вопрос, касающийся международного киноправа, и одна крупная берлинская кинокомпания хочет оставить меня в своем договорном отделе. Сто пятьдесят марок в месяц.

— Станьте лучше киноактрисой!

— Если надо — стану, — отвечала она решительно. И оба рассмеялись. Они шли по Гейсбергштрассе. Ночную тишину изредка нарушала проезжавшая машина. Из палисадника доносился аромат цветов. В одном из подъездов целовалась влюбленная парочка.

— Здесь, оказывается, и луна светит, — заметила специалистка по международному киноправу.

Фабиан слегка сжал ее руку.

— Совсем как в вашем родном городе? — спросил он. — Но вы ошибаетесь. Лунный свет и аромат цветов, тишина и провинциальный поцелуй в арке ворот — все это иллюзии. Вон на той площади есть кафе, где китайцы развлекаются с берлинскими шлюхами. Только китайцы. А в том, впереди, надушенные молодые гомосексуалисты танцуют с элегантными актрисами и смазливymi англичанами, называя цену, соответствующую их данным, а под конец все оплатит крашенная старуха, которой за это будет разрешено пойти с ними. Справа на углу отель, где живут одни японцы, а рядом ресторан, где русские и венгерские евреи занимают друг у друга деньги или просто занимаются надувательством. На одной из соседних улиц имеется пансион, где несовершеннолетние гимназистки по вечерам торгуют собою, чтобы иметь побольше карманных денег. Полгода назад случился скандал, который едва удалось замять. Один пожилой господин увидел в комнате, куда он вошел, желая поразвлечься, раздетую шестнадцатилетнюю девочку, как, впрочем, он и ожидал, но, увы, ею оказалась его собственная дочь, чего уж он никак не мог ожидать... Поскольку этот гигантский город построен из камня, он почти не переменялся. Что же касается его жителей, то они давно смахивают на обитателей сумасшедшего дома. В Остене процветает преступление, в Центре — жульничество, в Нордене — нищета, в Вестене — разврат, словом повсюду гибель.

— А что наступит вслед за гибелью?

Фабиан сломал маленькую веточку, свисавшую над решетчатой оградой, и отвечал:

— Боюсь, что глупость.

— Мой родной город глупость уже давно оккупировала, — сказала девушка, — но что тут поделаешь?

— Если человек по натуре оптимист, он впадет в отчаяние. Я меланхолик, и со мной ничего такого не случится. К самоубийству я не склонен, ибо не могу понять того рвения, с которым многие бьются головой об стенку, покуда голова не разобьется. Я наблюдаю и жду. Жду, что победит порядочность, тогда и я буду готов служить ей. Но я жду этого, как неверующий — чуда. Милая девушка, я вас еще совсем не знаю, и, несмотря на это или, возможно, как раз поэтому, мне хотелось бы ознакомить вас со своей рабочей гипотезой, необходимой для общения с людьми и, кстати, уже себя зарекомендовавшей. Речь идет о теории, исходить из которой было бы ошибочно. Но на практике она приводит к вполне

приемлемым результатам.

— Что же это за гипотеза?

— Здесь любого человека, исключая разве что стариков и детей, считают сумасшедшим, покуда не получат неопровержимых доказательств противного. Подумайте над этим, и вы убедитесь, какая это полезная мысль.

— И вы тоже требуете от меня доказательств?

— Я прошу об этом, — отвечал он.

Они молча пересекли Нюрнбергерплатц. Прямо перед ними затормозила машина. Девушка дрожала. Теперь они шли по Шаперштрассе. Где-то в одном из запущенных садов орали кошки. По краю тротуара росли деревья, затенявшие улицу и скрывавшие небо.

— Вот мы и пришли, — сказала она, останавливаясь перед домом № 17. Домом, где жил Фабиан! Скрыв свое изумление, он спросил, нельзя ли ему еще раз ее увидеть.

— Вы в самом деле этого хотите?

— Только при условии, что и вы этого хотите. Она кивнула и на секунду прильнула к нему.

— Хочу.

Он сжал ее руку.

— Этот город такой огромный, — прошептала она и вдруг замолкла, оробев. — Вы не поймете меня неправильно, если я приглашу вас на полчаса к себе? Моя комната еще совсем не обжита... Ни одного словечка, связанного с ней, ни одного воспоминания, ведь я ни с кем еще в ней не говорила, и нет в ней ничего, что напоминало бы мне о чем-нибудь. А перед окнами всю ночь напролет качаются черные деревья.

Фабиан громче, чем хотел, ответил:

— Я с удовольствием зайду к вам. Открывайте же дверь.

Она вставила ключ в замочную скважину, но, прежде чем повернуть его, еще раз взглянула на Фабиана.

— Я очень боюсь, что вы меня не так поняли... Фабиан распахнул дверь, зажег свет на лестнице

и вдруг испугался, что выдал себя. Но она не удивилась, заперла за ним дверь и прошла вперед. Он шел за нею, забавляясь таинственностью, с которой сегодня проник в этот дом. Интересно, на каком этаже она живет? Девушка остановилась перед дверью его хозяйки, перед дверью вдовы Хольфельд.

В прихожей горел свет. Две девушки в розовых комбинешках играли в футбол зеленым воздушным шариком. Они испугались и от испуга захихикали. Фрейлейн Баттенберг замерла. Внезапно открылась дверь уборной, и появился Трегер, похотливый коммивояжер в пижаме.

— Держите лучше ваш гарем под замком, — буркнул Фабиан.

Господин Трегер ухмыльнулся, втолкнул девушек в свой сераль и закрылся на задвижку. Фабиан по ошибке взялся за ручку своей собственной двери.

— Ради бога, — прошептала фрейлейн Баттенберг, — это не моя комната!

— Прошу прощения, — сказал Фабиан и прошел за нею по коридору к последней двери. Войдя, он положил пальто и шляпу на диван, она повесила свое пальто в шкаф.

— Мерзкая конура, — сказала она с улыбкой, — а стоит восемьдесят марок в месяц.

— Я плачу ровно столько же, — утешил он девушку. Из соседней комнаты послышался шум. Это возмущенно застонали диванные пружины.

— Зато соседство бесплатное, — заметила она.

— А вы провертите дырку в стене и требуйте плату за вход.

— Ах, я так рада. — Она потеряла руки, словно перед пылающим камином. — Когда я одна, этот салон кажется еще ужаснее. Я вам очень признательна! Хотите взглянуть на страшные деревья?

Они подошли к окну.

— Сегодня даже деревья выглядят приветливее, — сказала она. Потом посмотрела на него и пробормотала — Это оттого, что я обычно бываю одна.

Он осторожно привлек ее к себе и поцеловал. Она ему ответила.

— Теперь ты будешь думать, что я за этим просила тебя подняться.

— А я так и думаю, — отвечал он, — только ты сама этого не знала.

Она потерлась щекой об его щеку и посмотрела в окно.

— А как, собственно, тебя зовут? — спросил он.

— Корнелия.

Они лежали рядом, и он, закрыв глаза, гладил ее лицо, чтобы лучше чувствовать лепку этого лица. Потом печально спросил:

— Ты еще не забыла сегодняшний вечер в ателье, где мы сидели с тобой за спинами гипсовых богинь и ты рассказывала, как намерена наказать мужчин за их эгоизм?

Она осыпала поцелуями его руки и, тяжело вздохнув, ответила:

— Намерения мои не изменились ни чуточки. Но для тебя я делаю исключение. Мне почему-то кажется, что я тебя люблю.

Фабиан сел, но она опять притянула его к себе.

— Когда ты обнял меня, я заплакала, — прошептала она. При этом воспоминании слезы опять застлали ей глаза, но она и сквозь слезы улыбалась, а он, впервые за долгое время, чувствовал себя почти счастливым.

— Я плакала, потому что я тебя люблю. Но то, что я тебя люблю, мое дело, слышишь? Тебя это не касается. Ты можешь прийти и уйти, когда пожелаешь. Я буду радоваться твоему приходу и не стану печалиться, если ты уйдешь. Это я тебе обещаю.

Она прижалась к нему так, что у обоих перехватило дыхание.

— О! — воскликнула она. — Теперь я хочу есть! Он соорудил такую озадаченную мину, что она рассмеялась. И объяснила ему, в чем дело:

— Видишь ли, если я кого-то любила, то есть я хочу сказать, если меня кто-то любил, ну, ты понимаешь, да?.. Мне потом всегда ужасно хочется есть. А голод не тетка! Но еды у меня никакой нет. Я ведь не думала, что в этом страшном городе так скоро почувствую голод. — Она легла на спину и улыбнулась потолку вкупе с ангельскими головками из гипса.

Фабиан встал и объявил:

— Тогда нам остается только совершить кражу со взломом!

Он поднял Корнелию с постели, открыл дверь и, несмотря на отчаянное сопротивление, вытащил ее из комнаты. Она отбивалась, но он крепко ее держал, и они — точь-в-точь Адам и Ева — отправились по коридору к двери Фабиановой комнаты.

— Это отвратительно! — причитала она, пытаясь вырваться.

Но он нажал ручку и втолкнул девушку в свою комнату. У нее даже зубы стучали. Он зажег свет и отвесил ей весьма церемонный поклон:

— Господин доктор Фабиан имеет честь приветствовать в своих покоях фрейлейн доктор баттенберг. — потом он бросился на кровать и от удовольствия укусил подушку.

— Нет, — услышал он ее голос, — не может быть! — но наконец она поверила и принялась отплясывать чардаш.

Он встал и посмотрел на нее.

— Ты могла бы не так громко хлопать себя по икрам, — сказал он исполненным достоинства голосом.

— В чардаше иначе нельзя, — отвечала она, продолжая танцевать и хлопая себя так же громко и так же задорно. затем степенно направилась к столу, села на стул и словно бы оправила платье, хотя на ней не было даже намека на таковое. и потребовала — будьте добры, меню!

Он притащил тарелку, нож, вилку, хлеб, колбасу, кекс и, покуда она ела, изображал внимательного кельнера. немного позже она взяла несколько книг с его полки, протянула ему левую руку и величественно приказала:

— Немедленно доставьте меня обратно, в мои апартаменты!

Прежде чем погасить свет, они договорились, что корнелия утром разбудит фабиана, будет дергать его за ухо, пока он не проснется. вечером они решили опять встретиться дома.

кто первый вернется, нацарапает карандашом крест на своей двери. надо только стараться, чтобы вдова хольфельд ничего не заметила.

Наконец корнелия потушила свет и, улегшись рядом с фабианом, сказала:

— Иди ко мне!

Он гладил ее тело. она обхватила руками его голову, прижалась губами к уху и прошептала:

— Иди ко мне! как там кричала зелов? да здравствует маленькая разница!

Глава одиннадцатая **Сюрприз на фабрике** **Кройцберг и чудаки** **Жизнь — дурная привычка**

На следующее утро фабиан явился в контору за четверть часа до начала работы. насвистывая что-то, он пробежал глазами свои записи касательно конкурса, которого ждала от него дирекция.

Фабрика должна выпустить в розничную продажу сто тысяч дешевых сигаретных наборов. в каждой пронумерованной коробке будут лежать шесть различных сортов сигарет без обозначения марки. покупателям предлагается угадать, сколько сигарет каждого из шести широко известных сортов этой фирмы содержится в коробке. тот, кто купит такой дешевый набор, если захочет разгадать загадку и выиграть приз, вынужден будет купить хотя бы по одной пачке каждого сорта, давно имеющегося в продаже, итого шесть пачек, не считая набора. если найдется сто тысяч желающих, то, естественно, фирма продаст шестьсот тысяч пачек, иными словами, всего будет реализовано семьсот тысяч пачек. к тому же эта приманка для покупателей, искусно разрекламированная, неизбежно повлечет за собой общее увеличение сбыта. фабиан взялся за калькуляцию.

Вошел фишер, крикнул:

— Ну, как дела? — и с любопытством заглянул через плечо своего коллеги.

— Проект конкурса, — пояснил фабиан. фишер натянул серый люстриновый пиджак, который всегда носил на работе, и спросил:

— Вы не посмотрите потом мои двестишты?

— С удовольствием. меня сегодня тянет на лирику.

В дверь постучали. пожилой, прихрамывающий курьер шнейдерайт по прозвищу «изобретатель плоскостопия» вдвинулся в комнату, хмуро положил на стол фабиана большой желтый конверт и снова удалился. в конверте оказались документы фабиана, чек в центральную кассу и короткое письмо следующего содержания:

«Глубокоуважаемый господин фабиан! фирма вынуждена сообщить вам, что с сегодняшнего дня вы уволены. ваше жалованье до конца месяца вы можете немедленно получить в кассе. при сем мы позволим себе высказать суждение, на коем мы особенно настаиваем, — мы считаем вас весьма квалифицированным специалистом по рекламе. увольнение вызвано прискорбными последствиями вынесенного наблюдательным советом решения о значительном сокращении ассигнований на рекламу. мы выражаем вам благодарность за вашу деятельность на благо фирмы и желаем в дальнейшем всего наилучшего». подпись. и все.

С минуту фабиан сидел не шевелясь. потом встал, оделся, сунул конверт в карман пальто и сказал фишеру:

— До свиданья. счастливо оставаться.

— Куда это вы собрались?

— Меня только что уволили. фишер вскочил, позеленев.

— Что вы говорите?! господа, неужто мне снова повезло?

— Просто ваше жалованье меньше, — заметил фабиан. — вот вас и оставили.

Фишер подошел к уволенному коллеге и потным рукопожатием выразил ему свое сожаление.

— К счастью, вы сохраняете присутствие духа. вы молодчина, и, кроме того, у вас нет жены.

Вдруг в дверях показался директор брейткопф, увидев, что фишер не один, он замялся, но потом все-таки произнес:

— Доброе утро.

— Доброе утро, господин директор, — ответил фишер и дважды поклонился.

Фабиан сделал вид, что не заметил брейткопфа, обернулся к фишеру и сказал:

— На моем столе лежит проект конкурса. я завещаю его вам.

С этими словами фабиан покинул свое поле деятельности и направился в кассу получить причитающиеся ему двести семьдесят марок. прежде чем выйти на улицу, он минуту-другую постоял в подворотне. мимо грохотали грузовики. разносчик телеграмм соскочил с велосипеда и бросился к зданию на противоположной стороне. соседний дом был зарешечен лесами. на дощатых настилах стояли штукатуры и счищали серую, крошащуюся штукатурку. цепочка пестрых мебельных фургонов медленно сворачивала в боковую улицу. вернулся разносчик, поспешно сел на велосипед и укатил. фабиан, стоя в подворотне, сунул руку в карман — там ли еще деньги — и подумал: «что же со мною будет?» и так как работы у него больше не было, он пошел гулять. он кружил по городу. в час обеда выпил у ашингера чашку кофе, — есть ему не хотелось, — снова отправился бродить по городу, хотя предпочел бы забиться в лесную чащу. но откуда здесь взяться лесной чаще? он все бродил и бродил, снашивая свое горе, как подошвы. на бельальянсштрассе он узнал дом, где студентом прожил два семестра. дом стоял как старый знакомый, с которым вы давно не встречались и который смущенно ждет, поздороваются с ним или нет. фабиан поднялся по лестнице посмотреть, живет ли еще здесь старая вдова тайного советника. но на двери висела новая табличка. он повернул назад. старая дама была совсем седая и очень красивая. фабиан вспомнил правильные черты глупого старушечьего лица. в ту зиму инфляции ему нечем было заплатить за отопление. закутавшись в пальто, он сидел там, наверху, и работал над докладом о морально-эстетической системе шиллера. по воскресеньям старая дама иногда приглашала его к обеду и повествовала о семейных событиях своих многочисленных знакомых. всегда, и раньше и теперь, он был голодранцем, имея все шансы остаться им и впредь. бедность уже вошла у него в привычку, как у других входит в привычку грызть ногти или сутулиться за столом.

Прошлой ночью, уже засыпая, он подумал: «может быть, все-таки стоит посеять хоть несколько зернышек честолюбия в этом городе, где оно так быстро приносит плоды, может быть, все-таки стоит относиться к себе посерьезнее и в шатком здании этого мира, притворяясь, что все в порядке, обзавестись уютной трехкомнатной квартиркой. наверно, это грех — любить жизнь, не имея по отношению к ней серьезных намерений». корнелия, стажерка, лежала рядом и во сне сжимала его руку. утром она сказала ему, что среди ночи проснулась от какого-то толчка. он сидел на кровати, настойчиво повторяя: «я заставлю рекламу светиться!» потом опять лег.

Он медленно поднялся на плато кройцберг и уселся на скамейку, рекомендованную вниманию публики. на щитке красовалась надпись: «граждане, берегите свое достояние!» эта весьма двусмысленная надпись была утверждена магистратом, а уж магистрат должен знать, что делает. фабиан рассматривал гигантский ствол какого-то дерева. кору избороздили тысячи вертикальных морщин. выходит, и у деревьев есть свои заботы. мимо скамейки прошли двое школьников. один, который держал руки за спиной, возмущенно спросил:

— Как можно это терпеть? второй помедлил с ответом.

— Против целой банды все равно не попрешь, — произнес он наконец.

Что они говорили дальше, уже не было слышно. с другой стороны площадки приближалась весьма странная личность: старый господин с седой бородкой клинышком и неаккуратно сложенным зонтом: вместо пальто на нем была зеленоватая выцветшая

пелерина, голову его венчала жесткая серая шляпа, когда-то, вероятно, бывшая черной. старик в пелерине направился к скамейке, пробормотал что-то вроде приветствия, сел рядом с фабианом, основательно откашлялся и принялся зонтом чертить круги на песке. один из кругов он изобразил в виде зубчатого колеса, центр которого соединился прямой линией с центром другого круга; он все более усложнял рисунок различными линиями и кривыми, писал сбоку и сверху формулы, зачеркивал их, снова вычислял что-то, затем дважды подчеркнул какую-то цифру и спросил:

— Вы понимаете что-нибудь в машинах?

— Увы, нет, — отвечал фабиан. — если меня кто-нибудь попросит завести граммофон, он может быть заранее уверен, что этот аппарат уже никогда не будет работать. зажигалки у меня в руках сроду не зажигались. я по сей день считаю, что электрический ток, судя по названию, — жидкость. и не могу понять, как с одной стороны в металлической камере с электрическим приводом лежат забитые на бойне быки, а с обратной — из нее выходят мясные консервы? кстати, ваша пелерина напомнила мне мою жизнь в интернате. каждое воскресенье в таких вот пелеринах и в зеленых шапках мы шагали на богослужение в мартин-лютер-кирхе. во время проповеди мы все спали, за исключением одного, которому вменялось в обязанность будить нас, если органист начнет играть хорал или если на хорах появится воспитатель. — фабиан глядел на пелерину соседа и чувствовал, что она, словно по тревоге, поднимает его прошлое. он видел бледного толстого директора, видел, как тот каждое утро перед молитвой, прежде чем сесть и раскрыть псалтырь, сгибал колени и проводил рукой по брюкам, дабы удостовериться, нет ли на них остатков грешной земли. он видел себя, крадущимся по вечерам к воротам интерната, бегущим по темным улицам, по учебному плацу мимо казарм. вот он взлетает по лестнице доходного дома, нажимает кнопку звонка, слышит дрожащий голос матери за дверью: «кто там?» — и, запыхавшись, отвечает: «это я, мама! я просто хотел узнать, не лучше ли тебе сегодня?» старик водил и водил концом своего неаккуратно сложенного зонтика по песку, покуда не стер все вычисления.

— Если вы не понимаете в машинах, то, может быть, вы поймете меня, — сказал он. — я так называемый изобретатель, почетный член пяти академий. техника обязана мне значительным прогрессом. благодаря мне текстильная промышленность выпускает в день в пять раз больше сукна, чем раньше. на моих машинах множество людей наживало деньги, даже я. — старый господин закашлялся и нервно дернул себя за острую бородку. — я изобретал мирные машины, не подозревая, что это были пушки. постоянный капитал рос непрерывно, возрастала продуктивность предприятий, а количество рабочих сокращалось. мои машины оказались пушками, которые вывели из строя целые армии рабочих. они лишили сотни тысяч людей права на существование. в манчестере я видел, как полиция разгоняла уволенных рабочих. их били палками по головам. одну маленькую девочку растоптала лошадь. и виноват в этом был я. — старый господин сдвинул свою жесткую шляпу на затылок и закашлялся. — когда я вернулся, моя семья учредила надо мной опеку. их не устраивало, что я стал раздавать деньги направо и налево и объявил, что не желаю больше иметь дела с машинами. тогда я сбежал. у них есть средства, они живут в моем доме на штарнбергер-зе, а я уже полгода считаюсь пропавшим без вести. на прошлой неделе я прочитал в газете, что моя дочь родила ребенка. значит, я уже дедушка, а по берлину слоняюсь как последний бродяга.

— Старость от ума не спасает, — сказал фабиан, — к сожалению, не все изобретатели так сентиментальны.

— Я уж думал, не поехать ли мне в россию и не предложить ли там свои услуги. но без паспорта это невозможно. а если я открою свое имя, меня ни за что отсюда не выпустят. у меня в нагрудном кармане лежат чертежи и расчеты ткацкого станка, который даст сто очков вперед всем доселе известным текстильным машинам. в моем заплатадном кармане — миллионы. но я предпочитаю умереть голодной смертью. — старик горделиво похлопал себя по груди и снова закашлялся. — сегодня я ночую на йоркштрассе девяносто три. незадолго до того как закроют ворота, я войду в дом. если швейцар спросит, куда я иду, я отвечу: в

гости к грюнбергам. грюнберги живут на четвертом этаже. глава семьи — старший кондуктор. я поднимаюсь наверх. прохожу мимо квартиры семейства грюнберг и взбираюсь на чердак. там я присаживаюсь на лестнице. не исключено, что дверь на чердак открыта. бывает даже, что в каком-нибудь углу валяется старый матрац. а завтра утром я снова исчезну.

— Откуда вы знаете грюнбергов?

— Из адресной книги, — отвечал изобретатель. — надо же мне назвать кого-нибудь из жильцов дома, если швейцар спросит, к кому я иду. на следующее утро ложь обычно выходит наружу. но извечное требование — уважать седины — принесло свои плоды и действует даже на швейцаров. кроме того, я каждый день меняю адрес. зимой я преподавал физику в одной частной школе. но, увы, мои уроки вылились в своего рода протест против чудес техники. это не нравилось ни ученикам, ни директору. и я предпочел три месяца греться в почтовых отделениях. теперь мне почтовые отделения уже ни к чему. теперь тепло. я часами сижу на вокзалах и наблюдаю за людьми: смотрю, как они уезжают, приезжают или остаются. это ведь очень занимательно. я сижу там и радуюсь жизни.

Фабиан написал свой адрес и протянул его старику.

— Спрячьте-ка получше эту записку. и если вас когда-нибудь остановит швейцар, приходите ко мне. мой диван в вашем распоряжении.

Старый господин, прочитав адрес, осведомился:

— А что на это скажет ваша хозяйка? фабиан пожал плечами.

— Моего кашля вам не надо бояться, — сказал старик. — когда я ночью сижу на темной лестнице, я совсем не кашляю. я слежу за собой, чтобы не напугать жильцов. забавный образ жизни, правда? я начинал бедняком, потом я разбогател, теперь опять беден, как церковная крыса, но это все роли не играет. как будет, так и будет. пригревает меня солнце на моей террасе в леони или здесь на кройцберге, мне так же безразлично как и солнцу. — старик закашлялся и вытянул ноги. фабиан встал и сказал, что ему пора идти.

— А кто вы, собственно, по профессии? — спросил изобретатель.

— Безработный, — отвечал фабиан и пошел по аллее, ведущей назад, к берлинским улицам.

Когда вечером, едва держась на ногах от многочасовой ходьбы, он вернулся домой, его сразу же потянуло к корнелии — рассказать о своей беде. предстоящий разговор взволновал его воображение. а может, он просто был голоден.

Фрау хольфельд, хозяйка, расстроила его планы. она поджидала его в коридоре и шепотом, без нужды таинственным, но такова уж была ее манера, сообщила, что здесь лабуде. лабуде сидел в комнате фабиана и, видимо, страдал от головной боли. он пришел извиниться за то, что вчера исчез из кафе, не попрощавшись. на самом деле он хотел совсем другого. хотел узнать, что думает фабиан об истории с зелов.

Лабуде был человек высоконравственный и считал делом чести писать свою биографию набело, без черновиков и ошибок. он и в детстве никогда не разрисовывал промокашек. его представления о нравственности зиждились на любви к порядку. разочарование, пережитое в гамбурге, поколебало этот порядок и тем самым нравственность. духовный график оказался под угрозой срыва. характер утратил опору. и теперь лабуде, любивший ставить перед собой цель, нуждавшийся в цели, пришел к фабиану, великому специалисту по бесцельности. он надеялся научиться у него, как можно, испытывая беспокойство, тем не менее оставаться спокойным.

— Ты плохо выглядишь, — сказал фабиан.

— Я всю ночь глаз не сомкнул, — признался лабуде. — эта зелов — унылая и в то же время вульгарная особа. она может часами сидеть на диване и бормотать себе под нос всякую похабщину, точно молитву. просто уши вянут. и к тому же в таких количествах поглощает спиртное, что можно опьянеть, даже глядя на нее. потом она вспоминает, что, как-никак, находится наедине с мужчиной и тут уж только держись. при этом она ведет себя не как нормальная женщина. лесбийкой ее, пожалуй, тоже не назовешь. я думаю, хоть это и комично

звучит, она гомосексуальна.

Фабиан слушал друга, не перебивая. и так как он ничему не удивлялся, лабуде тоже стал успокаиваться.

— Завтра я на два дня еду во франкфурт, — сообщил лабуде перед уходом. — рассов тоже едет. мы хотим создать там инициативную группу. кстати, эта девица осталась пока что в квартире номер два. ей в последнее время чертовски трудно пришлось. пусть себе отоспится. до свидания, яacob. — и он ушел.

Фабиан отправился к корнелии. что-то она скажет о его увольнении? но у нее сидела рут рейтер, скульпторша, выглядевшая очень несчастной. она ничуть не удивилась, встретив здесь фабиана, и вкратце повторила то, что уже успела со всеми подробностями сообщить фрейлейн баттенберг: малютка кульп попала в шарите {*Название университетских клиник в берлине.*} . У нее обнаружили какие-то внутренние повреждения, а вильгельми на деревянной ноге, кандидат в покойники, со вчерашнего дня валяется в ее ателье. он задыхается, хрипит, готовясь отойти в лучший мир.

Корнелия достала из чемодана чашки, тарелки и приборы, принесла какую-то еду и не без изящества накрыла стол. у нее в запасе имелась даже белая скатерть и букет цветов. рейтер сказала, что ей пора уходить. ах, да, она чуть не забыла, не знают ли они, где живет молодой лабуде. очевидно, только за этим она и пришла. надеялась узнать у своей школьной подруги адрес фабиана и через него разыскать квартиру лабуде, так как слуги на вилле в груневальде не могли ничего сообщить ей.

— Я знаю, где он живет, — отозвался фабиан. — и потом, всего несколько минут назад он сидел у меня, в соседней комнате. но адрес я вам дать не вправе.

— Он был здесь? — крикнула скульпторша. — до свиданья! — и бросилась вон из комнаты.

— Она не может без зелков, — сказала корнелия.

— Она не может без дурного обхождения, — сказал фабиан.

— А я могу. — она поцеловала его и потянула к столу, чтобы он оценил ее приготовления к ужину. — нравится? — спросила она.

— Великолепно! очень красиво! впрочем, будь так добра, говори и впредь, когда я должен чем-то восхищаться. на тебе, кажется, новое платье? а эти серьги я уже видел? у тебя и вчера был прямой пробор? то, что мне нравится, я не замечаю. меня надо во все тыкать носом.

— Ты весь состоишь из недостатков! — воскликнула она. — каждый недостаток в отдельности я готова ненавидеть, а все вместе — люблю.

За едой она рассказала, что завтра приступает к работе. сегодня ее представили целому ряду драматургов, режиссеров, директоров картин. она описала странное, обширное здание, битком набитое солидными людьми, которые бегают с одной конференции на другую и ставят палки в колеса развитию звукового кино. фабиан отложил свое сообщение на потом. покончив с едой, она отставила в сторону тарелку с двумя бутербродами и, улыбаясь, сказала:

— Неприкосновенный запас!

— Ты покраснела! — заметил он. она кивнула.

— Иногда ты все же замечаешь то, что достойно восхищения.

Он предложил пойти немного погулять. она оделась. он тем временем обдумывал, как бы рассказать ей об увольнении. но из прогулки ничего не получилось. едва они вышли из дому, как за спиной у них кто-то кашлянул и незнакомый голос пожелал доброго вечера. это был изобретатель в пелерине.

— Вы так заманчиво описали ваш диван, что сегодня у меня отпала охота лазить по лестницам и чердакам, — пояснил он. — я обошел стороной йоркштрассе и явился сюда, а теперь ругаю себя за то, что обременяю вас, ведь, в конце концов, вы и сами безработный.

— Ты безработный? — спросила корнелия. — это правда?

Старый господин рассыпался в извинениях, он предполагал, что спутница фабиана в курсе дела.

— Сегодня утром уволили, — фабиан выпустил руку корнелии, — на прощание дав мне двести семьдесят марок. если я заплачу вперед за квартиру, у нас останется еще сто девяносто марок. еще вчера меня бы это только рассмешило.

Уложив старика на диван и пододвинув торшер к нему поближе, так как он хотел заняться расчетами своей таинственной машины, они пожелали ему спокойной ночи и ушли в комнату корнелии. фабиан еще раз вернулся к себе и дал старику несколько бутербродов.

— Обещаю вам не кашлять, — прошептал тот.

— Здесь можете кашлять сколько угодно. ваш сосед по комнате позволяет себе еще и не такие удовольствия, однако это не мешает хозяйке, некой фрау хольфельд, которой «раньше не было нужды сдавать комнаты», спокойно спать в своей постели. а вот что мы будем делать завтра утром, я пока еще не знаю. хозяйка трясется над своей мебелью, а посему, узнав, что на диване всю ночь спал какой-то неизвестный, здорово обозлится. впрочем, спите спокойно. утром я вас разбуджу. а до тех пор непременно что-нибудь придумаю.

— Спокойной ночи, мой юный друг, — отвечал старик, доставая из кармана свои драгоценные бумаги. — кланяйтесь от меня вашей невесте.

Корнелия казалась такой счастливой, что фабиан только диву давался. часом позже, умяв неприкосновенный запас, она сказала:

— Ах, жизнь прекрасна! ты веришь в верность?

— Ты сперва прожуй, а уж потом говори высокие слова! — он сидел, обхватив колени руками, и сверху вниз смотрел на распростертую рядом девушку. — верю, только я все жду случая проявить ее, хотя до вчерашнего дня считал себя на нее не способным.

— Это же объяснение в любви, — тихо проговорила она.

— Если ты сейчас заревешь, я спущу с тебя штаны и отшлепаю, — сказал он.

Корнелия соскочила с постели, натянула свои розовые штанишки и подошла к фабиану. она улыбалась сквозь слезы.

— Видишь, я уже реву, — прошептала она. — а теперь ты сдержи свое обещание. — и наклонилась над ним. он притянул ее к себе. — любимый, любимый мой, не надо огорчаться! — говорила она.

Глава двенадцатая **Изобретатель в шкафу** **Не работать — стыдно** **Мать на гастролях**

Когда на следующее утро фабиан пришел разбудить изобретателя, оказалось, что тот уже встал и, одетый, сидит за столом, занимаясь своими расчетами. — вы хорошо спали?

Старик, пребывавший в отличном настроении, потряс его руку.

— Идеальное ложе, — сказал он и погладил коричневую спинку дивана, словно то была лошадиная спина. — теперь мне, наверно, пора исчезнуть?

— Я хотел сделать вам одно предложение, — заговорил фабиан, — покуда я моюсь, хозяйка приносит мне в комнату завтрак, и вот тут-то вы не должны попасться ей на глаза, иначе не миновать скандала. Когда она уйдет, милости прошу обратно. И можете спокойно оставаться здесь еще несколько часов. Только мне придется вас покинуть, так как я должен искать работу.

— Пустяки, — сказал старик, — если вы разрешите, я пороюсь в ваших книгах. Но вот куда я денусь во время вашего мытья?

— Я думаю, в шкаф, — сказал Фабиан, — шкаф в качестве жилья до сих пор фигурировал только в комедиях о прелюбодеястве. Так давайте нарушим традицию, уважаемый друг! Вас устраивает мое предложение?

Изобретатель открыл шкаф, окинул его внутренность скептическим взглядом и спросил:

— И долго вы намерены мыться?

Фабиан его успокоил, отодвинул в сторону второй имевшийся у него костюм и предложил гостю войти. Старый господин накинул свою пелерину, надел шляпу, зажал под мышкой зонтик и забрался в шкаф, трещавший по всем швам.

— А что, если она меня здесь обнаружит?

— Тогда я первого числа съеду с квартиры. Старик оперся на зонтик, кивнул и сказал:

— Теперь ступайте в ванную!

Фабиан запер шкаф, осторожности ради взял с собой ключ и крикнул в коридор:

— Фрау Хольфельд, завтрак, пожалуйста!

Когда он пошел в ванную комнату, в ванне уже сидела, вся в мыльной пене, Корнелия и смеялась.

— Потри мне спину, — шепнула она, — а то у меня ужасно короткие руки.

— Чистота приносит радость, — заметил Фабиан, намыливая ей спину.

Она отплатила ему тем же. Под конец оба сидели в воде друг против друга и играли в «море волнуется».

— Кошмар, — сказал Фабиан, — в это время у меня в шкафу томится король изобретателей и ждет освобождения. Мне надо поторапливаться.

Они вылезли из ванны и растирали друг друга махровым полотенцем, покуда кожа не начала гореть.

— Вечером увидимся, — прошептала она.

Он целовал ее — прощался с ее глазами, с ее ртом и шеей, с каждой частью тела в отдельности. Потом они расстались. Он ринулся в свою комнату. Завтрак уже стоял на столе. Фабиан отпер шкаф. Старик вылез, ноги у него затекли, и он долго кашлял, как бы наверстывая упущенное.

— Теперь второй акт комедии, — объявил Фабиан, вышел в коридор, открыл входную дверь, снова ее захлопнул и воскликнул: — Как хорошо, дядя, что ты наконец вздумал меня навестить! Ну, проходи же! — С восторженным возгласом он препроводил воображаемого дядю в комнату и кивнул удивленному изобретателю. — Так, теперь вы здесь вполне официально. Садитесь же. У меня найдется вторая чашка.

— Конечно, я же ваш дядя.

— Родственные связи оказывают на хозяек болеутоляющее действие, — заметил Фабиан.

— Кофе очень недурной. Разрешите мне взять булочку? — Старик уже начал забывать свой шкаф. — Если бы надо мной не учредили опеку, я бы сделал вас. своим единственным наследником, многоуважаемый господин племянник! — сказал он и с благоговением принялся за еду.

— Ваше гипотетическое предложение делает мне честь, — ответил Фабиан. По настоянию новоиспеченного дяди, они чокнулись кофейными чашками и воскликнули:

— Ваше здоровье!

— Люблю жизнь, — признался старик и слегка смутился. — А особенно люблю ее с тех пор, как обеднел. Мне иногда от радости хочется зубами схватить солнечный свет или ветерок, веющий в парке. Знаете, отчего это происходит? Я часто думаю о смерти, а кто в наше время думает о смерти? Никто. Каждого она настигает внезапно, как железнодорожное крушение или другая непредусмотренная катастрофа. Видно, люди поглупели! Я думаю о смерти каждый день, ибо каждый день она может позвать меня. Думая о ней, я люблю жизнь. Жизнь — прекрасное изобретение, а в изобретениях я кое-что смыслю.

— А люди?

— Земной шар весь в парше, — проворчал старик.

— Любить жизнь и в то же время презирать людей — это редко кончается добром, — сказал Фабиан и поднялся. Оставив гостя допивать кофе, он попросил фрау Хольфельд не мешать его дяде и отправился на районную биржу труда.

Переговорив с тремя чиновниками, то есть через два часа, он понял, что попал не туда и что ему следует обратиться в западный филиал, специально занимающийся конторскими

служащими. Он доехал на автобусе до Виттенбергплатц и зашел в указанное учреждение. Сведения его оказались неверными.

Он угодил в толпу безработных медицинских сестер, воспитательниц детских садов, стенографисток и, как единственный здесь представитель мужского пола, привлек к себе всеобщее внимание.

Фабиан снова вышел на улицу и несколькими домами дальше обнаружил заведение, похожее на лавку Союза потребительских обществ, но теперь там помещался всего-навсего филиал биржи труда, в который ему и надлежало обратиться. За бывшим прилавком сидел чиновник, а перед ним длинной цепочкой стояли безработные, один за другим предъявлявшие свои регистрационные карточки, на которые он ставил контрольные отметки. Фабиан удивился, как тщательно были одеты эти безработные, кое-кого из них даже можно было назвать элегантным. На Курфюрстендамм они, несомненно, сошли бы за фланирующих бездельников. Похоже, что эти люди связывали утреннее хождение в регистрационный пункт с прогулкой по фешенебельным торговым улицам. Глазеть на витрины пока еще разрешается бесплатно, а кто же знает, не покупают они оттого, что не могут, или просто не хотят? Они носили свои выходные костюмы и были правы, ибо у кого еще есть столько выходных дней?

Серьезные и подтянутые, стояли они плечом к плечу и ждали, покуда им вернут их регистрационные карточки. Потом выскакивали на улицу, словно из зуболечебницы. Иногда чиновник вдруг раздражался бранью и откладывал карточку в сторону. Помощник относил ее в соседнюю комнату. Там восседал инспектор, он требовал к ответу нерегулярных посетителей контрольного пункта. Время от времени из дверей выходил человек, смахивающий на швейцара, и выкликал какое-то имя.

Фабиан читал висевшие на стенах объявления. Запрещено носить нарукавные повязки. Запрещено передавать другому лицу пересадочный трамвайный билет. Запрещено провоцировать политические дебаты, а также участвовать в таковых. Сообщается, где за тридцать пфеннигов можно получить питательный сытный обед. Что изменены контрольные дни для лиц, чьи фамилии начинаются с таких-то и таких-то букв. Сообщается, что для таких-то и таких-то профессий изменены адреса контор и время выдачи справок. Запрещено. Сообщается.

Заведение мало-помалу пустело. Фабиан положил перед чиновником свои бумаги. Тот сказал, что специалисты по рекламе обычно к ним не заглядывают, посоветовал Фабиану обратиться в контору, ведающую свободными профессиями, учеными и художниками, и дал ему адрес.

Фабиан на автобусе доехал до Александерплатц. Был уже полдень. В этой конторе он попал в весьма смешанное общество. Судя по объявлениям, сюда обращались главным образом врачи, юристы, инженеры, дипломированные агрономы и учителя музыки.

— Я получаю пособие по безработице, — сказал какой-то низкорослый человек, — двадцать четыре марки пятьдесят пфеннигов. На каждого члена моей семьи в неделю приходится две марки семьдесят два пфеннига, то есть тридцать восемь пфеннигов в день на человека. Во время хронического безделья я это подсчитал. Если так и дальше пойдет, я скоро займусь грабежом.

— Не очень-то это просто! — вздохнул его сосед, близорукий юноша. — Воровство тоже требует умения. Я целый год просидел в тюрьме. Сказать по правде, компания там не из приятных.

— Пока что мне на это наплевать, — взволнованно проговорил низкорослый. — Дети уходят в школу, а моя жена не может дать им с собой даже кусочка хлеба. Не в силах я больше на это смотреть.

— Как будто воровство имеет смысл! — сказал высокий, широкоплечий человек у окна. — Когда мелкому буржуа нечего жрать, он сразу превращается в люмпен-пролетария. Где же ваше классовое сознание, жалкий вы человек? Неужто вы до сих пор не поняли, где ваше место? Лучше помогите подготовить политическую революцию.

— До тех пор мои дети умрут с голоду.

— Если вас за воровство посадят в тюрьму, ваше благородное потомство сдохнет еще скорее, — отвечал человек у окна.

Близорукий юноша рассмеялся и, как бы извиняясь, пожал плечами.

— У меня башмаки вконец изодраны, — заявил низкорослый. — Если каждый раз сюда являться, их и на неделю не хватит, а за проезд мне платить нечем.

— Разве благотворительное общество не выдало вам сапог? — спросил близорукий.

— У меня такие чувствительные ноги! — пояснил низкорослый.

— Тогда повесьтесь, — предложил человек у окна.

— У него такая чувствительная шея! — сказал Фабиан.

Юноша высыпал на стол несколько монет и подсчитал свое достояние.

— Половина денег регулярно уходит на заявления. Почтовый сбор. Оплаченный ответ. За неделю я раз двадцать переписываю и заверяю всевозможные справки. Назад никто моих бумаг не присылает. Ответа я тоже ни разу не получил. Эти конторские крысы, наверно, пополняют свои коллекции моими марками, которые я посылаю им для ответа.

— Но власти делают все, что могут, — сказал человек у окна. — Помимо всего прочего, они организовали бесплатные чертежные курсы для безработных. Это же истинное благодеяние, господа. Во-первых, научишься рисовать яблоки и бифштексы, а во-вторых, от одного вида их ты уже будешь сыт. Художественное воспитание как средство насыщения.

Низкорослый, видимо начисто лишенный чувства юмора, удрученно проговорил:

— Мне это ни к чему. Я сам чертежник.

Через приемную прошел один из здешних служащих, и Фабиан, наученный горьким опытом, спросил, может ли он рассчитывать, что здесь добьется наконец толку. Тот потребовал удостоверение районной биржи труда.

— Вы еще не вставали на учет? Это вам надо сделать прежде всего.

— Значит, мне снова идти туда, откуда я пять часов назад начал свое турне?

Но служащего уже и след простыл.

— Обхождение здесь хоть и вежливое, — сказал юноша, — но никогда нельзя с уверенностью утверждать, что они дают правильные сведения.

Фабиан сел в автобус и поехал на биржу труда своего района. Он уже истратил на проезд целую марку и теперь от ярости даже не смотрел в окно.

Когда он добрался до места, биржа была уже закрыта.

— Покажите-ка мне ваши бумаги, — сказал швейцар, — может, я могу быть вам полезен.

Фабиан подал славному малому целую пачку бумаг.

— Ага, — сказал швейцар, обстоятельно прочитав их. — Вы же вовсе не безработный.

Фабиан сел на одну из бронзовых тумб, украшавших подъезд.

— У вас вроде как оплаченный отпуск до конца месяца. Вы ведь получили деньги от вашей фирмы?

Фабиан кивнул.

— Тогда приходите через две недели, — предложил швейцар. — А до тех пор попытайте счастья по объявлениям в газетах. Большого смысла в этом нет, но чем черт не шутит.

Фабиан пожелал себе счастливого пути, взял свои бумаги и отправился в Тиргартен съесть две-три булочки. Но потом скормил их лебедям, плававшим с птенцами в Новом озере.

Вернувшись под вечер домой, он застал там свою мать. Она сидела на диване. Отложив в сторону нитки, мать сказала:

— Ты меня не ждал, мой мальчик? Они обнялись, и она продолжала:

— Мне необходимо было посмотреть, как ты живешь. Отец это время присмотрит за лавкой. Я очень беспокоилась о тебе. Ты перестал отвечать на мои письма. Не писал уже десять дней. Я себе места не находила, Якоб.

Он сел рядом с матерью, гладил ее руки, уверял, что ему живется хорошо. Она придирчиво его рассматривала.

— Может, я некстати явилась? Он покачал головой. Она встала.

— Белье я положила в шкаф. Твоя хозяйка могла бы здесь прибраться. Или ей это все еще не подобает? Угадай, что я привезла? — Мать открыла лубяную корзину и выложила на стол пакеты. — Фунт кровяной колбасы, — сказала она, — с Брейтенштрассе, ты знаешь. Холодный шницель. Будь у тебя кухня, я бы его разогрела. Ветчинный жир. Полбатона салами. Тетя Марта шлет тебе привет. Я вчера была у нее в саду. Несколько кусочков мыла из нашей лавки. Ах, если бы дела шли хоть чуточку получше. Похоже, что люди перестали мыться. А вот галстук. Нравится он тебе?

— Ты слишком добра, — сказал Фабиан. — Ну, зачем ты тратишь на меня столько денег?

— Чепуха какая! — ответила мать и сложила все съестное на тарелку. — Хорошо бы эта важная дама, твоя хозяйка, вскипятила нам немножко чаю. Я уж ей намекнула. Завтра вечером я уеду. Я приехала с пассажирским поездом. Время пролетело незаметно. В нашем купе ехал ребенок. Мы столько смеялись! А как твое сердце? Ты слишком много куришь! Всюду валяются коробки от сигарет.

Фабиан смотрел на мать. От волнения и растроганности она вела себя, как жандарм во время обыска.

— Я только вчера вспоминал, — сказал он, — как жил в интернате, а ты хворала, и я по вечерам удирал, чтобы посмотреть, как ты там. Один раз, я это ясно помню, ты двигала перед собою стул и опиралась на него, иначе ты не могла бы мне открыть.

— Ты много натерпелся со своей матерью, — сказала она. — Надо бы нам почаще видеться. А как дела на фабрике?

— Я придумал для них один конкурс. На нем они могут заработать четверть миллиона.

— За двести семьдесят марок в месяц! Вот разбойники! — возмутилась мать.

В дверь постучали. Фрау Хольфельд принесла чай, поставила поднос на стол и сказала:

— Опять пришел ваш дядя.

— Твой дядя? — изумилась мать.

— Я вот тоже удивляюсь, — поспешила сказать хозяйка.

— Надеюсь, это не пошло вам во вред, фрау Хольфельд, — ответил Фабиан, и обиженная дама удалилась.

Фабиан ввел изобретателя в комнату и сказал:

— Мама, это мой старый друг. Он вчера ночевал у меня на диване, и я назвал его дядей, чтобы поменьше было разговоров. — И повернувшись к изобретателю: — Это моя мать, милый дядя, лучшая женщина двадцатого столетия. Садитесь, пожалуйста. С диваном сегодня, конечно, ничего не выйдет. Но я приглашаю вас на завтра, если это вас устраивает.

Старик сел, откашлялся, напялил на ручку зонта свою шляпу и сунул в руку Фабиану конверт.

— Спрячьте это поскорее, — попросил он, — это моя машина. За мной следят. Моя семья хочет снова упрятать меня в сумасшедший дом. Они, верно, надеются заодно зацапать мои записи и превратить их в деньги.

Фабиан спрятал конверт.

— Вас хотят посадить в сумасшедший дом?

— И я ничего не имею против. Там можно отдохнуть. Великолепный парк. Главный врач — вполне сносный малый, сам немножко тронутый и отлично играет в шахматы. Я уже два раза там был. Если мне станет уж совсем неважно, я опять удеру. Извините меня, сударыня, — обратился он к матери, — я причиняю вам столько хлопот. Не пугайтесь, когда за мной придут. Они сейчас позвонят. Тут уж ничего не поделаешь. Мои бумаги надежно спрятаны. Я ведь не сумасшедший, а для своих дражайших родственников я даже слишком разумен. Друг мой, черкните мне несколько строк в Бергендорф, в лечебницу.

Раздался звонок.

— Это они, — воскликнул старик. Фрау Хольфельд впустила двух мужчин.

— Прошу простить за беспокойство, — сказал один и поклонился. — Мои полномочия,

в которых вы легко можете убедиться, вынуждают меня изъять господина профессора Кольрепа из вашего общества. Внизу нас ждет машина.

— К чему столько церемоний, господин санитарный советник? Что-то вы похудели. Я еще вчера заметил, что вы напали на мой след. А, Винклер, добрый день. Что ж, полезем опять в вашу машину. Как поживает мое любезное семейство?

Врач пожал плечами.

Старик подошел к шкафу, открыл его, заглянул внутрь и снова прикрыл дверцу. Потом пожал руку Фабиану.

— Я вам очень благодарен. — Уже в дверях он обернулся к фрау Фабиан: — У вас замечательный сын, не каждый может этим похвастаться. — И вышел из комнаты.

Врач и санитар последовали за ним. Фабиан с матерью выглянули в окно. Перед домом стояла машина. Из подъезда вышли трое. Шофер помог старому изобретателю надеть пыльник, а пелерину бросил на сиденье.

— Забавный человек, — сказала мать, — но он вовсе не сумасшедший.

Машина тронулась.

— А зачем, собственно, он заглядывал в шкаф?

— Я сегодня утром запер его в шкаф, чтобы хозяйка не заметила, — объяснил сын.

Мать налила себе чаю.

— Все-таки с твоей стороны это легкомыслие — пускать к себе ночевать совершенно незнакомого человека. Мало ли что может случиться. Надеюсь, он хоть не испачкал твои вещи в шкафу?

Фабиан написал на конверте адрес психиатрической лечебницы и сунул его в ящик. Потом тоже сел за стол.

После ужина он сказал:

— Давай, мама, пойдем в кино.

Покуда мать одевалась, он зашел к Корнелию и сообщил ей, что к нему приехала мать. Корнелия, очень усталая, уже лежала в постели.

— Я посплю до твоего возвращения из кино, — сказала она. — А ты заглянешь ко мне еще разок?

Он обещал заглянуть.

Звуковой фильм, который смотрели Фабиан с матерью, оказался глупейшей театральной пьесой, действие ее происходило в двух измерениях, не говоря уже о том, что роскошь, в ней демонстрировавшаяся, была поистине невообразима. Казалось даже, хотя приличия ради ничего похожего показано не было, что под кроватями непременно должны стоять ночные горшки из чистого золота. От радости, что мать то и дело заливается смехом, Фабиан и сам стал смеяться.

Домой они шли пешком. Мать была в восторге.

— Если бы я прежде была такой здоровой, как сейчас, тебе жилось бы много лучше, сынок, — сказала она немного погодя.

— Мне и так жилось неплохо, — отвечал Фабиан, — к тому же все это уже позади.

Дома они немного поспорили о том, кому ложиться на кровать, а кому на диван. Верх наконец взял Фабиан. Мать ему постелила на диване. Он сказал, что должен на минутку зайти в соседнюю комнату.

— Там живет одна молодая женщина, с которой я очень дружен. — На всякий случай он простился с матерью, поцеловал ее и тихонько открыл дверь.

Через минуту он вернулся.

— Она уже спит, — прошептал Фабиан, ложась на диван.

— Раньше такого быть не могло, — заметила фрау Фабиан.

— Ее мать говорила то же самое, — ответил он и повернулся к стене.

Вдруг, уже совсем сонный, он встал, прошел Через темную комнату, склонился над кроватью, и как в детстве, сказал:

— Спокойной ночи, мамочка.

— Спокойной ночи, — пробормотала она, открывая глаза.
Он этого не видал. и в темноте, ощупью побрел к дивану.

Глава тринадцатая **Универсальный магазин и артур шопенгауэр** **Бордель наоборот** **Две двадцатимарковые бумажки**

На следующее утро фабиана разбудила мать.

— Вставай, яacob! опоздаешь на работу!

Он быстро оделся, стоя выпил кофе и стал прощаться.

— А я пока наведу тут порядок. комната вся в пыли. и на пальто у тебя вешалка оборвалась. ты иди без пальто. сегодня на улице теплынь.

Фабиан прислонился к двери и наблюдал за матерью. чем-то домашним, уютным веяло от ее усердия, коренившегося в постоянной нервозности и любви к порядку. комната, казалось, была полна ею, и это напоминало ему родной дом.

— Неужели ты не можешь хоть пять минут посидеть спокойно, ничего не делая? — поинтересовался он. — жаль, что у меня сейчас нет времени, мы с тобой могли бы пойти в тиргартен, или в аквариум, или просто посидеть здесь, и ты бы мне рассказала, какой я был смешной в детстве. как я исцарапал булавкой спинку кровати, а потом за руку привел тебя полюбоваться замечательной картиной. или как подарил тебе ко дню рождения черные и белые нитки, дюжину иголок и кнопки.

— И еще коробочку булавок и несколько мотков черного и белого шелка. я это как сейчас помню, — сказала мать и одернула на нем пиджак. — твой костюм надо бы отутюжить.

— И надо бы мне обзавестись женой и семьей забавными малышами, — добавил он в мудром предвидении.

— Немедленно ступай на работу! — мать подбоченилась. — работать — полезно для здоровья. кстати, я вечером зайду за тобой. подожду тебя у выхода. и ты проводишь меня на вокзал.

— Как жаль, что ты пробыла здесь только один день. — он опять вернулся.

Мать на него не смотрела. она убирала постель.

— Я больше не могла без тебя, — пробормотала она, — но теперь у меня отлегло от сердца, беда только, что ты мало спишь. и не относишься к жизни так серьезно, сынок, она от этого легче не станет.

— Ну, теперь мне пора, а то и вправду опоздаю, — сказал он.

Она смотрела из окна ему вслед и кивала головой. он помахал ей, улыбнулся и пошел быстрее, куда мать могла его видеть. потом сбавил скорость и наконец остановился. нехорошо играть в прятки со старой женщиной! он убежал от нее, хотя делать ему нечего. оставил ее там совсем одну, в чужой безобразной комнате, хотя знал, что за каждый час, проведенный с ним, она готова отдать год жизни. вечером она хочет зайти за ним на работу. придется разыгрывать комедию. она не должна знать, что он уволен. костюм, который он носил, был единственный, купленный им самим за тридцать два года. из-за сына она всю жизнь работала, не разгибаясь, и сэкономила каждый грош. когда же этому придет конец?

Начался дождь, и фабиан зашел в универсальный магазин. универсальные магазины, хотя и не для того они существуют, отлично служат для развлечения людей, у которых нет ни зонтика, ни гроша за душой. фабиан подивился, как искусно одна продавщица играет на рояле. из продуктового отдела его прогнал запах рыбы, которого он не выносил с детства, а возможно еще по воспоминаниям эмбриональной поры. в мебельном отделе один молодой человек во что бы то ни стало хотел продать ему громадный платяной шкаф. «очень недорого, такой случай вряд ли повторится». фабиан не воспользовался столь счастливой возможностью и отправился в книжный отдел. за прилавком с антикварными книгами он

напал на однотомник шопенгауэра, полистал его и уже не мог оторваться. предложение этого озлобленного дядюшки человечества — облагородить европу с помощью индийского врачевания — было, разумеется, сумасбродной идеей, как, впрочем, и все позитивные предложения, независимо от того, исходили они от философов девятнадцатого столетия или теоретиков-экономистов двадцатого. и все-таки старик неподражаем! фабиан отыскал типологическое толкование и прочел: «это противопоставление платон выражает словами ээклплж и дэукплж (*Здесь — оптимист и пессимист (греч.)*). Ими же можно классифицировать и различное восприятие различными людьми приятного и неприятного, вследствие чего один только смеется над тем, что другого чуть ли не повергает в отчаяние, и к тому же, чем слабее восприимчивость к приятному, тем сильнее к неприятному, и наоборот. представим себе одинаковую возможность счастливого и несчастного исхода одного и того же дела. дэукплж при несчастливом исходе будет негодовать и огорчаться, но не будет радоваться при счастливом; ээклплж, наоборот, не будет негодовать или огорчаться при несчастливом исходе, но зато будет радоваться счастливому. если из десяти замыслов дэукплж удадутся девять, он не станет радоваться, а будет сердиться из-за неудачи десятого, и наоборот ээклплж в случае удачи лишь одного из десяти замыслов будет утешать и подбадривать себя.

Но поскольку зло лишь редко встречается в ничем не компенсированном виде, то и здесь дэукплж — мрачные и боязливые люди — чаще переносят всевозможные беды, чем люди жизнерадостные и беззаботные, хотя подчас эти беды только воображаемые, менее реальные. ибо тот, кто все видит в черном свете и, опасаясь наихудшего, заблаговременно принимает меры предосторожности, реже попадает впросак, чем тот, кто на все смотрит сквозь розовые очки».

— Что бы вы хотели купить? — спросила фабиана старообразная девица.

— Есть у вас бумажные носки? — поинтересовался он.

Старообразная девица смерила его негодующим взглядом и ответила:

— Первый этаж.

Фабиан положил книгу на прилавок и спустился на один пролет. прав ли шопенгауэр, когда он, именно он, на равных основаниях, противопоставляет две эти породы людей? разве он не утверждал в своей психологии: ощущение удовольствия есть не что иное, как минимум неудовольствия? разве этой фразой не возводил в абсолюте заведомо ложное восприятие дэукплж? в отделе фарфора и художественной керамики толпился народ. фабиан подошел ближе. покупатели, продавщицы и зеваки обступили зареванную девочку лет десяти, бедно одетую, со школьным ранцем за плечами. девочка дрожала всем телом, в ужасе глядя на сердитые, взволнованные лица взрослых. пришел шеф отдела.

— Что случилось?

— Я поймала эту девчонку! она украла пепельницу! — объяснила какая-то старая дева. — вот! — она высоко подняла маленькую пеструю мисочку и показала шефу.

— Марш к директору! — скомандовал человек в визитке.

— Ну и детки нынче пошли, — вздохнула некая расфуфыренная гусыня.

— Марш к директору! — крикнула одна из продавщиц и схватила малышку за плечи. девочка плакала навзрыд.

Фабиан протиснулся сквозь толпу.

— Немедленно отпустите ребенка!

— Позвольте, — сказал заведующий.

— Вы-то чего суетесь? — крикнул кто-то. фабиан хлопнул продавщицу по руке так, что она отпустила девочку, и привлек малышку к себе.

— Почему ты выбрала именно пепельницу? — спросил он. — ты что, уже куришь?

— У меня не было денег, — сквозь слезы ответила девочка, поднимаясь на цыпочки. — а у папы сегодня день рождения.

— Воровать — потому что нет денег! час от часу не легче! — заметила расфуфыренная гусыня.

— Выпишите нам чек, — сказал фабиан продавщице. — мы берем эту пепельницу.

— Но девчонку надо наказать! — решительно заявил шеф.

Фабиан подошел к нему.

— Если мое предложение вас не устраивает, я вам весь фарфор перебью!

Тот пожал плечами, продавщица выписала чек и передала пепельницу на контроль. фабиан пошел в кассу, уплатил деньги и получил сверточек. потом проводил девочку к выходу.

— Вот тебе твоя пепельница, — сказал он, — только смотри не разбей. жил когда-то маленький мальчик, он купил большой глиняный горшок, чтобы подарить матери в сочельник. когда пришло время, мальчик взял в руки горшок и бросился к полуоткрытой двери. елка уже сияла огнями. «вот, мама, тебе...» — начал он, а хотел сказать: «вот, мама, тебе горшок!» но раздался звон: горшок разбился о дверь. «вот, мама, тебе ручка...» — сказал мальчик, ведь в руках у него осталась только ручка.

Девочка, крепко держа свой сверточек, сказала:

— У моей пепельницы нет ручки, — сделала книксен и убежала. потом еще раз обернулась, крикнула: — большое спасибо! — и скрылась.

Фабиан вышел на улицу. дождь прекратился. он стоял на краю тротуара и смотрел на проезжавшие машины. одна из них остановилась. старая дама, увешанная пакетами, тяжело поднялась с сиденья, собираясь выйти. фабиан открыл дверцу, помог даме, вежливо приподнял шляпу и отошел в сторону.

— Возьмите! — сказал голос рядом с ним. голос принадлежал старой даме. она вложила что-то ему в руку, кивнула и вошла в магазин. фабиан разжал руку. на его ладони лежала десятипфенниговая монетка. он нечаянно заработал десять пфеннигов. неужто он похож на нищего?

Фабиан спрятал монету в карман, с упрямым видом подошел к краю тротуара и открыл дверцу второй машины.

— Возьмите! — опять сказал кто-то, и в руке у него очутились десять пфеннигов.

Кажется, это становится моей профессией, — подумал фабиан; минут через пятнадцать он уже заработал шестьдесят пять пфеннигов. вот если сейчас мимо пройдет лабуде и увидит расторопного швейцара с историко-литературным образованием! но эта мысль его не испугала. лишь бы не встретиться с матерью и с корнелией, конечно.

— Вы просите милостыню? — спросила какая-то женщина и дала ему довольно крупную монету. эта была фрау ирена молль. — я давно за тобой наблюдаю, мой мальчик, — сказала она, злорадно улыбаясь. — мы встречаемся на каждом шагу. тебе очень туго приходится? ты поступил опрометчиво, отклонив предложение моего мужа. и ключ мог бы у себя оставить. я все ждала, надеялась увидеть тебя в своей постели. твоя воздержанность меня волнует. помоги мне донести эти пакеты. на чай ты уже получил.

Она нагрозила на него свои покупки, и он молча последовал за нею.

— Что я могу для тебя сделать? — спросила она задумчиво. — ты потерял место, да? я не злопамятна. на молля, увы, больше рассчитывать не приходится. он удрал во францию или куда-то еще. у нас теперь расквартирована криминальная полиция. молль в своей нотариальной конторе присваивал доверенные ему деньги. уже годами. никогда бы я этого не подумала. мы его явно недооценивали.

— На что же вы живете? — осведомился фабиан.

— Я открыла пансион. большие квартиры теперь дешевы. мебель мне подарил мой старый знакомый, то есть знакомство-то у нас новое, а сам он старый. в моем пансионе ему принадлежат только несколько глазков в дверях.

— Кто же, спрашивается, живет в этом просматриваемом пансионе?

— Молодые люди, сударь. квартира и стол бесплатно. кроме того тридцать процентов дохода.

— Какого дохода?

— Мой союз нехристианских молодых людей пользуется огромным успехом у дам

высшего общества. дамы не всегда красивые и стройные. никто уже не верит, что когда-то они были молоды. но у них есть деньги. они платят, сколько бы я с них ни потребовала, и являются, даже если надо для этого ограбить или убить своих достопочтенных супругов. мои постояльцы хорошо зарабатывают. торговец мебелью подсматривает в глазки. дамы удовлетворяют свои страсти. троих молодых людей они у меня уже перекупили. теперь у этих голубчиков немалые доходы, собственные квартиры и подружки где-нибудь неподалеку, тайные, разумеется. одного из них, венгра, приобрела супруга крупного промышленника. он живет как принц. и если он не дурак, то за год сколотит себе состояние, и тогда пошлет к черту эту старую галошу.

— Итак, мужской бордель, — сказал фабиан.

— В наше время такое заведение жизнеспособнее обыкновенного публичного дома, — пояснила ирена молль. — вдобавок, я с юных лет мечтала стать хозяйкой такого заведения. я очень довольна. у меня есть деньги, я почти каждый день ангажирую для своего предприятия новые силы. каждый, кто добивается места в пансионе, должен сдать мне своего рода вступительный экзамен. я не всякого беру! истинные таланты попадаются редко. природные способности — чаще. я собираюсь организовать подготовительные курсы.

Она остановилась.

— Вот мы и пришли.

Пансион помещался в элегантном доходном доме.

— Я хочу сделать тебе одно предложение. в пансионеры ты, мой милый, конечно, не годишься. слишком уж ты разборчив, да и староват для этой специальности. моя клиентура предпочитает двадцатилетних. кроме того, ты страдаешь ложной гордостью. я могла бы использовать тебя в качестве секретаря. мне необходимо будет мало-помалу наладить бухгалтерию. работать ты можешь в моих комнатах и жить тоже. как ты на это смотришь?

— Вот ваши покупки, — сказал фабиан. — боюсь, что меня сейчас стошнит.

В эту минуту из дома вышли двое молоденьких парней, оба шикарно одетые. увидев фрау молль, они затоптались на месте и сняли шляпы.

— Гастон, разве у тебя сегодня выходной? — спросила она.

— Маки просил меня взглянуть на машину, которую ему обещала номер семь. через двадцать минут я вернусь.

— Гастон, немедленно ступай в свою комнату. что это еще за новости? маки пойдет один. марш! в три часа явится номер двенадцать. тебе надо успеть выспаться. иди!

Молодой человек вошел обратно в дом. другой, еще раз приподняв шляпу, продолжил свой путь. фрау молль обратилась к фабиану:

— Ты опять упрямисься? — она забрала у него пакеты. — даю тебе неделю на размышления. адрес ты теперь знаешь. подумай как следует. подыхать с голоду или нет — дело вкуса. кроме того, ты сделал бы мне личное одолжение. да-да. чем больше ты артачишься, тем сильнее меня волнует эта идея. однако можешь не спешить, я ведь все равно времени даром не теряю.

Она вошла в подъезд.

— Это граничит с неизбежностью, — уходя, пробормотал фабиан.

Он зашел в пивную, съел горячую сардельку с картофельным салатом и выписал из висевших там газет объявления о вакантных должностях. затем купил в захудалой лавчонке карандаш, бумагу и написал четыре заявления с просьбой о принятии на работу. опустив их в почтовый ящик, он решил, что пора идти на фабрику сигарет, и, усталый, побрел туда.

— Вы снова к нам! — воскликнул швейцар.

— Я договорился здесь встретиться с матерью, — объяснил фабиан.

Швейцар прищурил глаза.

— Можете на меня положиться.

Фабиану было больно, оттого что швейцар догадался, какую комедию он разыгрывает перед матерью. он быстро вошел в административное здание, уселся в оконной нише и каждые пять минут смотрел на часы. услышав чьи-нибудь шаги, он по мере сил вжимался в

оконную раму. через десять минут рабочий день закончился. служащие спешили уйти. его никто не замечал. он уже хотел выбраться из своего укрытия, как опять услышал приближающиеся шаги и голоса.

— Дорогой фишер, завтра на заседании дирекции я буду докладывать о конкурсе, который вы тут подготовили, — произнес чей-то голос. — предложение весьма интересное. надо, чтобы они научились вас ценить.

— Вы очень добры, господин директор, — отвечал другой голос. — собственно говоря, этот проект достался мне в наследство от доктора фабиана.

— Наследственное имущество ничем не хуже любой другой собственности, господин фишер. — тон директора стал недружелюбным. — вам неприятно мое предложение? вы, значит, против прибавки к жалованью? ну что ж! проект ведь еще нуждается в кое-каких исправлениях. сейчас я продиктую машинистке доклад на основании ваших материалов. поверьте мне, он произведет фурор, наш конкурс. вам хорошо, вы можете идти домой.

— «Только мастер вечно занят», как сказал шиллер, — произнес фишер.

Фабиан вышел из оконной ниши. фишер в испуге отскочил назад. директор брейткопф освободил узел галстука.

— Я удивлен меньше, чем вы, — сказал фабиан и пошел к лестнице.

— А вот и он, — воскликнул швейцар, беседовавший с матерью фабиана.

Ее чемодан стоял в сторонке. на нем лежала дорожная сумка, дамская сумочка и зонтик. она обрадованно кивнула сыну и спросила:

— Ну, как, славно поработал?

Швейцар добродушно усмехнулся и скрылся в своем чулане.

Фабиан подал матери руку.

— У нас есть еще полчаса, — сказал он и взял ее вещи.

Положив вещи на угловое место в середине поезда (фрау фабиан полагала, что это уменьшает вероятность гибели от возможного крушения), они стали прогуливаться взад и вперед по перрону.

— Не надо отходить так далеко. — она удержала сына за рукав. — еще чемодан украдут. не успеешь оглянуться, его уж и след простыл.

В результате фабиан проникся еще большей подозрительностью, чем мать, и то и дело смотрел в окно на багажную сетку.

— Мне уже можно ехать, — вдруг сказала мать, — вешалку к пальто я пришила. комната твоя опять приобрела человеческий вид. фрау хольфельд считает себя обиженной. но ты не обращай внимания.

Фабиан бросился к передвижному буфету и принес матери бутерброд с ветчиной, кекс и два апельсина.

— Что за безрассудство, сынок! — сказала она. он засмеялся, вошел в купе, незаметно сунул в ее

Сумочку двадцатимарковую бумажку и снова вышел на перрон.

— Когда же ты наконец приедешь домой? — спросила мать. — я буду готовить все твои любимые кушанья, каждый день другое, мы будем ходить в сад к тете марте. в магазине делать почти нечего.

— Я приеду, как только смогу, — заверил он. уже стоя у окна купе, она сказала:

— Будь здоров, Jakob. и если дела у тебя не пойдут, собери свои пожитки и приезжай домой.

Фабиан кивнул. они смотрели друг на друга и улыбались, как положено улыбаться на перроне или у фотографа, только вот фотографа нигде не было видно.

— Счастливого, счастливого тебе пути, — прошептал он, — как хорошо, что ты была здесь!

На столе стояли цветы. рядом лежал конверт. фабиан вскрыл его. оттуда выпала двадцатимарковая бумажка и записка. «пусть мало, но зато с любовью, *Твоя мама* ». В

нижнем углу было еще приписано: «съешь сначала шницель. колбаса в пергаменте может лежать дольше».

Он спрятал деньги. теперь мать уже едет в поезде и скоро обнаружит те двадцать марок, которые он положил в ее сумочку. с математической точки зрения, результат равен нулю. каждый оставался при своих. но добрые дела нельзя аннулировать. моральные уравнения решаются иначе, чем арифметические.

В тот же вечер корнелия попросила у него сто марок. в коридоре киноконцерна она встретила с макартом. он зашел в здание конкурирующей фирмы для переговоров о прокате и заговорил с корнелией. она как раз тот тип женщины, который он давно ищет, для следующей картины его фирмы, разумеется. завтра, во второй половине дня, пусть зайдет к нему в контору. директор картины и режиссер тоже будут там. может, они ее попробуют.

— Мне необходимо завтра иметь новый джемпер и шляпу. я знаю, фабиан, у тебя почти не осталось денег. но не могу же я упустить такой шанс! ты только подумай, вдруг я стану киноактрисой! можешь себе представить?

— Почему бы нет? — сказал он и отдал ей последние сто марок. — надеюсь, они принесут тебе счастье.

— Мне? — спросила она.

— Нам, — поправился он ей в угоду.

Глава четырнадцатая **Путь без дверей** **Язык фрейлейн зелов** **Лестница с карманными воришками**

Этой ночью фабиану приснился сон. вероятно, он видел сны чаще, чем ему казалось. но в эту ночь его разбудила корнелия, и он вспомнил свой сон. кто мог бы разбудить его еще совсем недавно? кто стал бы трясти его за плечо среди ночи? а теперь он спит рядом с корнелией? он спал со многими женщинами и девушками, что правда, то правда, но рядом с ними?..

Во сне он шел по бесконечной улице. дома, без окон и дверей, казалось, уходили в небо, чужое и далекое, словно над глубоким колодезем. фабиан, смертельно усталый, страдал от голода и жажды. он видел — улица не кончается, он шел и хотел дойти до конца.

— Это не имеет смысла, — сказал вдруг чей-то голос.

Фабиан оглянулся. За его спиной стоял старый изобретатель в выцветшей пелерине, с неаккуратно сложенным зонтом, в жесткой посеревшей шляпе.

— Добрый день, милый профессор, — воскликнул Фабиан. — Я думал, вы в сумасшедшем доме.

— Да вот же он, — сказал старик и ткнул зонтиком в какое-то здание. Раздался жестяной звук. И раскрылись ворота, которых не было.

— Мое последнее изобретение, — сказал старик. — Разрешите мне, дорогой племянник, пройти вперед, я здесь хозяин.

Фабиан последовал за ним. В швейцарской на корточках сидел директор Брейткопф и, держась за живот, стонал:

— Я сейчас рожу! Секретарша опять не предохранялась! — Потом он трижды ударил себя по лысине, это прозвучало, как удары гонга.

Профессор засунул глубоко в глотку Брейткопфа свой неаккуратно сложенный зонт и раскрыл его. Лицо Брейткопфа лопнуло, как воздушный шарик.

— Покорно благодарю! — произнес Фабиан.

— Не за что, — отвечал изобретатель. — Вы мою машину уже видели? — Он взял Фабиана за руку и по коридору, залитому голубоватым неоновым светом, вывел на вольный воздух.

Машина, огромная, как Кельнский собор, высилась перед ними. Около нее стояли

полуголые рабочие с лопатами в руках и швыряли сотни тысяч маленьких детей в гигантский котел, в котором полыхало красное пламя.

— Давайте посмотрим с другой стороны, — сказал изобретатель. На ленте транспортера они проехали через серый двор. — Вот. — Старик пальцем указал вверх.

Фабиан поднял глаза. Мощные, раскаленные бессемеровские конвертеры опускались, автоматически опрокидывались и вытряхивали свое содержимое на горизонтальное зеркало. Содержимое это было живое. Мужчины и женщины падали на сверкающее стекло, сразу же вскакивали и как зачарованные смотрели на свое близкое, но недоступное отражение. Некоторые кивали своим отражениям, как знакомым. Кто-то достал из кармана пистолет и выстрелил. Хотя он точно взял на мушку сердце своего отражения, но попал в собственный большой палец на ноге, и лицо его исказилось. Другой крутился на одном месте. Очевидно, хотел стать спиной к отражению, но тщетно.

— Сто тысяч в день! — провозгласил изобретатель. — К тому же я сократил рабочий день и ввел пятидневную неделю.

— И все сумасшедшие? — спросил Фабиан.

— Это вопрос терминологии, — отвечал профессор. — Минуточку, отказало сцепление. — Он подошел к машине и зонтиком поковырял в каком-то отверстии. Вдруг зонтик исчез, потом исчезла пелерина, она потянула за собой старика, он тоже исчез. Машина проглотила своего изобретателя.

На ленте транспортера Фабиан пересек серый двор в обратном направлении.

— Случилось несчастье! — крикнул он одному из полуголых рабочих.

Тут из котла выпал ребенок. На нем были роговые очки, в ручонке он держал неаккуратно сложенный зонт. Рабочий сгреб младенца лопатой и бросил обратно в раскаленный котел. Фабиан опять проехал по двору и под качающимися бессемеровскими конвертерами стал ждать, когда, обновленным, появится его старый друг.

Ждал он напрасно. Вместо старика из огромной опрокидной бадьи выпал он сам, второй Фабиан, но в пелерине, в шляпе и с зонтом. Он встал с другими и, подобно им, впился взглядом в свое отражение. Оно, головой вниз, висело у самых его подошв, третий Фабиан из зеркала смотрел вверх, прямо в лицо второму. Второй большим пальцем указал на машину позади себя и проговорил:

— Механическое переселение душ. Патент Кольрепа. — Потом он приблизился к стоявшему на дворе настоящему Фабиану и вошел в него, как рука в перчатку.

— Вот это да, — заметил Фабиан, отобрал у незримо переполнявшего его машинного человека зонтик, opravил пелерину и опять стал единственным экземпляром самого себя.

Он посмотрел в сверкающее зеркало. Вдруг люди стали погружаться в него, как в прозрачное болото. Они широко раскрывали рот, словно крича от стр'аха, но слышно ничего не было. Наконец они скрылись под зеркальной поверхностью. Их отражения, точно рыбы, плавали головой вперед, потом начали уменьшаться — и совсем исчезли. Теперь внизу стояли настоящие люди, но, казалось, застывшие в янтаре. Фабиан подошел как можно ближе. То, что он видел, уже не было отражением. Над затонувшим миром лежала просто стеклянная плита, а люди продолжали жить. Фабиан встал на колени и глянул вниз.

Жирные голые женщины, — тела их были изборождены морщинами, — сидели за столиками и пили чай. На них были ажурные чулки и шляпки с плетеными тульями, сверкающие серьги, браслеты. Какая-то старуха продела себе в нос золотое кольцо. За другими столами сидели толстые мужчины, полуголые, волосатые, как гориллы, в цилиндрах, некоторые в лиловых подштанниках, и все с большими сигарами в толстогубых ртах. Мужчины и женщины не сводили глаз с занавеса. Он отодвинулся в сторону, и молодые размалеванные парни в облегающих трико, точно жеманные манекенщики, горделиво прошествовали по высокому помосту. Вслед за юношами появились девушки, тоже в трико, они неестественно улыбались, усиленно выставляя напоказ свои округлости. Кое-кого из них Фабиан узнал. Кульп, скульпторшу, Зелов. Паула из заведения Хаупта тоже была здесь.

Старые женщины и мужчины поднесли к глазам бинокли, вскочили и, спотыкаясь о

столы и стулья, бросились к помосту, они колошматили друг друга, чтобы прорваться вперед, и ржали, как похотливые жеребцы. Толстые, увешанные украшениями бабы срывали с помоста молоденьких парней, воя бросали их на землю, с мольбой падали на колени, растопыривали жирные ноги, выдирали бриллианты из ушей, сдергивали с себя браслеты и кольца, протягивая их ухмыляющимся распутникам. Старики своими обезьяньими лапами хватили девушек и юношей; сине-красные от возбуждения, они обнимали первого или первую попавшуюся. Подштанники, взбухшие вены, резинки от носков, изодранные цветные трико, жирные морщинистые тела, искаженные лица, накрашенные ослабившиеся рты, стройные загорелые руки, судорожно сжатые ноги — все это устилало землю, словно живой персидский ковер.

— Твоя Корнелия тоже здесь, — сказала фрау Ирена Молль.

Она сидела рядом с ним и лакобилась маленькими мужчинами из большого кулька. Сперва она срывала с них одежду. Казалось, разворачивала завернутые в бумагу шоколадки. Фабиан искал глазами Корнелию. В то время как другие, свиваясь в гигантский клубок, елозили по земле, она стояла на помосте, отбиваясь от толстого наглого мужчины, который одной рукой открывал ей рот, а другой пытался засунуть в него свою сигару огоньком вперед.

— Спротивляться ему бесполезно, — сказала фрау Молль, шаря в своем кулке. — Это Макарт, кинопромышленник. Денег у него куры не клюют. Его жена отравилась.

Корнелия пошатнулась и вместе с Макартом рухнула вниз, в самую гущу.

— Так прыгни же за ней, — сказала фрау Молль. — А-а, ты боишься разбить стекло, которое тебя от них отделяет. Ведь мир для тебя — витрина.

Корнелии Фабиан уже не видел, но зато увидел Вильгельми, кандидата в покойники. Он был голый, вместо левой ноги — протез. Он стоял на кровати под балдахином и, словно на водных лыжах, ехал по барахтающимся телам. Размахивая костылем, он бил уцепившуюся за кровать Кульп по голове и по рукам, покуда та, истекая кровью, не разжала руки и не пошла ко дну.

Вильгельми прикрепил к костылю шнурок, к концу шнурка привязал кредитный билет и забросил эту удочку. Люди под ним выпрыгивали, как рыбы из воды, хватили банкноту, падали в изнеможении и снова выскакивали наверх. Ага! Какая-то заглотнула кредитку. Это была Зелов. Она отчаянно вопила. Крючок вонзился ей в язык. Вильгельми дернул шнурок, и Зелов с искаженным лицом подтянуло к кровати. Но следом вынырнула скульпторша, обхватила подругу обеими руками и рванула назад. Язык вывалился изо рта Зелов. Вильгельми и скульпторша пытались перетянуть девушку каждый на свою сторону. Язык у нее становился все длиннее, он был уже длинным, как красная резиновая лента, и натянулся так, что казалось, вот-вот оборвется. Вильгельми жадно ловил ртом воздух и смеялся.

— Изумительно! — воскликнула фрау Ирена Молль. — Это похоже на перетягивание каната. Да, мы живем в эпоху спорта. — Она скомкала пустой кулек. — А сейчас я съем тебя. — И сорвала с него пелерину. Пальцы ее задвигались и, как ножницы, врезались в костюм Фабиана. Ручкой зонтика он хватил ее по голове. Она пошатнулась и выпустила его. — Ведь я люблю тебя, — прошептала она и расплакалась. Ее слезы, словно крохотные мыльные пузыри, выкатывались из уголков глаз, росли и, переливаясь, подымались в воздух.

Фабиан встал, пошел дальше.

Он очутился в зале без стен. Бесчисленные ступеньки вели из одного конца зала в другой. На каждой стояли люди. Они с заинтересованным видом смотрели вверх и залезали друг к другу в карманы. Каждый обкрадывал каждого. Каждый исподтишка шарил в карманах стоявшего впереди, а стоявший сзади рылся в его карманах. В зале царила тишина, хотя он кишел людьми. Они усердно крали и позволяли обкрадывать себя. На нижней ступени стояла девочка лет десяти и вытаскивала из кармана впереди стоявшего пеструю пепельницу. На верхней ступеньке внезапно появился Лабуде. Он воздел руки, посмотрел вниз и крикнул:

— Сограждане! Друзья! Порядочность должна победить!

— Само собой, конечно! — хором проревели все, продолжая шарить в чужих карманах.

— Кто со мной согласен, поднимите руки, — заорал Лабуде.

Все подняли руки. Каждый поднял одну, другою продолжая красть. Только девчушка на нижней ступеньке подняла обе руки.

— Благодарю, — произнес Лабуде, и голос его прозвучал растроганно. — Настает эпоха человеческого достоинства. Запомните этот миг!

— Ты дурак, — крикнула Леда. Она подошла к Лабуде, ведя за собой рослого красивого мужчину.

— Мои лучшие друзья — мои самые заклятые враги, — печально проговорил Лабуде. — Но все равно. Разум победит, даже если я погибну.

Вдруг послышались выстрелы. Фабиан поднял глаза. Повсюду — окна, крыши. И повсюду мрачные фигуры с револьверами и автоматами.

Люди бросились наземь, то есть на ступеньки лестницы. Щелкали выстрелы. Люди умирали, не вынув рук из чужих карманов. Лестница была устлана трупами.

— Этих не жалко, — сказал другу Фабиан. — Идем отсюда!

Но Лабуде продолжал стоять под градом пуль.

— И меня тоже. — Он повернулся и погрозил в сторону окон и крыш.

С крыш в бездну летели пули. Из окон вывешивались раненые. На коньке крыши дрались двое мужчин атлетического телосложения. Они душили и кусали друг друга, вдруг один пошатнулся, и оба свалились вниз. Слышно было, как брякнулись о камень пустые черепа. Самолеты гудели, проносясь под потолком зала, и сбрасывали на дома горящие факелы. Крыши стали загораться. Из окон повалил зеленоватый дым.

— Зачем люди так делают? — Девчушка из универсального магазина дотронулась до руки Фабиана.

— Хотят построить новые дома, — ответил он. Потом взял девочку на руки и, перелезая через трупы, стал спускаться по лестнице. На полпути ему встретился низкорослый человечек. Он стоял, вписывал цифры в блокнот, шевелил губами, что-то подсчитывая.

— Чем это вы занимаетесь? — спросил Фабиан.

— Продаю неликвидный фонд, — гласил ответ. — Тридцать пфеннигов с трупа, за меньший житейский износ доплата пять пфеннигов. Есть у вас полномочия на ведение переговоров?

— Идите к черту! — крикнул Фабиан.

— Еще успею, — ответил низкорослый, продолжая считать.

Фабиан посадил девочку у подножия лестницы.

— Ну, а теперь — марш домой! — сказал он. Девочка убежала. Она подпрыгивала на одной ножке и пела.

Он стал снова подниматься по ступеням.

— Я ни гроша не зарабатываю, — бормотал низкорослый, мимо которого он опять прошел. Фабиан торопился. Наверху рушились дома. Языки пламени вырывались из развалин. Обгоревшие балки наклонялись и падали беззвучно, как в вату. Временами еще слышались отдельные выстрелы. Люди в противогазах пробирались среди обломков. Встретившись, они тотчас же вскидывали автоматы, прицеливались и палили друг в друга. Фабиан огляделся. Где же Лабуде?

— Лабуде! — крикнул он. — Лабуде!

— Фабиан, — послышался чей-то голос. — Фабиан!

— Фабиан! — крикнула Корнелия, тряся его за плечо. Он проснулся. — Почему ты зовешь Лабуде? — Она провела ладонью по его лбу.

— Мне приснился сон, — сказал он. — Лабуде во Франкфурте, я знаю.

— Зажечь свет? — спросила она.

— Нет, постарайся скорее уснуть, Корнелия, завтра ты должна хорошо выглядеть. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответила она.

Они еще долго лежали без сна. Каждый знал, что другой не спит, но оба молчали.

Глава пятнадцатая

Молодой человек, каким он должен быть

О сути вокзалов

Корнелия пишет письмо

Следующим утром, как только корнелия ушла на работу, фабиан сел у открытого окна. она бодро шагала, держа под мышкой папку. у нее была работа. она зарабатывала деньги. а он сидел у окна, греясь на солнышке. оно светило тепло и ласково, как будто все в мире хорошо, как будто ничто не нарушает его спокойствия.

Корнелия была уже далеко. Он не мог ее окликнуть. Если бы он ее окликнул и, высунувшись из окна, сказал: «Вернись, я не хочу, чтобы ты работала, я не хочу, чтобы ты шла к Макарту!» — она бы ответила ему: «Что это тебе взбрело в голову? Или давай мне денег, или не задерживай меня». И так как Фабиан ничем другим не мог себе помочь, он показал солнцу язык.

— Что это вы там делаете? — спросила незаметно вошедшая фрау Хольфельд.

Желая поскорее от нее отделаться, Фабиан сказал:

— Ловлю мух. Они в этом году жирные и хрустящие.

— А на работу вы не идете?

— Я вышел в отставку. С первого числа следующего месяца я буду значиться в дефиците министерства финансов как непредусмотренный перерасход. — Он закрыл окно и сел на диван.

— Вы остались без работы? — спросила хозяйка. Фабиан кивнул и достал из кармана деньги.

— Вот восемьдесят марок за следующий месяц. Живо схватив деньги, она сказала:

— Ничего, это не к спеху, господин Фабиан.

— Нет, почему же. — Он высыпал на стол всю оставшуюся у него наличность и пересчитал. — Положи я свой капитал в банк, он приносил бы мне проценты — три марки в год. Вряд ли это имеет смысл.

Фрау Хольфельд разговорилась.

— Вчера в газете один инженер предложил на двести метров понизить уровень воды в Средиземном море, тогда опять обнажится много земли, как до ледникового периода; на ней могли бы жить и кормиться миллионы людей. Кроме того, сделав несколько небольших перемычек, можно открыть прямую железнодорожную линию Берлин — Кейптаун. — Фрау Хольфельд, все еще захваченная идеей инженера, говорила с подлинным воодушевлением. Фабиан хлопнул по подлокотнику дивана так, то в воздухе заплясала пыль.

— Вот это дело! — закричал он. — Вперед, на Средиземное море! Понизим его уровень! Поехали, а, фрау Хольфельд?

— С удовольствием. Я не была там после своего свадебного путешествия. Великолепные места! Генуя, Ницца, Марсель, Париж! Впрочем, Париж вовсе не на Средиземном море. — Она переменяла разговор. — А почему фрейлейн доктор вчера была такая печальная?

— Жаль, что она ушла, а то мы могли бы ее спросить.

— Очаровательная девушка, само благородство, я считаю, что она похожа на румынскую королеву в юности.

— Вы угадали. — Фабиан поднялся и повел хозяйку к двери. — Она дочь королевы. Но, прошу вас, никому ни слова.

Под вечер он сидел в редакции большой газеты и ждал, когда освободится господин Захариас. Господин Захариас был ему знаком. Как-то раз, после обсуждения цели и смысла рекламы, он сказал: «Если я вам понадобится, зайдите ко мне». Фабиан бессмысленно листал один из журналов, украшавших стол в приемной, и вспоминал тогдашний разговор. Захариас с воодушевлением поддерживал высказывание Герберта Уэллса о том, что развитие

христианской церкви не в последнюю очередь объясняется умелой пропагандой, и полностью соглашался с ним в том, что нельзя использовать рекламу только для повышения спроса на мыло или жевательную резинку, пора уже поставить ее, наконец, на службу высоким идеям. Фабиан сказал, что воздействие воспитания на род человеческий — тема весьма сомнительная. И еще большой вопрос, может ли пропагандист воспитывать народ и способен ли воспитатель заниматься пропагандой. Привить интеллект можно лишь ограниченному числу людей, и без того интеллектуальных. Захариас и Фабиан спорили до хрипоты, покуда не пришли к убеждению, что спор их носит чересчур академический характер, так как оба возможных результата — победа или поражение пресловутой идеалистической пропаганды — требовали большого количества денег, а на идеалы денег никто не даст.

Озабоченные курьеры сновали по лабиринту коридоров. Из металлических трубок со стуком выскакивали картонные гильзы. На столе у дежурного беспрестанно звонил телефон. Посетители приходили и уходили. Служащие бегали из комнаты в комнату. По лестнице, окруженной целой свитой подчиненных, торопливо спускался директор.

— Господин Захариас ждет вас.

Курьер проводил Фабиана до двери. Захариас пожал ему руку с неумеренной горячностью. Этот молодой человек вечно пребывал в восторженном состоянии. И что бы он ни делал, он делал в высшей степени темпераментно: чистил ли зубы, спорил, или тратил деньги, или давал советы своему начальнику, всегда и во всем расшибался в лепешку. Это отсутствие чувства юмора заражало всех, с ним соприкасавшихся. Разговор об узлах на галстуке превращался в самую животрепещущую проблему современности. Начальники, обсуждая деловые вопросы с Захариасом, вдруг обнаруживали, как неслыханно важна их профессия, их издательство, должность, ими занимаемая. Сам он неуклонно продвигался вверх по служебной лестнице. Но невозможно было предположить, чтобы его достало на что-нибудь значительное. Для своего издательства он был катализатором, для людей его окружавших — стимулирующим средством. Он сумел стать незаменимым и к двадцати восьми годам уже получал две тысячи пятьсот марок в месяц. Фабиан рассказал ему все как есть.

— Вакансий у нас нет, — сказал Захариас, — а я бы очень хотел быть вам полезным. Кроме того, я убежден, что мы с вами отлично бы поладили. Что же нам придумать? — Он сжал руками виски, словно прорицатель, ожидающий озарения. — А что вы скажете, если я возьму вас к себе в качестве частного сотрудника и буду платить вам из своего кармана? Такой четювек мне бы очень пригодился. Здесь от меня ждут не меньше дюжины идей в день. А разве я автомат? Почему я должен отдуваться за то, что у других голова хуже варит? Если так и дальше пойдет, мой мозг сотрется в порошок. Я недавно купил маленькую машину, прелесть что такое: «Штейр», шестицилиндровый, с кузовом по особому заказу. Мы могли бы каждый день ездить за город, чтобы обмозговывать наши дела. Я с удовольствием вожу машину, это успокаивает нервы. Я мог бы предложить вам триста марок в месяц, и как только освободится какое-нибудь место — оно ваше. Ну как? — Не дожидаясь ответа Фабиана, Захариас продолжал: — Нет, не пойдет. Начнутся разговоры, Захариас, мол, держит белого негра. Я тут ни в ком не уверен. У них всегда наготове топор, чтобы отсечь мне голову. Что же делать? Вам ничего не приходит на ум?

— Я мог бы встать на Потсдамерплатц, — отвечал Фабиан, — повесив себе на живот табличку примерно такого содержания: «В данный момент этот молодой человек ничего не делает, но испытайте его, и вы убедитесь, что он делает все». Я мог бы еще намалевать это на большом воздушном шаре.

— Если вы говорите всерьез, то это замечательная идея! — воскликнул Захариас. — Но ей грош цена, потому что вы сами в нее не верите. Вы принимаете всерьез только нечто действительно серьезное, а может, даже и серьезное всерьез не принимаете. Беда с вами. Мне бы ваши таланты, и я бы уже сегодня был директором. — Захариас применял к людям, чье превосходство над собой он чувствовал, весьма тонкий трюк: он безусловно это

превосходство признавал, прямо-таки настаивал на нем.

— А какой мне прок от того, что я талантливее вас? — грустно спросил Фабиан.

Этого риторического вопроса Захариас не ожидал. С него хватало и собственной откровенности.

И вдруг является какой-то тип, просит его совета, да еще дерзит!

— Мне очень жаль, что вы обиделись на мои слова, — сказал Фабиан. — Я не хотел вас обидеть. Я не слишком высокого мнения о своих талантах. Их хватает только, чтобы подохнуть с голоду.

Захариас встал и с подчеркнутой вежливостью проводил посетителя до лестницы.

— Позвоните мне завтра, около двенадцати, хотя нет, у меня конференция, ну, скажем, после двух. Может, я что-нибудь придумаю. Всего наилучшего.

Фабиан с удовольствием позвонил бы Лабуде, но тот был во Франкфурте. К тому же он ни за что на свете не стал бы рассказывать ему о своих горестях. У Лабуде и без него забот хватало. Он хотел услышать знакомый голос, только и всего. Между друзьями даже разговоры о погоде могут творить чудеса. Мать уехала. Забавный старик изобретатель вместе со своей пелериной сейчас на пути к сумасшедшему дому. Корнелия купила себе новую шляпу, чтобы понравиться каким-то киношникам. Фабиан был один. Почему нельзя, хотя бы временно, убежать от самого себя? Фабиан бродил по центру без всякой цели и тем не менее вскоре очутился возле здания, в котором работала Корнелия. Сердясь на себя, он пошел дальше и вдруг поймал себя на том, что косится на все шляпные магазины. Где она, все еще на работе? Или уже примеряет шляпу и джемпер?

На Ангальтском вокзале он купил газету. Человек, сидевший в киоске, выглядел очень приветливым.

— Скажите, не нужен ли вам помощник? — спросил Фабиан.

— Я сам скоро начну учиться вязать чулки, — отвечал киоскер, — в прошлом году я зарабатывал вдвое больше, но и это было не слишком жирно. В последнее время люди читают газеты разве что в парикмахерских или кафе. Надо в пекари подаваться. Хлеб пока еще даром у парикмахера не получишь.

— Недавно кто-то предлагал, чтобы государство доставляло хлеб на дом, как воду по трубам, — сказал Фабиан. — Вот видите, в один прекрасный день и хлебопечение не спасет вас от голодной смерти.

— Хотите бутерброд? — спросил человек в киоске.

— Неделю я еще продержусь, — отвечал Фабиан, поблагодарил и вошел в вокзал. Он прочитал расписание поездов. Может, купить на последние деньги билет, да и махнуть домой к матери? Но вдруг Захариас завтра что-нибудь придумает? Когда он вышел и увидел перед собою эти прямые улицы и громады домов, этот безнадежный, беспощадный лабиринт, у него закружилась голова. Он прислонился к стене, возле которой стояли носильщики, и закрыл глаза. Но теперь его мучил шум. Ему казалось, будто трамваи и автобусы проезжают сквозь него. Он повернул назад, по лестнице поднялся в зал ожидания и прилег на жесткую скамью. Через полчаса ему полегчало. Он дошел до трамвайной остановки, поехал домой, бросился на свой диван и сразу заснул.

Проснулся он вечером. Громко хлопнула входная дверь. Корнелия? Нет, кто-то бегом спускался по лестнице. Он зашел в соседнюю комнату и в испуге отпрянул.

Шкаф стоял открытый. Он был пуст. Чемоданов не было. На столе, под вазой с увядшими цветами, лежало письмо. Фабиан взял его и вернулся в свою комнату.

«Милый Фабиан, — писала Корнелия, — разве не лучше мне уйти слишком рано, чем слишком поздно? Только что я стояла возле тебя. Ты спал, ты спишь и теперь, когда я пишу это письмо. Я осталась бы с радостью, но представь себе, что будет, если я останусь. Еще несколько недель, и ты станешь вконец несчастным. Тебя гнетет не нужда, а мысль, что нужда может значить так много. Пока ты был один, тебе ничего не грозило, если даже и случалась беда. Пусть же все будет, как было. Тебе очень грустно?»

Меня хотят снимать в новом фильме. Завтра я подпишу контракт. Макарт снял для меня две комнаты. Что я могла поделаться? Он говорил об этом так, словно речь шла о центнере угля. Ему пятьдесят лет, и он похож на слишком хорошо одетого отставного боксера. У меня такое чувство, словно я продалась в анатомический театр. Может, зайти еще раз в твою комнату и разбудить тебя? Нет, спи спокойно! Я не погибну. Представлю себе, что меня осматривает врач. Пусть позабавится мною, так уж случилось. Только вывалявшись в грязи, можно выбраться из грязи. А нам так хочется из нее вылезти.

Я пишу: нам. Ты понимаешь? Я уйду от тебя, чтобы с тобой остаться. Ты не разлюбишь меня? Захочешь ли опять меня увидеть, сможешь ли обнять после того, другого? Завтра с четырех часов буду ждать тебя в кафе „Шотенхамль“. Что же со мною будет, если ты не придешь? Корнелия».

Фабиан сидел не шевелясь. Было уже совсем темно. Болело сердце. Он вцепился в ручки кресла, словно сопротивляясь кому-то, кто хотел утащить его отсюда. Наконец он овладел собою. На ковре белело письмо.

— А я ведь хотел стать другим, Корнелия, — прошептал Фабиан.

Глава шестнадцатая

Фабиан в погоне за приключениями

Пальба на вединге

Луна-парк дядюшки пелля

В тот же вечер он ехал на метро в северную часть Берлина. Стоял у окна вагона, не сводя глаз с черной шахты, где лишь изредка мелькали тусклые лампочки. Всмотривался в оживленные перроны подземных вокзалов. Всмотривался в серые ряды домов, когда поезд выскакивал из туннеля, в темные переулки и освещенные окна комнат, где незнакомые люди сидели за столами и ждали свершения своих судеб. Всмотривался в блестящую путаницу блестящих рельсов, по которым шел его поезд, в железнодорожные вокзалы, где в ожидании долгого пути побряхтывали дальние поезда с красными спальными вагонами, в молчащую Шпрее, в фасады театров, оживленные светящимися надписями, и в беззвездное лиловое небо над городом.

Фабиан видел все это, и ему казалось, что только его глаза и уши блуждают по Берлину, а сам он где-то далеко, очень далеко. Взгляд его был напряжен, но сердце ничего не чувствовало. Он долго просидел в своей мебелированной комнате. Где-то в этом необозримом городе Корнелия лежала сейчас в постели с пятидесятилетним мужчиной и покорно закрывала глаза. Где она? Он бы рад был сорвать стены всех домов, лишь бы обнаружить этих двоих. Где Корнелия? Почему она обрекла его на безделье? И как раз в те редкие минуты, когда он жаждал деятельности? Она не знала его. И предпочла действовать неправильно, вместо того чтобы сказать ему: «Хоть ты поступай правильно». Она верила, что он снесет тысячи ударов, но сам не поднимет руку. Она не знала, что он стремится выполнять служебный долг и нести ответственность. Но где те люди, которым он хотел бы служить? Где Корнелия? Лежит с толстым старым мужчиной, позволяя ему обращаться с собой, как со шлюхой, чтобы милый ее Фабиан спокойно предавался ничегонеделанью. Она великодушно вернула ему ту свободу, от которой недавно его освободила. Случай привел в его объятия женщину, во имя которой ему наконец захотелось действовать, а она отбросила его назад к нежеланной, к проклятой свободе. Судьба пришла на помощь им обоим, а теперь им уже ничем нельзя было помочь. В миг, когда работа приобрела смысл, потому что Фабиан встретил Корнелию, он потерял работу. А потеряв работу, потерял и Корнелию.

Томимый жаждой, он взял в руки сосуд, но тут же отставил его, так как сосуд был пуст. В миг, когда Фабиан уже потерял всякую надежду, судьба смилостивилась над ним и наполнила этот сосуд. Он склонился, наконец-то захотев испытать из него. «Нет, — сказала судьба, — нет, ты с неохотой держал его в руках». Сосуд выбили у него из рук, и вода, стекая

по рукам, пролилась на землю.

Ура! Теперь он свободен. Фабиан засмеялся так громко и злобно, что соседи недоуменно от него отодвинулись. Он вышел из метро. Где, ему было безразлично. Корнелия спала с кем-то, зарабатывая себе черт его знает что, карьеру, или отчаяние, или то и другое вместе. Во дворе полицейских казарм, сквозь распахнутые ворота он увидел зеленые машины с включенными фарами. В машины залезали полицейские и стояли, молчаливые и решительные. Несколько машин, грохоча, уехали в северном направлении. Фабиан пошел туда же. Улица была полна народу. Выкрики неслись вслед машинам. Летели вслед, словно камни. Полицейские смотрели прямо перед собой. На Веддингплатц они оцепили подход к Рейникендорферштрассе, которую уже заполняли толпы рабочих. Конная полиция, по ту сторону цепи, ждала приказа броситься в атаку. Пролетарии в мундирах, со спущенным подбородным ремнем, ждали пролетариев в штатском. Кто натравил их друг на друга? Рабочие приближались, их песни раздавались все громче, полицейские шагом двинулись вперед, соблюдая дистанцию — метр друг от друга. Песня сменилась яростным ревом. По нарастающему шуму, даже не видя, что там происходит, было ясно: сейчас начнется схватка между рабочими и полицией. Не прошло и минуты, как крики подтвердили это предположение. Колонны сошлись, полиция ринулась в бой. Кони, покачивая своих всадников, рысцой вошли в образовавшийся вакуум, копыта стучали по мостовой. Где-то впереди раздался выстрел. Задребезжали разбитые стекла. Лошади пустились в галоп. Люди на Веддингплатц сделали попытку прорваться через оцепление. Вторая цепь полицейских, преграждавшая доступ к Рейникендорферштрассе, стала медленно продвигаться вперед и очистила площадь. Полетели камни. В какого-то вахмистра всадили нож. Полицейские, держа в руках резиновые дубинки, перешли на беглый шаг. На трех грузовиках подоспело подкрепление, вновь прибывшие соскакивали с медленно движущихся машин. Рабочие было обратились в бегство, но снова остановились по краям площади и в прилегающих к ней улочках. Фабиан пробился через живую стену. Тремя улицами дальше уже казалось, будто повсюду царят тишина и порядок. Несколько женщин стояли в подворотне.

— Эй, послушайте! — сказала ойда из них. — Правда, что на Веддинге идет потасовка?

— Они снимают мерку друг с друга, — ответил он и пошел дальше.

— Лопни мои глаза, если Франц опять туда не затесался, — воскликнула женщина, — ну, погоди у меня!

На улице, зажатый старыми многоквартирными домами, находился так называемый Северный Луна-парк дядюшки Пелля. Звуки шарманки заглушали голоса девушек, которые под руку длинной цепочкой прогуливались у самого входа. Мимо них так и шныряли парни в заломленных набекрень шапках и, разыгрывая из себя нахалов, выкрикивали всевозможные дерзости. Девушки польщенно хихикали и в ответ бормотали что-то нечленораздельное.

Фабиан вон/ел в ворота. Территория смахивала на огромную сушилку для белья. Ацетиленовые лампочки мигали, оставляя в полумраке дорожки и балаганы. Склизкая почва поросла колючей травой. Карусель, из-за малого спроса на это развлечение, была закрыта брезентом. Мужчины в грубошерстных куртках, старухи в платочках, дети, которым давно бы полагалось лежать в постелях, шагали взад и вперед среди балаганов.

Громыхало «Колесо счастья». Люди теснились вокруг, не сводя глаз с вращающегося диска. Он уже замедлил ход, прошел еще два номера и остановился.

— Двадцать пять! — выкрикнул служитель.

— Здесь! Здесь! — Старуха с очками на носу получила свой выигрыш. Что же она выиграла? Фунт кускового сахара.

Колесо опять завертелось.

— Семнадцать!

— Хэлло, это я! — Молодой человек взмахнул своим билетиком. Ему досталось четверть фунта кофе в зернах.

— Матери подарок! — с довольным видом проговорил он, отходя от колеса.

— Сейчас на очереди главный выигрыш! Выигравшему предоставляется право выбора!

Колесо качнулось, затикало, остановилось, нет, прошло еще на номер дальше.

— Девять!

— Господи, да это же я! — Девушка, фабричная работница, захлопала в ладоши и стала читать условия лотереи: — «Главный выигрыш — пять фунтов пшеничной муки высшего сорта, или фунт сливочного масла, или три четверти фунта кофе в зернах, или три четверти фунта свиного сала». — Она взяла фунт масла, воскликнув: — За десять пфеннигов очень даже недурно! Будет с чем домой вернуться!

— Сейчас начнется следующий розыгрыш! — взревел служитель. — Кто еще не играл? Кто желает вторично принять участие в лотерее? А ну, вы, бабуся! У нас Монте-Карло для голодранцев. У нас ставка не марка, не полмарки, а всего десять пфеннигов!

Напротив находилось похожее заведение, но в выигрышах значились только мясо и колбаса, и билет стоил вдвое дороже.

— Главный выигрыш, господа, — половина гамбургского гуся, — скрипучим голосом выкрикивала жена мясника. — Всего двадцать пфеннигов, не робейте, друзья! — Ее помощник бритвой нарезал тончайшие ломтики колбасы — на пробу взявшим билеты. У остальных только слюни текли. Наконец они стали выгребать десятипфенниковые монетки из своих кошельков и присоединились к игре.

— Как ты насчет гусиного жаркого? — спросил жену какой-то малый без воротничка и галстука.

— Жалко денег, — отвечала она, — нам с тобой не везет, Биллем!

— Да ладно, — отвечал он, — можно попробовать для смеха. — Он купил билет, сунул жене в рот ломтик колбасы, полученный в придачу, и стал выжидательно смотреть на колесо.

— Розыгрыш начинается! — проскрипела жена мясника. «Колесо счастья» загудело.

Фабиан двинулся дальше. «Ипподром и танцы» гласила вывеска над большим шатром. Входной билет — двадцать пфеннигов. Он вошел. В заведении было два круга. Один повыше, наподобие свайной постройки, — там т. анцевали. Посередке сидел духовой оркестр. Он играл так, словно все музыканты перессорились. Девушки стояли прислонясь к перилам. Молодые люди заигрывали с ними. Те и другие не церемонились. Второй круг представлял собой песчаный манеж, по которому, под звуки музыки, трусили три клячи. Шталмейстер в цилиндре взмахивал шамбарьером и то и дело кричал: «Ры-ысью!» — пробуждая их от сонной одури. На маленьком одноглазом жеребце, в мужском седле, сидела женщина. Юбка у нее задралась выше колен. Она пустила лошадь мелкой рысцой и, всякий раз, плюхаясь на седло, хихикала.

Фабиан с кружкой пива сел за столик у самого манежа. Проезжая мимо него, женщина всякий раз обдергивала юбку. Бессмысленное занятие, юбка все равно задиралась. В четвертый раз она чуть-чуть улыбнулась, но юбку не обдернула. На пятом круге белый жеребец остановился и подслепым глазом заглянул в пивную кружку.

— Сахару там нет, — сказала наездница и посмотрела прямо в лицо Фабиану. Шталмейстер взмахнул шамбарьером, и жеребец затрусил дальше.

Спешившись, женщина, как бы случайно, уселась за соседний столик, наискосок от Фабиана, так чтобы ее телесные прелести, упаси бог, не укрылись от него. Взгляд его и вправду на ней остановился, и вдруг вся его боль очнулась от наркоза. Где сейчас Корнелия? Противны ли ей объятия, в которых она лежит? Может ли быть, что в то время, как он торчит здесь, она испытывает наслаждение в чужой постели? Он вскочил. Опрокинул стул. Женщина за соседним столиком снова взглянула ему в лицо, глаза у нее округлились, рот чуть приоткрылся, кончик языка влажно пробежал по верхней губе.

— Пойдете со мной? — сердясь на себя, спросил Фабиан.

Она встала, и они без долгих разговоров пошли в «Театр». Это был убогий дощатый барак. «Выступают знаменитые оперные певцы». «Курить разрешается». «Дети на вечернем спектакле отдельных мест не занимают». Зал был полон разве что наполовину. Зрители сидели в головных уборах и курили. В темноте их до слез трогала непревзойденно глупая и лживая романтика, которую им преподносили за тридцать пфеннигов. Театральные чары

больше волновали и расстраивали их, чем собственные беды.

Фабиан обнял за талию незнакомку. Она прильнула к нему и задышала нарочито громко — пусть слышит. О, какой печальной была эта пьеса! Бесшабашный студент — директор театра Блаземан, седоволосый, лет эдак за пятьдесят, сам играл эту роль — каждое утро возвращался домой навеселе. И во всем виновато проклятое шампанское. Он распевает студенческие песни, чудит на все лады, консьержка его отчитывает, и наконец он дарит некой старой певице придворного театра, давно страдающей подагрой, свой последний талер, дабы она могла бросить сцену.

События развиваются стремительно. Старая певица — да и как могло быть иначе? — оказывается матерью пятидесятилетнего студента! Двенадцать лет он ее не видел, ежемесячно получал от нее деньги и был уверен, что она все еще поет в придворной опере. Разумеется, он ее не узнал. Но материнский глаз зорче, она тотчас смекнула: это он! Однако высшей точки драматическая коллизия еще не достигла. В нее вторглась любовная история. Студент любит и любим. Виной всему — фрейлейн Мартин, прехорошенькая швейка, что живет напротив, крутит свою машинку и поет-заливается, словно жаворонок. Элен Мартин, этот жаворонок, весила добрых сто килограмм. Она прыгала так, что прогибались доски, и пела со студентом — директором Блаземаном — куплеты. Начало очаровавшего публику дуэта звучало так:

Ах, сокровище мое!
Без тебя мне не житье!

Юная парочка, вдвоем насчитывавшая добрую сотню весен, тяжело топала по сцене, изображавшей двор. Он пообещал жаворонку жениться, но жаворонок опечален: ведь студент хочет заставить старую певицу бросить сцену. Тут они спели следующий куплет.

Зрители аплодировали. Женщина, которую одной рукой обнимал Фабиан, сделала такое движение, что его рука оказалась на ее груди.

— Ах, как хорошо, — сказала она. Надо думать, слова ее относились к пьесе. В зале опять воцарилась торжественная тишина. Старая, сутулая и больная подагрой певица, которая дала возможность своему сыну учиться в привилегированном заведении и стать медиком, вышла из-за кулис и, прихрамывая, кое-как добралась до авансцены, подняла указательный палец — пианист повиновался этому знаку — и запела душещипательную песнь матери.

— Пошли отсюда, — сказал Фабиан, отпуская бюстгальтер незнакомки.

— Уже? — удивилась женщина, но пошла за ним.

— Здесь я живу, — объявила она, остановившись у большого дома на Мюллерштрассе, и отперла дверь. Фабиан сказал:

— Я подымусь с вами.

Она воспротивилась, но не слишком убедительно. Он втолкнул ее в подъезд.

— Что скажут мои хозяева? Ну и пряткий же вы. Только тихонько, ладно?

На дверях висела табличка: «Хетцер».

— Почему у тебя в комнате две кровати? — спросил Фабиан.

— Т-сс! Нас могут услышать, — прошептала она. — Хозяевам некуда девать вторую.

Фабиан разделся.

— Да не канителься ты, — сказал он ей.

Она, видимо, считала кокетство совершенно обязательным и жеманилась, как старая дева. Наконец они легли. Она потушила свет и только сейчас разделась донага.

— Минутку, — прошептала она, — и не сердитесь. — Она зажгла карманный фонарик, накинула платок на лицо Фабиана и в свете этого фонарика освидетельствовала его, как многоопытный врач больничной кассы.

— Вы уж простите, в наше время приходится соблюдать осторожность, — пояснила она. Больше никаких преград не было.

— Я продавщица в магазине перчаток, — сказала она, спустя какое-то время. — Может, ты останешься до утра? — спросила она еще через полчаса. Он кивнул. Она скрылась в кухне; он услышал, как льется вода. И вернулась, неся тазик мыльной воды, с заботливостью рачительной хозяйки обтерла Фабиана и снова залезла в постель.

— А ты разве не беспокоишь своих хозяев, грея воду в кухне? — поинтересовался Фабиан. — Не туши свет!

Она болтала о пустяках, спросила, где он живет, и называла его «радость моя». Он рассматривал обстановку комнаты. Помимо двух кроватей, здесь была еще страстно изогнутая плюшевая кушетка, умывальник с мраморной доской, омерзительная цветная литография, изображавшая пухлую молодую особу в ночной рубашке, которая, сидя на шкуре белого медведя, играла с розовым младенцем, да еще шкаф с плохо закрывавшейся зеркальной дверцей. «Где Корнелия?» — подумал он и снова набросился на голую испуганную продавщицу.

— Честное слово, я тебя боюсь, — прошептала она несколько мгновений спустя. — Ты, кажется, решил меня доконать. Но зато как дивно! — Она встала рядом с ним на колени, расширенными глазами глядя на равнодушное лицо Фабиана и покрывая его поцелуями.

Когда, смертельно усталая, она наконец уснула, он все еще не сомкнул глаз, одинокий в этой чужой комнате, напряженно вглядывался в темноту и думал:

«Корнелия, что мы с тобой наделали?»

Глава семнадцатая **Телячью печеньку, пожалуйста** **Он высказывает ей свое мнение** **Коммивояжер теряет терпение**

Я обманула тебя, — сказала женщина на следующее утро. — Вовсе я не продавщица. И квартира эта принадлежит мне. Мы совсем одни. Пойдем на кухню.

Она налила кофе, сделала бутерброды, ласково потрепала его по щеке и, сняв передник, тоже села за стол.

— Вкусно? — заботливо спросила она, хотя он ни к чему еще не притрагивался. — Что-то ты бледный, моя радость. Впрочем, это не удивительно. Ты ешь, ешь побольше, чтобы опять быть сильным и крепким. — Она положила голову ему на плечо и сложила губы дудочкой, как ребенок.

— Ты боялась, что я украду твой диван или вспорю тебе живот? — поинтересовался Фабиан. — И почему у тебя в спальне две кровати?

— Я замужем, — отвечала она. — Мой муж коммивояжер, работает для трикотажной фирмы. Сейчас он в Рейнской области. Потом поедет в Вюртемберг. Он не вернется еще, по крайней мере, дней десять. Хочешь остаться до его приезда?

Фабиан пил кофе и ничего ей не ответил.

— Я не могу одна, — решительно сказала женщина, словно в ответ на чьи-то возражения. — Мужа вечно нет дома, а когда он здесь, тоже радости мало. Поживи у меня эти десять дней. Будь как дома. Я хорошо готовлю. И деньги у меня есть. Что тебе сделать на обед? — Она принялась орудовать в кухне, время от времени испуганно взглядывая на него. — Ты любишь телячью печеньку с жареной картошкой? Почему ты не отвечаешь?

— Есть у тебя телефон? — спросил Фабиан.

— Нет, — сказала она. — Ты хочешь уйти? Не уходи. Мне было так хорошо. Так хорошо, как никогда раньше. — Она вытерла руки и погладила его по волосам.

— Я останусь. — сказал он, — но мне надо позвонить.

Она сказала, что позвонить можно от мясника Рариша и пусть он заодно возьмет полфунта свежей телячьей печени, без пленок. Потом она дала ему денег, осторожно открыла дверь и, поскольку на лестнице никого не было, выпустила его из квартиры.

— Полфунта свежей телячьей печени, только без пленок, — попросил он в мясной

лавке.

Покуда его обслуживали, он позвонил Захариасу. Трубка была скользкая от жира.

— Нет, — сказал Захариас, — мне ничего не приходит в голову. Но я не теряю надежды, это было бы смешно, мой дорогой. Знаете что, загляните завтра еще разок. Вдруг что-нибудь подвернется. На худой конец, мы просто поболтаем. Вас это устраивает? До свидания.

Фабиан взял печенку. Бумага пропиталась кровью. Он заплатил и, осторожно держа пакет, пошел обратно. На лестнице соседка чистила дверную ручку, Фабиан решил подняться этажом выше. Через несколько минут он снова спустился. Женщина, с которой он провел ночь, уже открыла дверь, чтобы ему не пришлось звонить, и впустила его в квартиру.

— Слава богу, я уж думала, что эта сплетница нас застучала. Иди в гостиную, радость моя. Хочешь почитать газету? А я пока займусь уборкой.

Он выложил на стол сдачу, уселся в гостиной и стал читать газету. Женщина что-то напевала. Немного погодя она принесла сигареты, вишневую наливку и заглянула ему через плечо.

— В час будем обедать, — сказала она, — надеюсь, ты чувствуешь себя уютно?

Она вышла из комнаты и снова запела. Фабиан читал сообщение полиции о беспорядках на Рейникендорферштрассе. Вахмистр, получивший ножевое ранение, скончался в больнице. Трое демонстрантов тяжело ранены. Многие арестованы. Газета писала о безответственных элементах, которые постоянно провоцируют безработных, и о серьезной задаче, выпавшей на долю полиции. Не может быть и речи о снижении ассигнований на нужды полиции, хотя в некоторых кругах и ратуют за это. События, подобные вчерашним, наглядно доказывают, как важно уметь профилактически мыслить и действовать.

Фабиан окинул взглядом небольшую комнату. Мебель обильно украшена всевозможными завитушками. На этажерке стояли три альбома. Стекло на столе, полное видовых открыток, отбрасывало пестрые блики. Фабиан взял первую попавшуюся открытку. На ней был изображен Кельнский собор, и Фабиану вспомнился плакат с сигаретой. «Милая Мукки, — прочитал он, — хорошо ли ты живешь, хватает ли тебе денег? Я получил отличные заказы и завтра еду в Дюссельдорф. Крепко целую. Курт». Фабиан положил открытку обратно и выпил рюмку вишневой наливки.

За обедом он, чтобы не огорчить Мукки, съел все, что она ему положила. Мукки радовалась этому, как радуется хозяйка, когда ее собачка сжирает полную миску. Потом Мукки принесла кофе.

— Радость моя, ты ничего не хочешь мне о себе рассказать? — спросила она.

— Нет, — сказал он и вернулся в гостиную. Она побежала за ним. Он стоял у окна.

— Сядь ко мне, на диван, — попросила она. — А то тебя могут увидеть. И не надо сердиться.

Он сел на диван. Мукки принесла кофе в гостиную, уселась рядом с Фабианом и расстегнула блузку.

— А теперь десерт, — сказала она. — Только чур не кусаться.

Около трех Фабиан собрался уходить.

— Но ты ведь обязательно придешь, да? — Она стояла перед ним, поправляя юбку и чулки, и умоляюще смотрела на него. — Побожись, что придешь.

— Скорее всего, приду, — отвечал он. — Но обещать я ничего не могу.

— Я буду ждать тебя с ужином, — настаивала она, затем открыла дверь и прошептала: — Быстрее! Путь свободен.

Фабиан вприпрыжку спустился по лестнице. «Путь свободен». — подумал он, чувствуя отвращение к дому, из которого вышел. Фабиан доехал до Большой Звезды, пошел через Тиргартен в направлении Бранденбургских ворот и опять заблудился среди цветущих рододендронов. Он попал на Аллею Победы. Династия Гогенцоллернов и скульптор Бегас казались несокрушимыми.

У кафе «Шотенхамль» Фабиан повернул назад. Какие тут еще могут быть разговоры?

Говорить уже поздно. Он отправился дальше, вышел на Потсдамерштрассе, в нерешительности постоял на Потсдамерплатц, поднялся по Бельвюштрассе и снова очутился перед кафе. На этот раз он вошел. Корнелия сидела с таким видом, словно ждала его долгие годы, и слегка помахала ему. Он сел. Она взяла его руку.

— Я не верила, что ты придешь, — робко проговорила она.

Фабиан молчал и смотрел мимо нее.

— Это было нехорошо с моей стороны, да? — шепнула она, поникнув головой. Слезы капали ей в кофе. Она отодвинула чашку и вытерла глаза.

Фабиан сидел отвернувшись от стола. Стены между двумя ведущими наверх лестницами в стиле барокко населяли пестрые попугаи и колибри. Птицы были стеклянные. Они сидели на стеклянных сетках и лианах, дожидаясь вечера с его огнями, когда весь этот хрупкий девственный лес начинал светиться.

— Почему ты не смотришь на меня? — прошептала Корнелия, прижимая к губам носовой платок. И плач ее звучал так, будто вдали рыдал доведенный до отчаяния ребенок. В кафе было пусто. Посетители сидели на улице под большими красными зонтами. Только кельнер стоял неподалеку. Фабиан взглянул в лицо Корнелии. От волнения у нее дрожали веки.

— Ну скажи же наконец хоть словечко! — хриплым голосом взмолилась она.

У него пересохло во рту. Спазм сжал горло. Он с трудом глотнул воздух.

— Хоть словечко! — повторила она едва слышно и положила руки на скатерть среди никелированной посуды. — Что со мною будет? — прошептала она, словно говоря сама с собою, словно его тут уже не было. — Что же будет?

— Станешь несчастной женщиной, которой хорошо живется, — сказал он чересчур громко. — Для тебя это неожиданность? Ты не за этим приехала в Берлин? Здесь идет непрерывная мена. Кто хочет иметь, тот должен отдать то, что имеет.

Он подождал немного, Корнелия молчала. Она вынула из сумочки пудреницу, но, так и не открыв ее, положила на стол. Фабиан уже овладел собой. Он смотрел на все случившееся, как на разоренную комнату, и начал хладнокровно, тщательно прибирать ее.

— Ты приехала сюда с замыслами, которые исполнились скорее, чем ты могла надеяться. Ты нашла влиятельного человека, он тебя финансирует. И не только финансирует, а дает еще и шансы сделать карьеру. Я не сомневаюсь, что ты будешь иметь успех. Он вернет тебе деньги, которые, так сказать, вложил в тебя, ты и сама на этом заработаешь и в один прекрасный день сможешь сказать:

«Господин Макарт, теперь мы квиты». — Фабиан изумлялся самому себе. И, сердясь на себя, думал: не хватает только, чтобы я еще расставил все знаки препинания.

Корнелия смотрела на Фабиана, как будто видела его в первый раз. Потом открыла пудреницу, посмотрелась в маленькое круглое зеркальце и осыпанную белой пылью пуховкой провела по своему заплаканному, по-детски удивленному лицу. Она кивнула Фабиану, пусть продолжает.

— А что будет потом, — сказал он, — что будет потом, когда ты перестанешь нуждаться в Макарте, заранее сказать нельзя, да и не стоит это обсуждать. Ты будешь работать, а что тогда остается от женщины? Успех будет возрастать, возрастет и честолюбие, — правда, чем выше человек поднимается, тем больше опасность падения. Скорее всего, он будет не единственным, кому ты достанешься. Всегда найдется мужчина, который преградит дорогу женщине, и, если она хочет от него избавиться, она должна с ним спать. Ты к этому привыкнешь, вчерашний случай уже можно считать прецедентом.

«Я уже плакала перед ним, а он все еще бьет меня», — с удивлением подумала Корнелия.

— Но будущее — не моя тема, — сказал он, сделав жест, как бы подводящий итоговую черту. — Обсуждению подлежит только прошлое. Ты вчера ни о чем не спрашивала, когда ушла. Почему же теперь тебя интересует мой ответ? Ты знала, что ты мне в тягость. Знала, что я хочу от тебя избавиться. Ты знала, что я горю желанием иметь любовницу,

зарабатывающую в чужих постелях деньги, которых у меня нет. Если ты была права, значит я мерзавец. А если я не мерзавец, значит все, что ты сделала — ошибка.

— Да, это ошибка, — сказала она, поднимаясь. — Прощай, Фабиан.

Он пошел за нею, очень довольный собой. Он обидел ее, ибо имел право ее обидеть, но достаточно ли такого основания? На Тиргартенштрассе он догнал ее. Они шли молча, и каждый, жалея себя, жалел другого. Фабиан еще подумал: «Если она сейчас спросит, хочешь, чтобы я к тебе вернулась? Что я отвечу? У меня в кармане осталось пятьдесят шесть марок».

— Как страшно было вчера, — сказала она вдруг. — Он омерзителен! Что будет, если ты уже не захочешь меня? Нам бы сейчас радоваться, а у нас горя больше, чем было. Что мне делать с собою, если ты совсем от меня откажешься?

Он дотронулся до ее плеча.

— Прежде всего, возьми себя в руки. Рецепт старый, но хороший. Ты отсекала себе голову, — смотри, чтобы не даром. И прости, что я так обидел тебя.

— Да, да! — Она была еще печальной, но уже и радостной. — А можно мне завтра вечером прийти к тебе?

— Хорошо, — сказал он.

Корнелия обняла и поцеловала его посреди улицы, шепнула:

— Благодарю тебя, — и с плачем убежала. Фабиан остановился.

Какой-то прохожий крикнул:

— Вам смеяться впору!

Фабиан вытер рот рукой, почувствовав приступ тошноты. Чего касались за это время губы Корнелии? Легче ему оттого, что она чистила зубы? Разве может гигиена справиться с отвращением?

Он пересек улицу и вошел в парк. Нравственность — вот лучшая гигиена тела. Полоскать горло перекисью водорода недостаточно.

И только тут он вспомнил, где провел прошлую ночь. Возвращаться на Мюллерштрассе ему не хотелось. Но мысль о собственной комнате, о любопытстве вдовы Хольфельд, о пустой комнате Корнелии, о предстоявшей ему долгой одинокой ночи, в то время, как Корнелия во второй раз изменяет ему, погнала его по улицам в северную часть города, на Мюллерштрассе, в дом к женщине, которую ему не хотелось видеть. Женщина просияла, она была горда, что он опять пришел, и радовалась, что опять будет с ним.

— Вот хорошо, — приветствовала она его, — пойдем, ты, верно, голоден.

Стол она накрыла в гостиной, заметив:

— Обычно мы едим на кухне, но зачем тогда, спрашивается, трехкомнатная квартира? — Она принесла колбасу, ветчину и камамбер. Потом вдруг отложила нож и вилку, пробормотала: — А сейчас — фокус-покус! — И достала бутылку Мозельского. Разлив вино, она чокнулась с Фабианом, воскликнув — За нашего ребенка! Пусть он будет, совсем как ты, а если это окажется девочка, придется мне тебя оштрафовать! — Она осушила бокал, снова наполнила его, и глаза у нее заблестели. — Какое счастье, что я тебя встретила, — призналась она и снова выпила. — Вино меня страшно возбуждает. — И бросилась ему на шею.

Где-то звякнули ключи. Послышались шаги в коридоре. Дверь открылась. В комнату вошел невысокий, коренастый мужчина. Женщина вскочила. Его лицо потемнело.

— Приятного аппетита, — сказал он, подходя к жене.

Она попятилась, прежде чем он до нее дотронулся, распахнула дверь спальни, скользнула туда и заперлась.

Мужчина крикнул:

— Я с тебя шкуру спущу! — повернулся к Фабиану, который в смущении поднялся, и сказал: — Сидите, сидите! Я ее муж.

Какое-то время они молча сидели друг против друга. Потом муж взял в руки бутылку Мозельского, внимательно рассмотрел этикетку и налил себе полный бокал. Выпив, он произнес:

— Поезда в это время ужасно переполнены. Фабиан кивнул, соглашаясь с ним.

— А вино отличное. Как оно вам понравилось? — спросил муж.

— Я не охотник до белого вина, — ответил Фабиан и встал.

Муж тоже поднялся.

— Вы хотите уйти? — спросил он.

— Я не хотел бы вам больше мешать, — сказал Фабиан.

Внезапно коммивояжер прыгнул на него и принялся его душить. Фабиан двинул супруга кулаком в зубы. Тот разжал руки и схватился за щеку.

— Прошу прощения, — огорченно произнес Фабиан.

Супруг отмахнулся, сплюнул в носовой платок кровавую слюну и теперь уже занят был только собой.

Фабиан вышел из квартиры. Куда же ему теперь идти? Он поехал домой.

Глава восемнадцатая **От отчаяния он идет домой** **Что нужно полиции?** **Печальное зрелище**

Хотя Фабиан открыл дверь почти бесшумно, в коридоре его встретила фрау Хольфельд. Время было позднее, она уже надела халат и казалась чрезвычайно взволнованной.

— Я оставила свою дверь открытой, чтобы слышать, как вы придете, — сказала она. — Здесь была уголовная полиция. Хотели вас забрать.

— Уголовная полиция? — спросил он в изумлении. — Когда?

— Три часа назад — первый раз, а потом всего час назад. Вы должны незамедлительно к ним явиться. Я, конечно, рассказала, что прошлой ночью вы домой не приходили и что вчера фрейлейн Баттенберг, ни слова не сказав, освободила комнату и скрылась. — Вдова хотела подойти к нему поближе, но вместо шага вперед, сделала шаг назад. — Какой ужас, — взволнованно прошептала она. — Что вы такое натворили?

— Милая фрау Хольфельд, — отвечал Фабиан. — У вас слишком пылкая фантазия. Вам, верно, пришло бы по душе небольшая любовная драма с летальным исходом. Свидетельница фрау Хольфельд в трауре, портреты двух ее жильцов во всех газетах, убийца Фабиан на скамье подсудимых. Но не надо обольщаться.

— Меня это вообще не касается, — сказала она, черствость Фабиана глубоко уязвила ее. Два года прожил у нее этот человек, она холила и нежила его как родного сына, а теперь он даже не считает нужным излить ей свою душу!

— Куда мне идти? — спросил он. Она протянула ему записку. Фабиан прочитал адрес.

— Ага, значит что-то есть! — торжествующе сказала она. — Почему вы так поблбднели?

Он рванул дверь и бросился вниз по лестнице. На Нюрнбергерплатц он остановил машину, назвал адрес и добавил:

— Поезжайте как можно быстрее.

Старую дребезжашую машину подбрасывало даже на асфальте. Фабиан поднял стекло.

— Поскорей же, прошу вас! — крикнул он. Он попытался закурить, но у него дрожали руки и ветер задувал спички. Он откинулся назад и закрыл глаза. Иногда он открывал глаза и смотрел, где они находятся. Тиргартен, Тиргартен, Тиргартен, Бранденбургские ворота. Унтер-ден-Линден. Машина останавливалась на каждом углу. Стоило им приблизиться к светофору, загорался красный свет. У Фабиана было такое чувство, будто они едут по густому, вязкому клею. После Фридрихштрассе стало полегче. Университет, Оперный театр, собор и дворец остались наконец позади. Машина свернула направо и остановилась. Фабиан расплатился и опрометью кинулся в дом.

Дверь открыл какой-то незнакомый человек. Фабиан назвал себя.

— Наконец-то, — сказал тот. — Я комиссар уголовной полиции Донат. Без вас мы не

можем сдвинуться с места.

В первой комнате сидели пять молодых женщин, рядом стоял полицейский. Фабиан узнал Зелов и скульпторшу.

— Наконец-то, — сказала Зелов.

В комнате все было вверх дном. На полу валялись стаканы и бутылки. В соседней комнате из-за письменного стола поднялся молодой человек.

— Это мой помощник, — пояснил комиссар. Фабиан огляделся и обмер. На диване лежал Лабуде, белый как мел, с закрытыми глазами и простреленным виском. Волосы его слиплись от запекшейся крови.

— Стефан, — выдохнул Фабиан и сел рядом с покойным. Он положил руку на ледяные руки друга и покачал головой.

— Но, Стефан, — сказал он, — разве так можно? Оба полицейских отошли к окну.

— Доктор Лабуде оставил вам письмо, — сказал комиссар. — Мы просим прочитать его и сообщить нам, поскольку это может представлять для нас интерес, содержание такового. Мы разделяем ваше предположение, что здесь имело место самоубийство. Пятеро девиц, которых мы временно задержали, утверждают, что находились в соседней комнате, когда раздался выстрел. И все-таки случай не совсем ясен. Вы, вероятно, обратили внимание на разгром в той комнате. Как вы его объясняете?

Помощник комиссара подал Фабиану конверт.

— Не будете ли вы так любезны прочесть письмо? Барышни утверждают, что беспорядок — результат выяснения ими личных разногласий. Доктор Лабуде здесь ни при чем. Его даже не было в комнате, он якобы сказал, что хочет написать письмо, и прошел сюда.

— Судя по некоторым признакам, эти дамы состоят друг с другом в nepозволительной связи. Я подозреваю, что здесь было нечто вроде сцены ревности, — сказал комиссар. — Они, и это как раз подтверждает их непричастность, сразу же известили полицию и дожидались нас здесь, вместо того чтобы удрать. Будьте так любезны, прочтите письмо!

Фабиан вскрыл конверт и вытащил сложенный листок бумаги. При этом из конверта выпала пачка банкнот. Помощник комиссара поднял деньги и положил их на диван.

— Мы подождем в соседней комнате, — деликатно заметил комиссар, и они оставили Фабиана одного.

Он встал и зажег свет. Потом опять сел и посмотрел на мертвого друга, чье желтое лицо, с застывшим выражением усталости, находилось как раз под лампой. Рот был слегка приоткрыт, нижняя челюсть отвисла. Фабиан расправил листок и прочитал:

«Дорогой Якоб!

Когда я сегодня днем зашел в институт, чтобы еще раз справиться о своей работе, тайного советника опять не было на месте. Но там был Векхерлин, его ассистент, и он сказал, что моя работа отклонена. Что тайный советник охарактеризовал ее как абсолютно неудовлетворительную и добавил, что передать ее на факультет значило бы только зря обременить профессию. Кроме того, не имеет смысла разглашать мой позор. Пять лет жизни стоил мне этот труд, пять лет жизни — во имя позора, который только из милосердия не хотят предавать огласке.

Я подумал, не позвонить ли тебе, но мне было стыдно. Я не способен выслушивать утешения, даже в этом я бездарен. Наш разговор о Леде несколько дней назад лишний раз убедил меня в этом. Ты стал бы объяснять мне все ничтожно малое значение моего научного провала, я бы для вида признал твою правоту, мы оба лгали бы друг другу.

То, что моя работа отклонена, означает, фактически и психологически, прежде всего психологически, мой полный крах. Леда меня отвергла, университет тоже отвергает меня, я повсюду получаю оценку „неудовлетворительно“. Для моего честолюбия это непереносимо, Якоб. Что мне проку от исторической статистики, от того, что множество значительных людей были плохими учениками и незадачливыми любовниками?

Моя политическая поездка во Франкфурт' потерпела фиаско. Под конец мы просто передрались. Когда же я вчера вернулся, в моей постели валялась Зелов со скульпторшей, еще несколько девок сидели „в запасе“. Теперь, когда я пишу, они в соседней комнате швыряются стаканами и вазами. Короче говоря: эта жизнь не для меня! От всего, чем я дорожил, меня отторгли. Туда, где меня бы приняли, я сам не пойду. Не сердись же, дорогой мой, я сматываю удочки. Европа и без меня будет существовать или прекратит свое существование, я ей не нужен. Нас угораздило попасть в такое время, когда мелочная закулисная возня ничего не меняет, а лишь ускоряет или оттягивает крушение. Мы подошли к одному из поворотных пунктов истории, сейчас должно утвердиться новое мировоззрение, все остальное бесполезно. У меня уже не хватает мужества сносить насмешки профессиональных политиков, которые своими лекарствами залечат наш континент до смерти. Я знаю, что я прав, но сегодня мне этого уже недостаточно. Я стал комической фигурой, я провалился на экзаменах по двум основным предметам — любви и профессии. Пойми, такому человеку нет места в жизни. Револьвер, который я недавно отобрал у коммуниста возле Бранденбургского музея, опять дождался своего часа. Я взял его тогда, чтобы предотвратить несчастье. Мне бы стать учителем: идеалы в наше время доступны только детям. Итак, Якоб, прощай. Чуть было не написал: я буду часто о тебе думать. Но и с этим покончено. Не поминай меня лихом за то, что я не оправдал наших надежд. Ты единственный человек, которого я любил, несмотря на то, что знал тебя насквозь. Передай привет моим родителям, но прежде всего — твоей матери. Если случайно встретишь Леду, не говори ей, как тяжело я пережил ее обман. Пусть думает, что она здесь ни при чем. Не надо всем все знать.

Я бы попросил тебя уладить мои дела, но улаживать, собственно, ничего. Второй квартирой распорядятся мои родители. С мебелью они могут поступать, как им заблагорассудится. Мои книги принадлежат тебе. Я только что нашел у себя в столе две тысячи марок, возьми эти деньги, их немного, но на небольшое путешествие хватит.

Будь счастлив, мой друг. Живи лучше, чем я. Постарайся. Твой Стефан».

Фабиан осторожно коснулся рукой лба покойного. Нижняя челюсть еще больше отвисла. Рот раскрылся.

— То, что мы живем, — случайность, то, что умираем, — закономерность, — прошептал Фабиан и улыбнулся другу так, словно еще хотел его утешить.

Комиссар тихонько приоткрыл дверь.

— Извините, что я опять вас беспокою. Фабиан протянул ему письмо. Комиссар прочитал его и сказал:

— Значит, я могу отпустить этих девиц. — Вернув Фабиану письмо, он вышел в соседнюю комнату. — Дело можно считать закрытым. Не смею вас больше задерживать, — объявил он.

— Еще минутку, — произнес женский голос, — у меня слабость к покойникам.

Все пятеро протиснулись в дверь и молча стали перед диваном.

— Надо подвязать ему подбородок, — сказала незнакомая Фабиану девушка.

Скульпторша бросилась в соседнюю комнату и принесла оттуда салфетку. Она подвязала ею подбородок Лабуде, так что рот закрылся, концы салфетки она стянула в узел у него на голове.

— У покойничка зубы болят, — сказала Зелов и злобно рассмеялась.

А Рут Рейтер воскликнула:

— Какое свинство! У меня в ателье сидит Вильгельми, с каждым днем эта скотина становится все здоровее, хотя врачи давно поставили на нем крест. А этот молодой, сильный сам себя уколошил!

Помощник вытолкнул женщин из комнаты. Комиссар сел за письменный стол писать рапорт. Тут вернулся помощник.

— Не лучше ли вызвать машину и доставить покойного на виллу его родителей? — спросил он. Деньги опять валялись на полу. Он нагнулся, поднял их и засунул в карман

Фабиану.

— Родителям уже дали знать? — спросил Фабиан.

— К сожалению, их нет в городе, — отвечал помощник. — Советник юстиции Лабуде куда-то ненадолго уехал, а куда точно, прислуга не знает. Мать в Лугано. Ей послали телеграмму.

— Хорошо, — сказал Фабиан, — мы отвезем его домой.

Помощник комиссара позвонил в ближайший морг. Потом все трое сидели молча и ждали машину. Санитары положили Лабуде на носилки и понесли вниз по лестнице. У подъезда толпились любопытные из соседних домов. Носилки втокнули в машину, Фабиан сел рядом с распростертым телом друга. Комиссар и его помощник откланялись. Фабиан подал им руку. Санитар откинул кверху подножку и захлопнул дверцу. Фабиан и Лабуде в последний раз вместе ехали по Берлину.

Окно в машине было опущено. В его раме промелькнул собор. Потом картина сменилась. Фабиан видел башню, построенную Шинкелем, университет, Публичную библиотеку. Давно ли они вдвоем проезжали здесь на автобусе?

Тогда же возле Бранденбургского музея они отобрали револьверы у двух драчунов. А теперь Лабуде лежит на носилках, проезжает через Бранденбургские ворота и уже знать ничего не знает. Два тугих ремня крепко держат тело. Голова медленно сползает набок.

— Помнишь? — тихо спросил Фабиан, положил голову Лабуде на подушку и придержал ее рукою. — «У покойничка зубы болят», — сказала Зелов.

Когда санитарная машина подъехала к груневальдской вилле, вся прислуга уже дожидалась у ворот. Экономка плакала навзрыд, впереди санитаров шел исполненный достоинства лакей, следом горничные, — печальные, как и подобало в такую минуту. Лабуде внесли в его комнату и положили на диван. Лакей широко распахнул окно.

— Утром придет женщина обмыть покойника, — сказала экономка, тут уже зарыдали и горничные.

Фабиан дал деньги санитарам. Они отсалютовали по-военному и ушли.

— Господин советник юстиции все еще не приехал, — сказал лакей. — Понятия не имею, где он задержался. Но он прочтет об этом в газете.

— В газетах уже напечатано? — спросил Фабиан.

— Так точно, — отвечал лакей, — госпожу советницу уже уведомили. Завтра днем она должна быть в Берлине, если ей позволит состояние здоровья. В этот час скорый поезд уже подходит к Беллинцоне.

— Идите спать, — сказал Фабиан. — Я всю ночь буду здесь. — Он подвинул стул к дивану. Другие вышли из комнаты. Он остался один.

Мать Лабуде сейчас в Беллинцоне? Фабиан сел рядом с другом и подумал: «Какая страшная кара для плохой матери!»

Глава девятнадцатая **Фабиан защищает друга** **Разбитый портрет лессинга** **Одиночество в халензее**

Салфетка, видно, недостаточно крепко связала лицо Лабуде. Оно изменялось. Плоть стала как бы густотекучей и постепенно просачивалась внутрь, резко обрисовались скулы. Глаза глубоко ввалились в почерневшие орбиты. Ноздри запали, словно от злой усмешки.

Фабиан, склонившись над ним, думал: почему ты так меняешься? Хочешь облегчить мне прощанье? О, если бы ты мог говорить, мой милый, я о многом должен спросить тебя. Ну, хоть теперь-то тебе хорошо? Теперь, когда ты умер, ты доволен, что не живешь больше? Или раскаиваешься в содеянном? Хотелось бы тебе, чтобы обратилось вспять необратимое? Раньше я думал, что, стоя у тела человека, которого люблю, я никак не смогу понять, что он мертв. Ну, как поймешь, что его нет больше, если он лежит перед тобой в галстукке, в

крахмальном воротничке, в том самом костюме, что был на нем вчера? Как поверишь, что человек, только потому что он больше не дышит, превратился в кусок мяса, который через три дня, за ненадобностью, зароят в землю, думалось мне. И когда его будут зарывать, неужели никто не крикнет: на помощь, он задохнется! Должен признаться, Стефан, этот страх мне теперь непонятен: как можно усомниться в смерти и в ее неизбежности? Ты мертв и лежишь словно неудачный снимок самого себя, который желтеет на глазах. И эту фотографию бросят в печь, называемую крематорием. Ты сгоришь, никто никого не позовет на помощь, и я тоже буду молчать.

Фабиан подошел к письменному столу и взял сигарету из желтой деревянной коробочки, уже годами стоявшей там. На стене висела гравюра — портрет Лессинга.

— Вы в этом виноваты, — обратился Фабиан к человеку с косицей и указал на Лабуде. Но Готхольд Эфраим Лессинг не обратил внимания на упрек, сделанный ему через сто пятьдесят лет после его кончины. Он смотрел прямо перед собой строгим и твердым взглядом. Его широкое крестьянское лицо не дрогнуло.

— Ну, чего уж там, — проговорил Фабиан, отвернулся и снова сел рядом с другом.

— Да, — сказал он ему, — это был человек, — и большим пальцем указал на портрет позади себя. — Он кусался, бросался в бой, размахивая гусиным пером, словно саблей. Он явился в этот мир для битвы, — ты нет. Он жил не для себя и частной жизни не ведал, ему ничего не было нужно. А когда вспомнил о себе, когда потребовал у судьбы жену и ребенка, все на него обрушилось, погребло его под обломками. И это было в порядке вещей. Кто хочет жить для других, должен пренебречь собою. Должен быть как врач, чья приемная день и ночь полна людей, и среди них сидит кто-то один, чья очередь никогда не подходит, но он не жалуется, ибо это он сам. Разве ты мог бы так жить? — Фабиан провел рукой по коленям друга и покачал головой. — Я желаю тебе счастья, потому что ты мертв. Ты был хорошим человеком, добропорядочным малым, ты был моим другом, но тем, кем ты больше всего хотел быть — ты не был. Твой характер существовал лишь в твоём представлении, а когда оно рухнуло, от тебя не осталось ничего, кроме пистолета и того, что лежит теперь на диване. Пойми, скоро начнется гигантская битва, сначала за кусок хлеба с маслом, позднее за плюшевый диван; одни хотят сохранить, а другие завоевать, они будут дубасить друг друга, как титаны, и в конце концов разрубят диван, чтобы он никому не достался. Среди зачинщиков, с той и с другой стороны, найдутся зазывалы, они придумают гордые лозунги и опьянеют от собственного рыка. Возможно, среди них даже будет несколько настоящих людей. Если они вздумают два раза подряд сказать правду, их повесят. Тебя бы даже не повесили, просто засмеяли бы до смерти. Ты не был ни реформатором, ни революционером. Не жалею об этом.

Лабуде лежал, казалось, слушая его. Но это только казалось. Фабиан умолк. Он устал. «Почему ты не испытывал удовлетворения, находя прекрасное прекрасным? — думал он. — Тогда неудача с господином Лессингом не уязвила бы тебя так больно. Тогда ты, возможно, сидел бы в Париже, вместо того чтобы лежать здесь. Тогда глаза у тебя были бы открыты и ты с восторгом смотрел бы с Сакре-Кёр вниз на мерцающие бульвары, над которыми воздух дрожит от жары. Или мы с тобой вдвоем пошли бы гулять по Берлину. Листва на деревьях выглядит свежепокрашенной, голубое небо усыпано золотом, девушки — загляденье, и если одна из них и переспит с продюсером, найдется другая, еще лучше. Старый изобретатель, вот кто любил жизнь! Я ведь тебе даже не рассказал, как он стоял у меня в шкафу. Он был в шляпе и в руках держал зонтик, боялся, наверно, а вдруг в шкафу пойдет дождь».

Фабиан проспал недолго, что-то вдруг разбудило его. С улицы донеслись голоса, и он подошел к окну. Перед домом остановилась машина, слуга сбежал со ступенек и открыл дверцу. Советник юстиции вышел из машины, держа в руках газету. Слуга кивнул и указал вверх, на окно, у которого стоял Фабиан. Какая-то женщина хотела было выйти из машины, но советник толкнул ее обратно на сиденье. Машина тронулась. Женщина прижалась лицом к стеклу. Советник юстиции вошел в дом. Лакей следовал за ним, растопырив руки, чтобы в случае чего подхватить хозяина.

Фабиан вышел в коридор; не хотел быть свидетелем того, как отец увидит мертвого сына. Советник поднимался по лестнице, опираясь на перила, старый лакей — за ним, готовый в любую минуту поддержать его, но отец Лабуде не упал. Он прошел, не взглянув на Фабиана, в освещенную комнату. Лакей закрыл за ним дверь и вытянул шею, прислушиваясь, не понадобится ли он. Но в комнате все было тихо. Фабиан и лакей стояли в коридоре каждый на своем месте, не глядя друг на друга и напряженно вслушиваясь. Готовые к состраданию, они ждали хотя бы стоны или чего-либо в этом роде. Но ничего не услышали. Сцена за дверью осталась неразгаданной.

Звонок. Лакей ринулся в комнату и тотчас же вышел обратно.

— Господин советник юстиции хочет вас видеть. Старший Лабуде сидел у письменного стола,

подперев голову рукой. Потом он распрямился, встал, чтобы приветствовать друга своего сына, и натужно улыбнулся.

— К трагическим событиям я отношения не имею, — сдавленным голосом проговорил он. — Та капля сострадания, которую допускает мой эгоизм, благодаря судебным речам и всей процессуальной рутине, приобрела неестественный блеск, отражающий все, что угодно, только не истинное сострадание. — Он круто повернулся и стал смотреть на сына, казалось, просил прощения у покойного. — Не стоит упрекать себя, — продолжал он. — Я не из тех отцов, что живут для своих сыновей. Я пожилой человек, охочий до радостей и влюбленный в жизнь. И жизнь, конечно, не утратит смысла из-за сего прискорбного факта... — Советник юстиции вытянутой рукою указал на покойника. — Стефан знал, что делает. И если этот поступок он счел наиболее разумным, то нам нечего его оплакивать.

— По тому, как трезво вы рассуждаете, можно подумать, что вы многое ставите себе в упрек, — отозвался Фабиан. — Но это не имеет смысла. Видимая причина самоубийства Стефана — вне нашей сферы.

— Вы что-нибудь знаете? Он оставил письма? — спросил советник юстиции.

О письме Фабиан умолчал.

— Коротенькая записка все разъяснила. Тайный советник отклонил работу Лабуде как неудовлетворительную.

— Я ее не читал. Ни на что не хватает времени. Его работа действительно так плоха?

— В истории литературы это одна из лучших, оригинальнейших работ, какие я знаю, — отвечал Фабиан. — Вот она. — Он снял с книжной полки копию и положил на письменный стол.

Советник юстиции полистал ее. Затем велел принести телефонную книгу и нашел нужный номер.

— Правда, сейчас уже поздно, — сказал он, снимая трубку, — но ничего не подделаешь. — Его соединили немедленно. — Могу я говорить с тайным советником? — спросил он. — Тогда попросите госпожу советницу. Да, даже если она спит. Это говорит советник юстиции Лабуде. — Он немного подождал. — Извините меня за беспокойство, я слышал, что ваш супруг в отъезде. В Веймаре? Так, на заседании Шекспировского общества. Когда он вернется? Я позволю себе завтра разыскать его в институте. Вы не знаете, прочел он уже работу моего сына? — Он долго слушал, потом попрощался, положил трубку на рычаг и, повернувшись к Фабиану, спросил — Вы что-нибудь понимаете? Тайный советник на днях за обедом говорил, что работа о Лессинге чрезвычайно интересна и что он с нетерпением ждет окончательных выводов, то есть завершения работы. Кажется, о смерти Стефана там еще ничего не знают.

Фабиан в волнении вскочил.

— Он похвалил работу? Разве отклоняют работу, которую хвалят?

— Во всяком случае, чаще принимают работу, которую считают негодной, — сказал советник юстиции. — А сейчас мне хотелось бы остаться одному. Я буду здесь, со своим сыном, и прочту рукопись. Он просидел над нею пять лет, верно?

Фабиан кивнул и подал ему руку.

— А вот и причина его смерти, — сказал Лабуде-старший, указывая на портрет Лессинга. Потом снял его со стены, с видом вполне спокойным, разбил его об угол письменного стола и позвонил. Явился лакей.

— Выброси вон эту мерзость и принеси лейкопластырь, — приказал советник юстиции. Он до крови порезал правую руку.

Фабиан еще раз взглянул на мертвого друга и вышел из комнаты, оставив отца наедине с сыном.

Он слишком устал, чтобы заснуть, и слишком устал, чтобы предаться своему горю, как того требовал сегодняшний день. Коммивояжер с Мюллер-штрассе, кажется, его фамилия Хетцер, наверное, держится за щеку. Его жена, неудовлетворенная, лежит в постели, Корнелия вторую ночь с Макартом, все это проносилось перед глазами Фабиана как в волшебном фонаре, без третьего измерения, где-то на далеком горизонте памяти. Даже то, что Лабуде мертвый лежал на диване в какой-то вилле, сейчас было всего-навсего мыслью. Боль, точно спичка, — догорела и потухла. Ему вспомнилось подобное душевное состояние в детстве, когда от горя, казавшегося ему огромным и непоправимым, он так долго плакал, что резервуар, откуда вытекала боль, опустел. Чувства отмерли, как позднее, после сердечных спазмов, отмирали кончики пальцев. Печаль, его переполнявшая, была бесчувственной, боль — холодной.

Фабиан, шагая по Кенигс-аллее, поравнялся с «Дубом Ратенау». Два венка висели на нем. На этом углу убили очень умного человека. «Ратенау должен был умереть, — сказал ему однажды писатель национал-социалист. — Причина — его наглость, он был евреем и захотел стать немецким министром иностранных дел. Вы представьте себе, что во Франции колониальный негр претендовал бы на Кэ-д'Орсэ, вряд ли это устроило бы французов».

Политика и любовь, честолюбие и дружба, жизнь и смерть — ничто не трогало Фабиана. Один на один с собою он шагал по ночной улице. Над Луна-парком взвился к небу фейерверк и пестрыми огненными снопами посыпался вниз. Но на полпути к земле снопы растаяли, бесследно исчезли, и новые трескучие ракеты заполонили воздух. У входа в парк висела афиша: «Фернандо, чемпион мира в танцевальном марафоне, перекрывает свой собственный рекорд. Он намерен танцевать 200 часов подряд. Вино только по желанию зрителей».

Фабиан зашел в пивную рядом с железнодорожным туннелем Халлензее. Разговоры сидящих за столиками показались ему полнейшей бессмыслицей. Маленький иллюминированный цеппелин, со светящейся рекламой шоколада, пролетел над его головой по направлению к центру города. Поезд с освещенными окнами промелькнул под мостом. Автобусы и трамваи длинной цепью растянулись по улице. За соседним столиком человек с нависающим на воротничок затылком отпускал какие-то шутки, а женщины, сидевшие с ним, визжали, словно им под юбку забрались мыши.

«Зачем все это?» — подумал Фабиан, быстро расплатился и пошел домой.

На столе лежало несколько писем. Это вернулись его заявления о приеме на работу. Нигде ни одной вакансии, сообщали ему с «глубоким сожалением». Фабиан умылся. Лишь спустя несколько минут он поймал себя на том, что неподвижно сидит на диване, прижимая к мокрому лицу полотенце, и из-под него тупо смотрит на ковер. Он вытер лицо, отшвырнул полотенце, лег и заснул. Свет горел у него всю ночь.

Глава двадцатая **Корнелия в автомобиле** **Тайный советник ничего не знает** **Фрау лабуде теряет сознание**

Когда на следующее утро Фабиан проснулся и увидел, что в комнате горит свет, он не сразу вспомнил события вчерашнего дня. Он чувствовал себя разбитым и несчастным, но еще не знал почему. Он закрыл глаза, и только теперь его горе ясно представилось ему. Все

случившееся внезапно — точно с улицы в окно швырнули камень — всплыло в памяти. Он снова знал то, что на время стерла усталость: боль, зародившаяся в подсознании, словно падала куда-то вглубь, росла и преображалась в падении, и также возрастал удельный вес этой боли, что лавиной обрушивалась на сердце Фабиана. Он повернулся к стене и закрыл уши руками. Вдова Хольфельд принесла ему завтрак и, хотя в комнате горел свет и Фабиан лежал не в постели, а на диване, никакого скандала не устроила. Она поставила поднос на стол, выключила электричество и вообще вела себя как сестра милосердия в больнице.

— Примите самое искреннее мое соболезнование, — сказала она, — я только что все прочитала в газете. Для вас это тяжелый удар. А родителям-то какво! — В голосе ее звучало искреннее участие и теплота. Это было уж слишком.

Он справился с собой и пробормотал:

— Спасибо.

Фабиан лежал, покуда она не вышла из комнаты; потом встал и быстро оделся. Ему необходимо повидать тайного советника. Со вчерашнего вечера его терзало одно подозрение, без всяких видимых причин, становившееся все более мучительным. Ему необходимо в университет. Не успел он выйти, как к дому подъехала роскошная машина.

— Фабиан! — крикнул чей-то голос. Это была Корнелия. Она махала ему из машины. Когда он приблизился, она вышла.

— Бедный мой Фабиан, — проговорила она и погладила его руку. — Я не могла дожидаться вечера, и он дал мне свою машину. Я явилась некстати? — Корнелия понизила голос. — Шофер слушает нас, — и уже громче спросила: — Куда ты собрался?

— В университет. Он покончил с собой потому, что его работу отклонили. Я должен поговорить с тайным советником.

— Я подвезу тебя. Можно? — робко попросила она. — Пожалуйста, в университет, — обратилась она к шоферу, они сели в машину и поехали по направлению к центру.

— Ну, как ты провела вчерашний вечер? — осведомился Фабиан.

— Не говори об этом, — взмолилась она. — Мне все время чудилось, что тебе грозит какая-то беда. Макарт говорил со мной о роли, которую я должна буду играть. Я едва слушала его, так меня давило недоброе предчувствие. Точно перед грозой.

— А что это за роль? — Слово «предчувствие» он пропустил мимо ушей. Он ненавидел привычку приоткрывать будущее, как одеяло, и еще больше ненавидел последующие горделивые заявления — я, мол, все это предвидел. Какое грубо фамильярное обхождение с судьбой! Его отвращение ничего общего не имело с проблемой — существуют предчувствия или нет. Он считал дерзостью быть на короткой ноге с тем, что еще покрыто тайной. Он был пассивен в жизни, но эту пассивность никак нельзя было назвать фатализмом.

— Очень странная роль, — отвечала она. — Ты только подумай, в фильме мне предстоит играть жену, муж которой тешит свою извращенную фантазию, требуя, чтобы она непрестанно преображалась. Он человек с патологическими отклонениями и принуждает ее изображать то наивную девочку, то утонченную женщину, потом пошлую бабенку или безмозглое, но элегантно созданное. При этом выясняется, для нее позже, чем для него и для зрителей, что она совсем не та, за которую себя считает. Они оба поражены, потому что она неудержимо превращается из одного существа в другое, под конец уже против его воли, и таким образом становится той, которой была искони. А была она, как это выяснилось, вульгарной и властолюбивой, и он трагически погибает вследствие конфликта, вызванного к жизни его же приказами.

— Это идея Макарта? Остерегись, Корнелия, он опасный человек. Он хоть и заставит тебя только сыграть это превращение, но втихомолку сам с собой побьется об заклад, что ты станешь такою и на самом деле.

— Это еще не беда, Фабиан. Такие люди жаждут превосходства. Новый фильм будет как бы школой жизни.

Фабиан порылся в карманах, вытащил пачку денег, отсчитал тысячу марок и дал их Корнелии.

— Вот, Лабуде оставил мне деньги, возьми половину. Мне будет спокойнее.

— Если бы третьего дня у нас было две тысячи марок... — сказала она.

Фабиан пристально смотрел на шофера, который все время заглядывал в маленькое вогнутое зеркальце, наблюдая за ними.

— Твоя гувернантка, чего доброго, наскочит на дерево. Вперед смотреть надо, — крикнул он, и шофер на секунду оторвался от зеркала.

— Вечером я приеду без него, — сказала Корнелия.

— Не знаю, буду ли я дома, — ответил Фабиан. Она на мгновение робко прижалась к нему.

— Все равно я приду, может быть, я тебе понадобится.

Возле университета он сошел. Она со своим конвоиром поехала дальше.

Институтский служитель открыл ему. Тайный советник еще не вернулся из поездки, но его ждут с минуты на минуту. Ассистент? Да, он здесь.

В приемной сидел советник юстиции Лабуде с женой. Она выглядела совсем старой, заплакала, когда Фабиан поздоровался с ней, и сказала:

— Мы совсем о нем не заботились.

— Стоит ли теперь упрекать себя, — отвечал Фабиан.

— Он же был взрослым человеком, — заметил советник юстиции. Жена его громко всхлипнула, лоб у нее пошел морщинами. — Сегодня ночью я читал работу Стефана, — продолжал советник. — Конечно, в вашей специальности я мало что смыслю и не берусь утверждать, что все основы исследования правильны. Но выводы интересны и остроумны, это не подлежит сомнению.

— С основами исследования тоже все в полном порядке, — заметил Фабиан. — Это выдающаяся работа. Ну где же тайный советник!

Фрау Лабуде тихонько плакала.

— Почему сейчас, когда он уже мертв, вы стараетесь зачеркнуть причину его смерти? — спросила она. — Давайте лучше уйдем отсюда. — Она поднялась и схватила за руки обоих мужчин. — Да почиет он с миром.

— Садись, Луиза, — сказал ее муж.

И тут вошел тайный советник, несколько по-старомодному элегантный, с глазами навывкате. Следом за ним, по крутой институтской лестнице взобрался служитель с его чемоданчиком.

— Это ужасно, — произнес тайный советник и, склонив набок голову, направился к родителям Лабуде. Мать плакала в голос, когда он пожимал ей руку, да и отец был глубоко растроган.

— Мы знакомы, — сказал Фабиану старый историк литературы. — Вы были его другом. — Он отпер дверь в свой кабинет, попросил всех войти, извинился, что на минуту их задержит, и, пока они молча рассаживались за столом, вымыл руки, как врач перед осмотром больного. Служитель держал наготове полотенце.

Вытирая руки, тайный советник сказал ему:

— Меня ни для кого нет. — Служитель удалился, тайный советник подсел к столу. — Купил я сегодня в Наумбурге газету, — начал он, — и первое, что бросилось мне в глаза, было сообщение о трагической кончине вашего сына. Прошу простить меня за нескромный вопрос: что, во имя всего святого, подвигло вашего сына на этот страшный шаг?

Советник юстиции сжал в кулак руку, лежавшую на столе.

— И вы не догадываетесь? Тот покачал головой.

— Не имею ни малейшего представления. Мать Лабуде вскинула руки и молитвенно их сложила. Взгляд ее заклинал мужчин не продолжать этот разговор.

Но отец перегнулся через стол:

— Мой сын застрелился, потому что вы отклонили его работу.

Тайный советник вытащил из кармана шелковый носовой платок и отер себе лоб.

— Что? — беззвучно произнес он. Он встал и глазами навывкате уставился на сидящих,

словно опасаясь, уж не сошли ли они с ума. — Но это же невозможно, — шепотом добавил он.

— Тем не менее это так! — крикнул советник юстиции. — Надевайте свое пальто, пойдемте взглянем на нашего сына! Он лежит на диване мертвее мертвого.

Фрау Лабуде смотрела прямо перед собой широко раскрытыми неподвижными глазами, потом сказала:

— Вы во второй раз убиваете его.

— Это наваждение какое-то, — пробормотал тайный советник. Он схватил за руку Лабуде-старшего. — Я отклонил его работу? Кто это сказал? Кто это сказал? — выкрикнул он. — Отметив, что его работа наиболее значительное достижение в области истории литературы за последние годы, я передал ее факультету. В своем заключении я написал, что труд доктора Стефана Лабуде, несомненно, вызовет живейший интерес специалистов. Я написал, что доктор Лабуде в своем труде осветил важнейшую проблему немецкого просвещения и тем оказал неоценимые услуги современному литературоведению. Я написал, что никогда еще ни один из моих учеников не представлял мне работы столь зрелой и значительной и что я предлагаю срочно выпустить ее специальным изданием, в серии трудов института. Кто смел сказать, что эта работа отклонена мною?

Родители Лабуде сидели без движения.

Фабиан поднялся. Он дрожал всем телом.

— Одну минуту, — хрипло проговорил он, — я схожу за ним. — И опрометью ринулся вниз по лестнице в библиотеку. Доктор Векхерлин, научный сотрудник института, сидел склонившись над картотекой и раскладывал по местам карточки, на которых значились новоприобретения библиотеки. Он раздраженно поднял близорукие глаза, прищурился и спросил:

— Что вам угодно?

— Тайный советник немедленно требует вас к себе, — сказал Фабиан, но когда тот лишь кивнул в ответ и не двинулся с места, продолжая перебирать карточки, схватил его за шиворот, стащил со стула и вытолкал за дверь.

— Что вы, собственно, себе позволяете? — пробормотал Векхерлин. Но Фабиан, вместо ответа, двинул его кулаком в лицо. Ассистент поднял руку, защищаясь, однако ни слова не сказал и покорно поплелся вверх по лестнице. Перед кабинетом тайного советника он было помедлил, но Фабиан распахнул дверь. Тайный советник и родители Лабуде вздрогнули. У Векхерлина текла кровь из носа.

— Я должен в вашем присутствии задать несколько вопросов этому господину, — проговорил Фабиан. — Доктор Векхерлин, вы говорили вчера моему другу Лабуде, что его работа отклонена? Говорили, будто бы тайный советник счел, что передать ее на факультет — значило бы только напрасно обременить профессуру? Вы говорили, что господин тайный советник лично отклоняет эту работу, желая избавить Лабуде от публичного позора?

Фрау Лабуде застонала и, теряя сознание, соскользнула со стула. Ни один из троих мужчин не удострил ее даже взглядом. Они стояли, наклонясь, и ждали ответа.

— Векхерлин, — прошептал тайный советник, тяжело облокачиваясь на спинку стула.

Бледное широкоскулое лицо Векхерлина сморщилось, словно он хотел улыбнуться, губы разжались — раз, другой.

— Долго нам ждать? — грозно произнес тайный советник.

Векхерлин, держась за ручку двери, пролепетал:

— Я просто пошутил!

Тут закричал Фабиан, это был нечленораздельный звук, скорее даже звериный вопль. Подскочив к Векхерлину, он стал дубасить его кулаками, непрерывно, куда попало. Бессознательно, как автоматический молот, он наносил ему удар за ударом.

— Сволочь! — вдруг рявкнул Фабиан и обоими кулаками хватил его прямо в лицо. Векхерлин все еще улыбался, словно намереваясь извиниться. Он забыл, что держится за ручку двери, забыл, что можно выбежать из комнаты. Град ударов на мгновение свалил его с

ног. Держась за ручку, он поднялся, дверь приоткрылась. Только сейчас он вспомнил, что хотел сделать, и выскочил в коридор. Фабиан за ним, шаг за шагом они подходили к лестнице, что вела в нижний этаж, один бил, другой истекал кровью.

Внизу у подножья лестницы толпились студенты — шум выманил их из аудиторий. Они стояли молча и ждали, словно чувствовали — то, что происходит наверху, справедливо.

— Сукин сын! — выдавил из себя Фабиан и опять двинул ассистента в подбородок. Векхерлин упал, стукнулся головой о ступеньку и с грохотом покатился вниз по деревянной лестнице. Фабиан ринулся за ним, чтобы снова на него наброситься, но тут два студента схватили его.

— Пустите меня! — кричал он и, точно помешанный, рвался из державших его рук. — Пустите меня! Я убью его! — Кто-то зажал ему рот рукой. Служитель встал на колени и склонился над Векхерлином. Тот попытался было подняться, но со стоном повалился на пол. Его сволокли в библиотеку. На втором этаже, у самой лестницы, стояли тайный советник и отец Лабуде. Из открытой двери доносились протяжные стоны, мать Стефана пришла в сознание.

— Ах, вот как, это была всего-навсего шутка, — воскликнул советник юстиции и бессмысленно засмеялся.

Тайный советник веско, как будто бы он нашел наконец выход, проговорил:

— Доктор Векхерлин уволен! — Студенты отпустили Фабиана, он склонил голову, может быть, это был прощальный кивок, и вышел из института.

Глава двадцать первая **Фрейлейн доктор становится кинозвездой** **Старая знакомая** **Мать продает жидкое мыло**

Всего-навсего шутка!

Господин Векхерлин глупо пошутил, а Лабуде из-за его шутки умер. Это ведь только с виду было самоубийство. Мелкий служащий института убил его друга. Он по капле влил ему в ухо отравленные слова, точно мышьяк в стакан воды. Смеха ради он прицелился в Лабуде и спустил курок. Из незаряженного ружья последовал смертоносный выстрел.

Идя по Фридрихштрассе, Фабиан все еще видел перед собой трусливо улыбающееся лицо Векхерлина и, удивляясь, спрашивал себя: «Почему я накинулся на него с кулаками так, словно хотел уничтожить все и вся? Почему ярость во мне пересилила горе от бессмысленной гибели Лабуде? Разве человек, вроде Векхерлина, непреднамеренно ставший причиной такого несчастья, не заслуживает скорее сострадания, чем ненависти? Разве сможет он когда-нибудь спать спокойно?» Фабиан начинал понимать его побуждения. Не так уж непреднамеренно действовал Векхерлин. Он хотел попасть в Лабуде, не убить его, но ранить. Бездарный отомстил талантливому. Его ложь была детонатором. Он швырнул ее в Лабуде и убежал, чтобы издали злорадно наблюдать взрыв.

Векхерлина уволили, да еще он, Фабиан, избил его. Разве не лучше, если бы он остался на своем посту и не был избит? Разве не лучше, если бы ложь Векхерлина жила и дальше, раз Лабуде все равно мертв? Вчера смерть друга исполнила его печали, сегодня ввергла в душевный разлад. Правда всплыла на свет, но кому от этого легче? Может быть, родителям Лабуде, которые знают теперь, что их сын стал жертвою подлой лжи? Но прежде чем они узнали правду, лжи не существовало. Теперь справедливость восторжествовала, а самоубийство, задним числом, превратилось в трагическую шутку. Фабиан подумал о предстоящих похоронах Лабуде, и дрожь пробрала его, он уже видел себя шагающим в похоронной процессии, видел у гроба родителей Лабуде, где-то поблизости был и тайный советник. Мать Лабуде громко вскрикнула, сорвала траурный флер со своей черной шляпы и со стоном упала наземь.

— Осторожней! — досадливо сказал кто-то. Фабиана толкнули, и он остановился. Надо

было, верно, не доискиваться правды, а замять все это дело с Векхерлином. Надо было не разглашать истинное положение вещей, а молчать обо всем, дабы уберечь родителей Лабуде. Почему Лабуде, вплоть до последнего своего письма, был так основателен, так любил порядок? Зачем он назвал мотив своего поступка? Фабиан пошел дальше. Свернул на Лейпцигерштрассе. Было двенадцать часов. Служащие всевозможных контор и продавщицы толпились на остановках и штурмовали автобусы, обеденный перерыв длился недолго.

Не встань ему поперек дороги этот Векхерлин, узнай Лабуде, как в действительности была оценена его работа, он был бы жив сейчас. Более того, успех окрылил бы его, облегчил бы ему муки разочарования в истории с Ледой и дал бы выход его политическому честолюбию. Зачем он просидел пять лет над этой работой? Верно, хотел доказать себе самому, на что он способен. Он рассчитывал на успех, мысленно взвесив все «за» и «против», он включил его в калькуляцию своего развития, и калькуляция эта была правильна. И все-таки он больше поверил лжи Векхерлина, чем собственному убеждению.

Нет, Фабиан не хотел видеть, как его друга препровождают в небытие. Надо бежать из этого города. Он посмотрел на одну из пронесшихся мимо машин. Не Корнелия ли сидит в ней? Рядом с толстым мужчиной? Сердце у него остановилось. Нет, не она. Он должен уехать, и никакие силы его не остановят.

Фабиан пошел на вокзал. Не заехал даже к вдове Хольфельд, бросив в ее комнате все, как есть. Не заглянул к Захариасу, к этому пустому изолгавшемуся человеку. Он пошел прямо на вокзал.

Скорый поезд отходил через час. Фабиан купил билет, запасся газетами и, усевшись в зале ожидания, стал их просматривать.

На заседании экономического совета было высказано требование значительно расширить международные связи. Вероятно, просто красноречие. Или вправду начали понимать то, что давно уже знали все? Или догадались, что разумнее всего действовать разумно? Может, Лабуде был прав? Может, и в самом деле, не стоило дожидаться морального подъема падшего человечества? Выходит, что моралисты, а Фабиан был моралистом, могут достигнуть цели путем экономических мероприятий? Выходит, нравственные требования невыполнимы только потому, что они бессмысленны? И проблема порядка в мире не более как проблема порядка в делопроизводстве?

Лабуде мертв. Его бы это привело в восторг. Это соответствовало бы его планам. Фабиан сидел в зале ожидания, мыслил мыслями своего друга, но все в полной апатии. Чего хотел Лабуде? Чтобы жизнь стала лучше? Нет, он хотел, чтобы лучше стал человек. Чем была бы для него эта цель без пути к ней? Он хотел, чтобы у всех было в день на обед по десять кур, хотел, чтобы у всех был радиофицированный клозет и семь автомобилей, на каждый день недели. Но чего можно этим достичь, если достигнуто ничего, кроме этого, не будет? Или ему внушали, что люди станут лучше, если им будет лучше жить? Но тогда владельцы нефтяных промыслов и угольных шахт должны быть просто ангелами!

Разве он не сказал Лабуде: «В твоём раю люди ещё будут бить друг друга морду!» Разве элизиум со средним доходом в двадцать тысяч марок на каждого варвара — достойный человека итог?

Покуда он, сидя в зале ожидания, оборонял свою моральную позицию от исследователей конъюнктуры, в нём вновь зашевелились сомнения, уже давно червячками подтачивавшие его душу. Стоили те гуманные, порядочные, нормальные люди, о которых он мечтал, того, чтобы о них мечтать? Не стал ли этот земной рай, достижим он или нет, адом уже в воображении? А можно было бы вообще жить в такой позолоченный благоденствием век? Не привело бы это к полному идиотизму? Возможно, что плановое хозяйство, основанное на безудержной корысти, было бы не только легче переносимым «идеальным» состоянием. Имела ли его утопия лишь руководящее значение и была ли в качестве реальности так же мало желанна, как и мало достижима? Или он просто обращался к.

человечеству, как к возлюбленной: «Хочешь, я тебе звезды с неба достану?» Такое обещание достойно похвалы, но беда, если оно будет исполнено. Что стала бы делать его несчастная возлюбленная со звездами, если бы он их ей притащил? Лабуде твердо стоял на земле, опираясь на факты, хотел двигаться вперед, но споткнулся. Он, Фабиан, не имея достаточного веса, парил в пространстве, но остался жить. А надо ли ему жить, если он не знает зачем? Почему нет больше в живых друга, который знал зачем? Умирают те, кто должен был бы жить, а живут те, кому следовало бы умереть.

В приложении к бульварной газетенке, лежавшем у него на коленях, Фабиан опять увидел Корнелию. «Юристка стала кинозвездой» значилось под фотографией. «Известный кинопромышленник Эдвин Макарт, — стояло дальше, — открыл фрейлейн доктор Корнелию Баттенберг, и через несколько дней она приступит к съемкам фильма „Маски госпожи Z“».

— Будь счастлива, — прошептал Фабиан и кивнул лицу на фотографии. В другой газете он опять увидел ее. В элегантно легкой шубке она сидела за рулем автомобиля, который он уже знал. Рядом с ней — высокий толстый человек, по-видимому, первооткрыватель собственной персоной. Подпись подтвердила предположение Фабиана. Он казался грубым и хитрым, как черт, не окончивший гимназии. Эдвин Макарт, человек с волшебной палочкой, как утверждала газета. Его новейшее открытие зовется Корнелия Баттенберг. Бывшая стажерка, она олицетворяла собою новый модный тип — интеллигентную немецкую женщину.

— Будь счастлива, — повторил Фабиан, пристально глядя на фотографию. Как давно это было! Он глядел на фотографию, как на могилу. Незримые таинственные ножницы перерезали все нити, связывавшие его с этим городом. Работы не было, друг умер, Корнелия досталась другому, что ему еще делать здесь?

Он осторожно вырвал фотографии, положил их в записную книжку, а газеты выбросил. Ничто больше не держит его, он стремится туда, откуда пришел: домой, в родной город, к матери. Он уже давно покинул Берлин, хотя все еще сидел на Ангальтском вокзале. Вернется ли он сюда? Когда рядом с ним расположились несколько человек, он встал, вышел на перрон и сел в поезд, который ждал сигнала к отправлению.

Скорее отсюда! Минутная стрелка вокзальных часов передвинулась. Скорее бы!

Фабиан сидел и смотрел в окно. Поля и луга мелькали, точно на гончарном круге. Телеграфные столбы делали приседания. Иногда в пляшущем пейзаже попадались махавшие ручонками босоногие крестьянские ребятишки. На выгоне паслась лошадь. Вдоль забора скакал жеребенок и мотал головой. Потом они ехали через темный еловый лес. Стволы поросли серыми лишайниками. Деревья стояли, как прокаженные, которым запрещено выходить из лесу.

Вдруг он почувствовал, что кто-то ищет его взгляд. Он обернулся, его соседи по купе, равнодушные люди, были заняты только собой. Кто же смотрел на него? И тут он увидел в коридоре фрау Ирену Молль. Она курила сигарету и улыбалась ему. Так как он не двинулся с места, она поманила его рукой. Он вышел в коридор.

— Просто комедия, как мы с тобой гоняемся друг за другом, — сказала она. — Куда ты едешь?

— Домой.

— Ты мог бы быть повежливей, — заметила фрау Молль. — Хоть бы спросил, куда я еду.

— Куда же вы едете?

Она прошептала, прижавшись к нему:

— Я в бегах. Один из постельных мальчиков выдал мое заведение. Мне об этом сказал сегодня утром полицейский чиновник, которому я платила двойное жалованье. Поедем со мною в Будапешт?

— Нет, — отвечал он.

— У меня с собой сто тысяч марок. Нам не обязательно в Будапешт, мы можем через

Прагу проехать в Париж. Остановимся в «Клеридже». Или снимем маленькую виллу в Фонтенебло.

— Нет, — сказал он, — я поеду домой.

— Ну, почему? — настаивала она. — Я прихватила с собой и драгоценности. Если мы промотаемся, можно пошантажировать старых дур, которые бегали ко мне переспать с мальчиками. Мне известны кое-какие интересные подробности, глазки сделали свое дело. А может, махнем в Италию? Как ты насчет Белладжио?

— Нет, — сказал он, — я поеду к матери.

— Осел несчастный, — прошипела она, — может, мне упасть перед тобой на колени и объяснить тебе в любви? Что ты имеешь против меня? Или, по-твоему, я слишком свободомыслящая? Тебе по вкусу глупые клуши? Мне уже надоело хвататься за первые попавшиеся штаны. Ты мне нравишься. Мы с тобой то и дело сталкиваемся. Это не случайно. — Она держала руку Фабиана и гладила его пальцы. — Прошу тебя, поедем.

— Нет, — сказал он, — я с вами не поеду. Счастливого пути. — Он шагнул было к своему купе.

Она его остановила.

— Жаль. Очень-очень жаль. Ну, может, в другой раз. — Фрау Молль открыла сумочку. — Тебе нужны деньги? — Она попыталась сунуть ему в руку несколько банкнот.

Он сжал руку в кулак, покачал головой и вошел в купе.

Она еще постояла перед дверью, глядя на него. Он смотрел в окно. Поезд проезжал деревню.

Когда Фабиан приехал, было около шести вечера. Он вышел с вокзала и взглянул на церковь Богоявления. Ему казалось, будто она смотрит на него сверху вниз: почему тебя сегодня никто не встречает? И почему ты приехал без багажа?

Он прошел по дамбе, затем мимо старого виадука, под которым нескончаемый товарный поезд гроыхал так, что гудели каменные своды. Дом, где некогда жил учитель Шанце, был свежепокрашен. Другие стояли, вытянувшись в серую линию, привычную ему с детства. В угловом доме, принадлежавшем акушерке Шредер, открылась новая мясная лавка, в витрине стояли горшки с цветами.

Медленно подходил он к дому, в котором родился. До чего же знакома ему эта улица! Он как свои пять пальцев знал фасады, дворы, знал подвалы и чердаки — убежища своего детства. Но люди, входившие в дома или выходявшие из них, были чужими. Он остановился. «Продажа мыла» — возвещала вывеска над маленькой лавчонкой. На оконном стекле белела записка. Фабиан прочитал ее: «Цены снижены и на высокосортное мыло. „Лаванда“ — двадцать пфеннигов вместо двадцати двух, „Торпедо“ — двадцать пять вместо двадцати восьми». Он подошел к двери.

Мать стояла за прилавком, две женщины перед ней. Она нагнулась, достала пакет стирального порошка и еще перерезала пополам брусок ядрового мыла. Потом взяла лист плотной бумаги и деревянную ложку, зачерпнула жидкого мыла из бочки, взвесила и запаковала. Фабиан, даже стоя на улице, ощутил его запах.

Он нажал ручку двери. Колокольчик зазвенел. Мать подняла глаза и в испуге уронила руки.

Он подошел к ней и дрожащим голосом проговорил:

— Мама, Лабуде застрелился. — Слезы вдруг хлынули у него из глаз. Он толкнул дверь в заднюю комнату, тотчас же прикрыл ее, сел в кресло у окна, бросил взгляд на двор, медленно склонил голову на подоконник и разрыдался.

Глава двадцать вторая

Посещение школьных казарм

Кегли в парке

Прошлое сворачивает за угол

Что с ним такое? — спросил отец на следующее утро.

— Он потерял работу, — объяснила мать, — у него друг покончил с собой.

— Я даже не знал, что у него был друг, — сказал отец, — мне ни о чем не рассказывают.

— Просто ты не слушаешь, — отвечала мать.

В лавке прозвенел колокольчик. Когда фрау Фабиан вернулась в комнату, ее муж читал газету.

— Кроме того, ему не повезло с одной девушкой, — продолжала мать, — но об этом он говорит неохотно. Она училась на адвоката, а теперь снимается в кино.

— Жалко денег за обучение, — заметил муж.

— Красивая девица, — сказала мать Фабиана, — но она живет теперь с каким-то толстяком, с продюсером, тьфу, мерзость.

— И долго он собирается здесь пробыть? — спросил отец.

Мать пожала плечами и налила себе кофе.

— Он дал мне тысячу марок. Эти деньги ему оставил Лабуде. Я их припрячу. У мальчика и так горя не обернуться. Не могу же я их взять себе. Но дело тут не в Лабуде и не в киноартистке. Он не верит в Бога, вот в чем беда. У него нет прибежища.

— В его возрасте я уже почти десять лет был женат, — сказал отец.

Фабиан по Хеерштрассе дошел до гарнизонной церкви и миновал казармы. На круглой, посыпанной гравием площади перед церковью — ни души. Когда же это было? Когда он стоял здесь, — солдат среди тысячи других ему подобных, в длинных брюках, со шлемом на голове, снаряженный для серо-зеленого богослужения, семнадцатилетний, чающий услышать, что хочет возвестить немецкий бог своим воинам. Фабиан остановился у ворот бывшей артиллерийской казармы и прислонился к железной ограде. Утренние и вечерние переключки, артиллерийские учения, смена караулов, лекции о военных займах, выплата денежного содержания — что только не происходило на этом дворе. Здесь он слышал, как старые солдаты, в третий или четвертый раз готовясь к отправке на фронт, держали пари на хлебный паек, кто из них скорее вернется. И разве они не возвращались через неделю в драной форме, с триппером подлинно брюссельского происхождения? Фабиан пошел прямо вдоль старых кичливых гренадерских и пехотных казарм. Вот парк и школа, в ней он годами учился и жил, куда его не посвятили в тайны правой нарезки на стволе огнестрельного оружия, стереотрубы и хобота лафета. Вот улица, ведущая вниз, в город, по ней он тайком, вечерами, бегал домой к матери, хоть на несколько минут. Школа, кадетский корпус, лазарет или церковь — каждое здание на окраине этого города было казармой.

А вот и большой серый дом с остроконечными, крытыми шифером угловыми башенками, казалось, он битком набит детскими горестями. На окнах директорской квартиры по сей день висели белые занавески, контрастируя с чернотой многочисленных голых окон классов, раздевалок и спален. В детстве Фабиану чудилось, что дом со стороны директорской квартиры глубже уходит в землю, настолько весомым было для него наличие этих занавесок. Он вошел в ворота и поднялся по ступенькам. Из классов доносились глухие и звонкие голоса. Пустой коридор был полон ими. На первом этаже слышалось хоровое пение и звуки рояля. Презрев главную широкую лестницу, Фабиан поднялся по узким ступенькам бокового входа, навстречу ему попались двое мальчишек.

— Генрих! — крикнул один. — Тебе велели сейчас же явиться к Аисту с тетрадками!

— Ничего, подождет! — отозвался Генрих, нарочно медленно подходя к стеклянной двери.

Аист, — подумал Фабиан, — ничего здесь не меняется. Учителя все те же и клички все

те же.

Меняются только ученики. Поколение за поколением воспитывается здесь и получает образование. Рано утром швейцар дает звонок. Начинается гонка: спальня, умывальная, раздевалка, столовая. Младшие накрывают стол, приносят масло из ледника и эмалированные кофейники с кухонного подъемника. Гонка продолжается: общая комната, уборка, класс, уроки, столовая. Младшие накрывают стол к обеду. Гонка продолжается: свободное время, работа в саду, футбол, общая комната, приготовление уроков, класс, столовая. Младшие накрывают стол к ужину. Гонка продолжается: общая комната, приготовление уроков, умывальная, спальня. Старшеклассникам позволено еще два часа не ложиться, они гуляют в парке и курят сигареты. Ничего здесь не переменялось, только поколение другое.

Фабиан поднялся на третий этаж и открыл дверь в актовый зал. Утренняя молитва, вечерняя молитва, игра на органе, день рождения кайзера, годовщина битвы под Седаном, битвы под Танненбергом, флаги на башне, отметки перед пасхальными каникулами, прощание с призывниками, открытие курсов для участников войны, и опять звуки органа, и торжественные речи, исполненные достоинства и благочестия. Единство, правда и свобода прочно въелись в атмосферу этого зала. Или теперь, как и прежде, надо становиться по струнке, когда мимо проходит учитель? В среду полагалось два, в субботу три часа свободного времени. Неужели до сих пор инспектор заставляет учеников, лишенных увольнительной, при помощи ножниц превращать газеты в туалетную бумагу? А бывало ли здесь хоть изредка хорошо? Или он всегда чувствовал ложь, которая, как призрак, бродила здесь, и тайную злую силу, превратившую несколько поколений детей в послушных государственных чиновников и тупоголовых бюргеров? Иногда, конечно, бывало хорошо, но только вопреки заведенному порядку. Он вышел из актового зала и по темной винтовой лестнице поднялся в душевые и в спальни, где длинными рядами стояли железные кровати. На стенах, по-уставному, были развешаны ночные рубашки. Порядок прежде всего. По вечерам старшеклассники, придя из парка, забирались в постели к перепуганным малышам. Те молчали. Порядок прежде всего. Фабиан подошел к окну. Внизу, у реки, мерцал город со своими башнями и уступами. Как часто, когда все засыпали, прокрадывался он сюда и разыскивал глазами дом, в котором лежала больная мать. Как часто он прижимался головой к стеклу, силясь удержать слезы. Ни эта тюрьма, ни подавленные рыдания во вред ему не пошли, и это было правильно. Тогда его не удалось доконать. Двое или трое из соучеников застрелились. Не больше. В войну самоубийства стали чаще. Потом еще многих недосчитались. Сегодня половины класса более не существует. Фабиан спустился вниз и, выйдя из школы, направился в парк. В свое время, с метлами, лопатами и остроконечными палками, они трусили здесь за ручной тележкой, сметая пожухлую листву и поддевая палками валявшиеся бумажки. Парк был большой и спускался к ручейку.

Фабиан, идя по старой, знакомой тропинке, присел было на скамейку, несколько минут смотрел на верхушки деревьев, потом пошел дальше, тщетно защищаясь от прошлого, наступавшего на него. Залы и комнаты, деревья и клумбы, все, что сейчас его окружало, было не действительностью, а только воспоминанием. Здесь он некогда оставил свое детство, а теперь вновь его нашел. Спускаясь на него с деревьев, со стен башен, оно завладевало им. Он все глубже погружался в морок тоски.

Фабиан пошел в кегельбан. Кегли стояли наготове, он огляделся — ни души, тогда он взял шар из ящика, замахнулся, побежал и пустил его по деревянному желобу. Шар несколько раз подпрыгнул. Желоб по-прежнему был неровный. Со стуком повалились шесть кеглей.

— Что это значит? — спросил чей-то сердитый голос. — Посторонним здесь делать нечего.

Это был директор. Он почти не изменился. Разве что ассирийская борода еще больше поседела.

— Прошу прощения, — сказал Фабиан, приподнял шляпу и хотел удалиться.

— Одну минуту! — воскликнул директор. Фабиан обернулся.

— Скажите, уж не бывший ли вы наш ученик? — поинтересовался директор. И вдруг протянул ему руку. — Ну, конечно же, Якоб Фабиан! Очень, очень рад. Как это мило! Вас, видно, разобрала тоска по вашей старой школе?

Они пожали друг другу руки.

— Плохое сейчас время, — сказал директор, — безбожное время. Праведникам нелегко приходится.

— А кто эти праведники? — спросил Фабиан. — Дайте мне их адрес.

— Вы все тот же, — заметил директор, — вы всегда были одним из лучших моих учеников и одним из самых дерзких. Интересно, многого вы этим достигли в жизни?

— Государство собирается предоставить мне небольшую пенсию, — отвечал Фабиан.

— Вы безработный? — строго спросил директор. — Я ждал от вас большего.

Фабиан рассмеялся.

— Праведникам нелегко приходится, — пояснил он.

— Если бы вы тогда сдали государственный экзамен на учителя, — воскликнул директор, — вы не остались бы без специальности.

— Я во всех случаях остался бы без специальности, — взволнованно отвечал Фабиан. — Даже если бы сдал экзамен. Я сейчас открою вам секрет: человечество, за исключением пасторов и педагогов, не знает, куда ему податься. Сломался компас, но у вас этого никто не замечает. Вы теперь, как и прежде, ездите вверх и вниз на лифте, из одного класса в другой, так на что же вам, спрашивается, компас?

Директор засунул руки в карманы брюк и сказал:

— Вы меня пугаете. Неужели вы не нашли себе применения? Идите с миром и постарайтесь преодолеть себя, молодой человек. Для чего мы изучали историю? Для чего читали классиков? При таком характере острые углы необходимо сгладить.

Фабиан посмотрел на самодовольного упитанного господина, улыбнулся, сказал:

— Эх, вы, гладкотельный! — и ушел.

На улице он встретил Еву Кендлер, с двумя детишками. Она заметно пополнела. Фабиан удивился, что вообще узнал ее.

— Якоб! — воскликнула она и покраснела. — Да ты нисколько не изменился! Поздоровайтесь с дядей!

Дети протянули ему ручки и сделали книксен. Это были девочки. Они больше походили на мать, чем она на себя прежнюю.

— Мы не виделись по меньшей мере лет десять, — сказал Фабиан. — Как ты живешь? Давно замужем?

— Мой муж — главный врач в Карола-хаус. Большой карьеры там не сделаешь, а до частной практики руки не доходят. Возможно, он поедет с профессором Вандбеком в Японию. Если там дело наладится, я с детьми тоже переберусь туда.

Фабиан кивнул и пристально посмотрел на девочек.

— Тогда было лучше, — тихо сказала Ева, — помнишь, когда мои родители уехали? Мне было семнадцать лет. Как время-то бежит! — Она со вздохом поправила девочкам матросские воротнички. — Не успеешь зажечь собственной жизнью, как на тебя уже ложится ответственность за твоих детей. В этом году мы даже к морю не сможем поехать.

— Это, конечно, ужасно, — заметил он.

— Да, — сказала она, — но нам пора идти. До свидания, Якоб.

— До свидания.

— Дайте дяде ручку!

Мальшки сделали книксен и ушли, прижимаясь к матери. Прошлое свернуло за угол, держа за руки двоих детей, прошлое, ставшее чужим, почти неузнаваемым. «Да ты нисколько не изменился!» — сказала ему Прошлое.

— Ну, как погулял? — спросила мать после обеда, когда они вдвоем распаковывали в лавке ящик отбеливающего порошка.

— Я был наверху, возле казарм. И в школу тоже зашел. А потом встретил Еву. У нее двое детей. Она замужем за врачом.

Мать пересчитывала пакеты и расставляла их на полке.

— Ева? Это та, хорошенькая? Что у вас там было? Ты тогда два дня не являлся домой!

— Ее родители уехали, и мне пришлось пройти с ней полный курс обучения. Ей это было впервой, а я свою задачу выполнил на совесть.

— А я так беспокоилась! — сказала мать.

— Но я же послал тебе телеграмму!

— В телеграммах есть что-то зловещее. Я тогда больше получаса просидела над ней, все не решалась прочитать.

Фабиан доставал пакеты из ящика, мать продолжала ставить их на полку.

— А не лучше ли тебе поискать место здесь? — спросила она. — Или тебе уже не нравится у нас? Ты мог бы жить в гостинной. Да и девушки здесь куда приятнее и не такие сумасшедшие. Может, и жену себе нашел бы.

— Я еще не знаю, как поступить, — отвечал он. — Не исключено, что я останусь. Я хочу работать. Хочу действовать. Хочу, наконец, иметь перед глазами цель. Если я ее не найду, я ее выдумаю. Дальше так продолжаться не может.

— В мое время так не бывало, — заметила мать. — У людей была цель — заработать деньги, жениться, обзавестись детьми.

— Возможно, и я привыкну к этой мысли, — сказал он, — как это ты всегда говоришь?..

Она оставила свои пакеты и многозначительно сказала:

— Человек — раб привычки.

Глава двадцать третья **Пильзенское пиво и патриотизм** **Бидермейер по-турецки** **Фабиана обслуживают задаром**

Под вечер Фабиан пошел в старый город. Его взору уже с моста открылись прославленные на весь мир старинные здания, которые он знал столько, сколько помнил себя: бывший дворец, бывшая Королевская опера, бывшая придворная церковь, удивительные, но бывшие. Луна медленно-медленно, словно скользя по проволоке, перекатилась со шпиля дворцовой башни на шпиль церковной. Терраса, простиравшаяся вдоль берега, вся поросла старыми деревьями и почтенными музеями. Город, его жизнь, его культура были в отставке. Вся панорама напоминала пышное кладбище. На Старом рынке Фабиан встретил Венцката.

— В следующую пятницу наш класс соберется в погребке при ратуше, — сообщил Венцкат, — ты еще будешь здесь?

— Надеюсь, — сказал Фабиан, — если удастся, приду.

Он уже хотел идти дальше, но Венцкат пригласил его в пивную. Жена, сказал он, уже две недели на водах. И они отправились к Гассмейеру пить пильзенское пиво.

После третьей кружки Венцкат ударился в политику.

— Дальше так продолжаться не может, — горячился он. — Я состою в «Стальном шлеме», хотя и не ношу значка, — не имею права из-за моей гражданской практики. Но это дела не меняет. Пора начать отчаянную борьбу.

— Ну, если вы начнете, никакой борьбы не будет, будет только отчаяние, — сказал Фабиан.

— Возможно, ты прав, — воскликнул Венцкат и хватил кулаком по столу. — Тогда, черт возьми, мы все погибнем!

— Не уверен, что народу это придется по душе, — возразил Фабиан. — Неужто у вас хватит смелости обречь на гибель шестьдесят миллионов человек только потому, что понятия о чести у вас точно у рассерженных индюков, которые бросаются на всех и вся?

— В мировой истории всегда так бывало, — решительно заявил Венцкат и осушил свою кружку.

— Значит, она что спереди, что сзади — все одно, ваша мировая история! — вскричал Фабиан. — Такое даже читать стыдно, а еще стыднее вдалбливать это в головы детям. Почему нужно все делать, как когда-то? Будь история так последовательна, мы бы до сих пор сидели на деревьях.

— Ты не патриот, — заявил Венцкат.

— А ты — остолоп, — крикнул Фабиан, — это куда прискорбнее.

Потом они выпили еще пива и, осторожности ради, переменили тему.

— Слушай, у меня блестящая идея, — сказал Венцкат, — давай-ка наведемся в бордель.

— Разве они здесь еще имеются? Я думал, это запрещено законом.

— Конечно, — сказал Венцкат. — Запрещено-то запрещено, однако, кое-что все-таки есть. Одно другому не мешает. Ты получишь удовольствие.

— Сегодня мне не до того, — признался Фабиан.

— Разопьем с девочками бутылку шампанского. Остальное — не обязательно. Сделай милость, пойдем. Ты уж последи за мною, чтоб я жене не доставил неприятностей.

Заведение находилось в маленьком узком переулке. Когда они подошли к нему, Фабиан вспомнил, что здесь устраивали оргии гарнизонные офицеры. Это было двадцать лет назад. Снаружи дом был все такой же. Чем черт не шутит, может, в нем до сих пор живут те же девочки? Венцкат позвонил. За дверью послышались шаги. Кто-то посмотрел на них в глазок. Дверь отворилась. Венцкат беспокойно оглянулся. В переулке — ни души. Можно входить.

Мимо какой-то старухи, пробормотавшей приветствие, они поднялись по узкой деревянной лестнице. Появилась хозяйка заведения.

— Добрый день, Густав, — сказала она, — наконец-то ты снова к нам пожаловал!

— Бутылку шампанского! — крикнул Венцкат. — Лилли еще у вас?

— Нет, зато здесь Лотта. У нее тоже задница — будь здоров! Садитесь!

Шестиугольная комната, в которую их ввели, была обставлена в стиле «бидермейер по-турецки». Лампа отбрасывала красный свет. На обшитых панелями, инкрустированных орнаментом стенах красовались изображения голых женщин. Вдоль стен тянулись низкие мягкие диваны. Фабиан и Венцкат сели.

— Дела здесь, судя по всему, идут неважно, — заметил Фабиан.

— Ни у кого нет денег, — пояснил Венцкат. — И, кроме того, эта специальность уже отжила свое.

Тут появились три молодые женщины, радостно приветствуя завсегдатая. Фабиан, сидя в углу, наблюдал всю сцену. Хозяйка принесла шампанское, разлила по бокалам и провозгласила:

— Ваше здоровье! Все выпили.

— Лотта, — сказал Венцкат, — всем раздеться!

Лотта, толстушка с веселыми глазами, немедленно согласилась и вместе с двумя другими девицами вышла из комнаты. Вскоре все три вернулись голые и подсели к гостям.

Венцкат вскочил и хлопнул Лотту по заду. Она взвизгнула, поцеловала его и, бормоча что-то нечленораздельное, стала теснить к выходу. Они скрылись за дверью.

Фабиан сидел за столом с хозяйкой и двумя голыми девицами и занимал их разговором.

— У вас всегда так пусто? — поинтересовался он.

— Недавно, во время певческого праздника, отбою не было от посетителей, — сказала блондинка, задумчиво играя своими сосками. — На мою долю в день доставалось человек по восемнадцать. Но обычно мы тут с тоски подыхаем.

— Как в монастыре, — обреченно вздохнула маленькая брюнетка и придвинулась к нему поближе.

— Еще бутылочку? — спросила хозяйка.

— Пожалуй, не стоит, — сказал Фабиан. — Я захватил с собой всего несколько марок.
— А, ерунда! — воскликнула блондинка. — У Густава денег хватит. К тому же у него здесь кредит.

Хозяйка отправилась за второй бутылкой.

— Пойдем ко мне наверх, — предложила блондинка.

— Я, кажется, уже сказал, что у меня нет денег, — отвечал Фабиан, радуясь, что не надо лгать.

— Ну, хоть плачь! — воскликнула блондинка. — Зачем же я пошла в публичный дом, постыться что ли? Идем, деньги отдашь через несколько дней.

Фабиан отказался. Тут вернулся Венцкат и сел рядом с блондинкой.

— Теперь тебе незачем ко мне подсаживаться, — сказала она обиженно.

Появилась Лотта, обеими руками держась за ягодицы и жалобно стеляя:

— Вот скотина! Вечно он меня лупит. Я три дня даже сесть не смогу.

— Вот тебе еще десять марок, — утешил ее Венцкат.

Она наклонилась спрятать деньги в туфлю, и он снова шлепнул ее. Она сделала злые глаза и хотела броситься на него.

— Сесть! — приказал он. Потом положил руку на бедро блондинки и спросил: — Ну как, пойдём?

Та смерила его испытующим взглядом и сказала:

— Со мной твои штуки не пройдут. Мне чтобы все было честь по чести.

Венцкат кивнул. Блондинка встала и, покачивая бедрами, прошла вперед.

— Я же должен был за тобой присматривать, — сказал Фабиан.

— А, семь бед — один ответ! — махнул рукой Венцкат.

И последовал за блондинкой.

Хозяйка принесла вторую бутылку и разлила шампанское. Лотта ругала Венцката и показывала свои синяки. Маленькая брюнетка вцепилась в пиджак Фабиана, шепча:

— Пойдем в мою комнату.

Он посмотрел на нее. Она не отрывала от него своих больших, серьезных глаз.

— Я хочу тебе кое-что показать, — тихонько добавила она.

Они вышли вместе. Комната маленькой брюнетки была обставлена также «по-турецки» и также безвкусно, как салон, в котором они только что сидели. Кровать — вся в цветочках и кружевах. Картины на стенах — смех да и только. Электрическая печка согревала воздух. Окно было распахнуто. На подоконнике стояли три цветочных горшка. Женщина закрыла окно, подошла к Фабиану, обняла его и погладила по лицу.

— Так что же ты хотела показать мне? — спросил он.

Она ничего не показывала. И ничего не говорила. Только смотрела на него.

Он ласково хлопнул ее по спине и сказал:

— У меня же нет денег.

Она покачала головой, расстегнула ему жилет, легла на кровать и, не шевелясь, выжидательно смотрела на него.

Фабиан пожал плечами, разделся и лег рядом. Она со вздохом облегчения обняла его. Отдавалась она ему с сугубой осторожностью, не сводя с его лица пристального взгляда. Он смутился так, словно соблазнил невинную девушку. Она по-прежнему молчала. Только потом разжала губы и застонала, но даже стон ее прозвучал сдержанно.

Потом она принесла воды, из двух пузырьков накапала в миску каких-то химикалий и услужливо держала наготове полотенце.

Венцкат, усталый, сидел между Лоттой и блондинкой. Он кивнул Фабиану. Они допили бутылку и простились. Фабиан сунул в руку брюнетке две монеты по две марки.

— Больше у меня с собой нет, — тихо сказал он. Она смотрела на него серьезным взглядом.

Вся компания вышла на лестницу. Венцкат опять расшумелся, он был изрядно пьян. Вдруг Фабиан почувствовал в своем кармане чью-то руку. Выйдя на улицу, он обнаружил в

кармане свои две монетки.

— На что это похоже? — сказал он Венцкату. — Я дал этой малютке несколько марок, а она сунула мне их обратно.

Тот громко зевнул.

— Любовь, ничего не поделаешь. Видно, ей уж очень неважно было. Слушай, Якоб, на нашей встрече о сегодняшнем — ни слова. И не забудь, в пятницу вечером погребок при ратуше.

Венцкат ушел.

Фабиан еще немного погулял. На улицах — только редкие прохожие. Пустые трамваи спешили в депо. Фабиан остановился на мосту и стал смотреть на реку. Дрожащие отражения дуговых фонарей казались маленькими лунами, упавшими в воду. Река широко разлилась. Наверно, в горах прошли дожди. На холмах, окаймлявших город, мигало множество огоньков.

Пока он здесь стоял, на груневальдской вилле, в гробу, лежал Лабуде, а Корнелия спала с Макартом в кровати под балдахином. Как далеко остались они! Над Фабианом было совсем другое небо. Здесь Германия не металась в жару. Здесь у нее была пониженная температура.

Глава двадцать четвертая **У господина кнорра мозоли** **Газете нужны дельные люди** **Учитесь плавать!**

На следующий день Фабиан из булочной позвонил в контору Венцката. Тот был очень занят, спешил в суд. Фабиан спросил, может, Венцкат знает, нет ли где какой вакансии.

— А ты зайди к Хольцапфелю, — посоветовал Венцкат. — Он сейчас в «Тагеспост».

— Что он там делает?

— Во-первых, он спортивный редактор, во-вторых, — музыкальный критик. Возможно, у него что-нибудь имеется. И не забудь, в пятницу вечером. До свидания.

Вернувшись домой, Фабиан сказал, что ему надо бы сходить в старый город к Хольцапфелю, который служит редактором в «Тагеспост». Может, он ему пригодится. Мать сидела в лавке, ожидая покупателей.

— Это было бы чудесно, сынок, — сказала она, — ступай с богом.

В трамвае на крутом повороте он столкнулся с каким-то длинным, как жердь, господином. Они с неудовольствием взглянули друг на друга.

— А ведь мы знакомы, — сказал длинный и протянул Фабиану руку.

Это был некий Кнорр, бывший обер-лейтенант запаса. В свое время он занимался подготовкой роты одногодичников, в которой служил Фабиан. Он так драл шкуру с семнадцатилетних ребят, словно смерть и дьявол платили ему жалованье.

— Живо уберите вашу руку, — сказал Фабиан, — или я плюну на нее.

Господин Кнорр, экспедитор по профессии, последовал благому совету и смущенно рассмеялся. На площадке они были не одни.

— Что я вам сделал? — спросил он, хотя отлично знал что.

— Если бы вы не были таким верзилой, я бы вам сейчас съездил по морде, — сказал Фабиан. — Но, увы, я не могу дотянуться до вашей почтенной физиономии, и мне придется действовать по-другому. — С этими словами он наступил на мозоль господину Кнорру, так что тот побелел и сжал губы.

Кругом все засмеялись, а Фабиан соскочил с подножки и остаток пути прошел пешком.

Хольцапфель, его однокашник, производил впечатление весьма зрелого человека. Он пил пиво и просматривал корректуру, испещренную какими-то иероглифами.

— Садись, Якоб, — предложил он. — Мне надо просмотреть программу скачек и еще информацию о фортепьянном концерте. Давненько мы не видались. Где ты пропадал? В Берлине? Я бы с удовольствием сгонял туда. Да все недосуг. Вечная работа и вечное пиво.

Мозоли в мозгу, мозоли на заднице, дети становятся все старше, подружки — все моложе, так и захворать недолго. — Бормоча себе под нос весь этот вздор, он продолжал преспокойно править корректуру и прихлебывать пиво. — Копель разводится, узнал, что жена изменяла ему сразу с двумя. Он ведь всегда был хорошим математиком. Бретшнейдер продал свою аптеку и обзавелся небольшим поместьем. Разводит фруктовые пудинги и хрустящий картофель. За свои денюжки каждый может выбрать себе по вкусу. Так, ну, фортепьянные концерты подождут. — Он вызвал курьера и отправил в типографию гранки с программой скачек. Фабиан рассказал ему, что ищет места, что в последнее время он занимался рекламой. Но теперь ему уже все равно, главное найти работу здесь, в городе.

— В музыке ты ничего не смыслишь. В боксе — тоже, — констатировал Хольцапфель. — Может, ты пригодился бы в литературном приложении в качестве театрального критика или чего-то в этом роде. — Он позвонил директору, поговорил с ним и посоветовал Фабиану: — Зайди к нему, расскажи что-нибудь занятное. Он, правда, не в меру заносчив, но в общем-то человек смысленный.

Фабиан поблагодарил, напомнил Хольцапфелю о встрече в пятницу и отправился к директору Ханке.

— Доктор Хольцапфель — ваш школьный товарищ? — спросил директор. — Вы изучали историю литературы? В данный момент у нас нет вакансии. Но это ничего не значит. Вы, видно, человек дельный. А дельные люди мне всегда нужны. Поработайте две недели на свой страх и риск. Я познакомлю вас с шефом нашего литературного приложения. Если он отклонит ваши статьи, ну, значит, вам не повезло. Но в таком случае я буду рад видеть вас нашим внештатным сотрудником. — Директор собрался нажать кнопку звонка.

— Минуточку, господин директор, — сказал Фабиан. — Благодарю вас за предложение, но я бы предпочел работать в отделе рекламы. Можно, например, устроить консультационный пункт для тех, кто дает в газету объявления, предлагать клиентам броские, запоминающиеся тексты, и при случае даже организовывать рекламные кампании. Искусственная систематическая реклама благоприятно повлияла бы на тираж газеты. Можно было бы заодно с крупными заказчиками проводить очень выгодные конкурсы, а для подписчиков устраивать соревнования по боксу или еще какие-нибудь праздники в этом роде.

Директор внимательно выслушал его и сказал:

— Нашим крупным акционерам не по душе берлинские методы.

— Зато этим господам по душе увеличение тиража.

— Но не с помощью хитрых уловок, — пояснил директор, — и все-таки я поговорю с шефом отдела объявлений. Возможно, в умеренных дозах и надо прибегнуть к средствам, которыми нам, рано или поздно, все равно придется воспользоваться. Зайдите завтра в одиннадцать. Я посмотрю, что можно будет сделать. Захватите с собой несколько ваших работ. И свидетельства, какие у вас имеются.

Фабиан поднялся и поблагодарил его за внимание.

— Если мы вас ангажируем, — сказал директор, — то не ждите каких-то фантастических сумм. Двести марок в наше время — большие деньги.

— Для служащих? — с любопытством спросил Фабиан.

— Нет, — отвечал директор, — для акционеров.

Фабиан сидел в кафе «лимбер», пил коньяк и предавался размышлениям. До чего же бредовые у него были планы! Он хотел, если будет на то их милость и его возьмут на работу, помочь этой правой газете расширяться. Или он надеялся внушить себе, что его волнует реклама, как таковая, независимо от того, чему она служит? Надеялся обмануть себя? Хотел за две стомарковые бумажки в месяц изо дня в день хлороформировать свою совесть? Уж не приобщился ли он к Мюнцеру и компании?

Мать была бы рада. Она хотела, чтобы он стал полезным членом общества. Полезным членом этого общества! Общества «с ограниченной ответственностью»! Нет, не пойдет! Он еще не настолько измучен. Деньги для него пока что не самое главное.

Он решил скрыть от родителей, что мог бы устроиться в «Тагеспост». Не хотел он

устраиваться. К чертям собачьим! Не нужны ему эти унижения. Фабиан решил отказать директору, и едва он принял это решение, как ему сразу полегчало. Он мог еще взять оставленную ему Лабуде тысячу марок, податься в Рудные горы и поселиться там на каком-нибудь тихом хуторе. Денег хватит на полгода, а может, и больше. Он мог бы гулять, сколько позволит его большое сердце. Горный хребет, обрывы, игрушечные городки он помнил еще по школьным экскурсиям. Помнил леса, горные луга, озера и бедные сторбленные деревушки. Пусть другие ездят к южным морям, в Рудных горах дешевле. Может быть, там, наверху, он вновь обретет себя. Может быть, там, наверху, опять станет похож на человека. Может быть, на одиноких лесных тропинках он найдет цель, на которую не жалко усилий. А не хватит ему пятисот марок? Другую половину он оставил бы матери.

Итак, решено, на лоно природы, и без промедления! Когда Фабиан возвратится, мир уже сделает шаг вперед или два шага назад. Не важно, в какую сторону этот мир повернется, любое положение будет лучше нынешнего. Любой оборот событий, будь то борьба или работа, окажется на руку Фабиану. Не может он больше стоять около жизни, как ребенок около кучи мусора. Он еще ничего не в состоянии сделать, еще не за что ему ухватиться, да и за что он должен хвататься, с кем связать себя? Ему хотелось тишины, хотелось в горах слушать время, покуда не раздастся выстрел стартера, который сорвет с места его и ему подобных.

Фабиан вышел из кафе. А не бегство ли то, что он задумал? Ведь для того, кто хочет действовать, место действия всегда и везде найдется. Чего он ждет уже долгие годы? Наверно, сознания, что он рожден быть зрителем, а не актером в мировом театре, как он думал еще сегодня?

Фабиан останавливался у витрин, смотрел на платья, шляпы и кольца, но ничего не видел. У корсетной мастерской он пришел в себя. Жизнь, несмотря ни на что, одно из интереснейших занятий. Барочные здания Дворцовой улицы стоят как прежде, а их строителей и первых владельцев давно нет на свете. Хорошо, что не наоборот.

Фабиан шел по мосту. Вдруг он увидел, что по каменным перилам, балансируя, идет маленький мальчик. Фабиан прибавил шаг. Побежал.

Мальчик пошатнулся, пронзительно вскрикнул, упал на колени, схватился руками за воздух и полетел в воду.

Несколько прохожих, услышавших вскрик, обернулись. Фабиан перегнулся через широкие перила. Он увидел голову ребенка, увидел, как тот колотит руками по воде. Он скинул пиджак и бросился в реку — спасти ребенка. Два трамвая остановились. Из вагонов высыпали пассажиры и наблюдали за происходящим. По берегу взад и вперед бегали взволнованные люди.

Мальчик, громко плача, подплыл к берегу.

Фабиан утонул. К сожалению, он не умел плавать.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)